
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324329 2

ЖИЗНЬ

и

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В. Г. КОРОЛЕНКО.

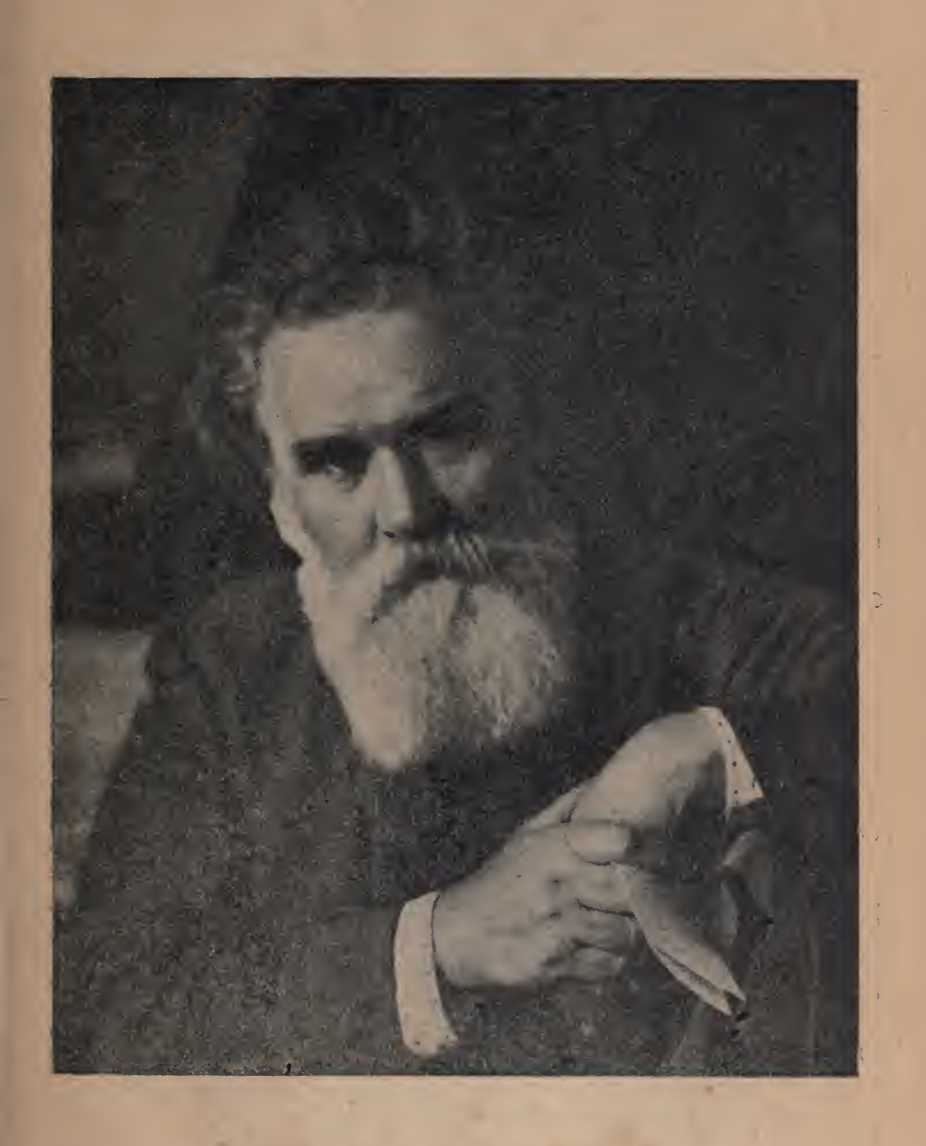
СБОРНИКЪ

статей и рѣчей къ 65-лѣтнему юбилею.

„КУЛЬТУРА и СВОБОДА"
Просвѣтительное О-во въ память 27-го февраля 1917 года.
Петроградъ, Лиговская ул., № 3.

Типографія „ПЕЧАТЬ“, Петроградъ, Броницкая улица, домъ № 15.

Вл. Короленко

В. Г. Короленко*).

Въ статьѣ о картинѣ Полѣнова „Христосъ и Грѣшница“ Короленко говоритъ: „Всему, что выдвинула критическая мысль начала христіанской эры, всѣмъ наличнымъ противорѣчіямъ Христосъ нашелъ примиреніе... Онъ пережилъ свой періодъ анализа, т. е. критики, т. е. разрушающей мысли, прежде чѣмъ перейти къ созиданію. И все его ученіе-примиреніе для цѣлыхъ вѣковъ мучительныхъ противорѣчій“

Не трудно спорить съ этой исторической концепціей. Слова „не миръ, но мечъ“ имѣютъ, вѣдь, свой полновѣсный смыслъ. И если Короленко отвлекается отъ нихъ, то это потому, что онъ, какъ и всѣ мы, строитъ свою мечту о высшемъ по образу своему и подобію. Широкіе образы всечеловѣческой мечты всегда наполняются нашимъ личнымъ содержаніемъ. Такъ и основная мысль Короленко, „идея-мать“ его произведеній, его жизни, его существа, его мечта о гармоніи, о примиреніи отлилась въ его одностороннее историческое толкованіе.

Біографія человѣка есть исторія его внутренняго развитія; біографія писателя есть исторія его книгъ. Но какую страницу біографіи Короленко не раскроешь, на ней говорится не только о книгахъ, но и о поступкахъ, не только о сочиненіяхъ, но и о дѣлахъ. Каждое изъ его дѣлъ

---

*) Рѣчь, произнесенная на публичномъ собраніи въ честь В. Г. Короленко 15/28 іюля 1918 г.

меньше, чѣмъ его книги; его книги, его художественныя произведенія могъ написать только большой писатель, а его поступки, не осѣненныя ореоломъ художественнаго созданія, съ виду доступны людямъ и не столь одареннымъ. Но безъ нихъ не полонъ, не такъ гармониченъ и не такъ высокъ духовный обликъ Короленко. Въ нихъ, въ этихъ дѣлахъ житейскихъ, въ этихъ созданіяхъ внѣэстетическихъ онъ получаетъ свою подлинную законченность, красоту и высоту. На эту высоту онъ возноситъ и свои дѣла житейскія, дѣла среднія, „малыя дѣла“, которыя мы должны еще научиться цѣнить высоко.

Очень молодымъ человѣкомъ, сосланный въ глухую вятскую деревню, гдѣ онъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ курной избѣ вмѣстѣ съ коровами и овцами, Короленко нашелъ здѣсь источникъ заработка въ сапожномъ ремеслѣ. „Дѣло это интересное и я имъ увлекался“, — разсказывалъ онъ впослѣдствіи: — „это увлеченіе поддерживалось и честолюбіемъ: въ Починкахъ я справедливо считался первымъ сапожникомъ“.

Два большихъ русскихъ писателя шили, стало быть, сапоги: Левъ Толстой и Короленко. Но Толстой ихъ шилъ для души, а Короленко шилъ для ногъ. Шилъ безъ покаянія, дѣловито, ради заработка. Я знаю разстояніе между Толстымъ и Короленко, знаю величіе подвига Толстого, и не величины сопоставлены здѣсь, а два типа, два душевныхъ склада... Подвигъ Толстого есть великое самосожиганіе, великій размахъ сверхчеловѣческой души, которому противостоитъ бездушная, человѣческая, слишкомъ человѣческая, дѣловитость. Подвигъ Короленко есть синтезъ, примиреніе двухъ глубоко различныхъ, но для жизненнаго строительства равно необходимыхъ душевныхъ устремленій. Ихъ миритъ Короленко не въ теоріи, не въ проповѣди, не въ литературѣ, а въ своемъ существѣ, въ своей работѣ, не въ статикѣ формулы, а въ динамикѣ повседневной дѣятельности, въ живомъ горѣніи несокрушимо бодраго и неисчерпаемо отзывчиваго человѣка.

Онъ не только сапоги на заказъ шилъ, — онъ и иконы писалъ; это было въ якутской ссылкѣ; здѣсь у него было полное крестьянское хозяйство; онъ пахалъ, сѣялъ, корову доилъ, готовилъ себѣ обѣдъ. До ссылки онъ и въ

корреспондентахъ побывалъ, и въ желѣзнодорожномъ правленіи служилъ, а когда вернулся и вошелъ въ русскую литературу какъ признанный художникъ, то продолжалъ дѣлать разныя дѣла. какъ бы въ сторонѣ отъ главнаго дѣла своей жизни, отъ художественнаго творчества, продолжалъ „разбрасываться", какъ говорятъ нѣкоторые, „сосредоточиваться"—сказалъ бы я. Ибо для Короленко уйти въ обличительную газетную кампанію или въ историческую работу, или въ дѣло Бейлиса есть именно сосредоточеніе, проявленіе и обогащеніе своего существа. Конечно, въ новой стадіи большими стали и малыя дѣла Короленко. Еще въ Якутской области, — разсказываетъ съ его словъ одинъ изъ его біографовъ, — его бодрое и дѣятельное настроеніе подчасъ „смѣнялось другимъ, навѣяннымъ сознаніемъ, что годы короткой жизни бѣгутъ, что шить сапоги на крестьянъ и косить якутскую траву-все же не самое лучшее дѣло". И рядомъ со своимъ основнымъ большимъ дѣломъ онъ нашелъ другія дѣла, малыя лишь въ сравненіи съ его художественными созданіями. Въ маленькую квартирку Короленко въ Нижнемъ Новгородѣ, читаемъ мы въ однихъ воспоминаніяхъ, „смѣло шли за совѣтомъ и помощью, а страсть выручать изъ бѣды" создала В. Г. шутливое прозвище „банкира".

Кто привыкъ любить въ Короленко идеалиста и мечтателя, религіознаго искателя и романтика, тотъ, вѣрно, будетъ удивленъ, а то и смущенъ этимъ дружескимъ прозвищемъ. А между тѣмъ вѣдь оно рисуетъ ту сторону существа Короленко, которая не такъ ярка въ его художественныхъ образахъ: его дѣятельную жизненность, его потребность связать всего себя, въ томъ числѣ и свое поэтическое созиданіе, съ потокомъ и съ нуждами повседневной жизни. Оттого Короленко не только „Слѣпого музыканта" писалъ или „Парадоксъ", но уже будучи авторомъ этихъ произведеній, смиренно сидѣлъ въ нижегородской архивной комиссіи, составляя „Опись дѣлъ балахнинскаго городского магистрата" или „Матеріалы для біографіи Кулибина". Это потому, что онъ тяготѣетъ и къ простому, общедоступному дѣлу, и даже къ такимъ мѣстамъ, гдѣ наиболѣе естественно именно это простое, ограниченное мѣстное дѣло, а не только относительно отвлеченный взлетъ, и призывъ

къ широкимъ горизонтамъ. Онъ конечно, и взлетаетъ, и призываетъ, но связь съ почвой сохраняетъ неизмѣнно, и не хочетъ ее терять. Оттого онъ не хотѣлъ и не могъ стать петербуржцемъ и охотно называлъ себя провинціаломъ. И куда бы ни швырнула его судьба, онъ никогда не оставался въ безвоздушномъ пространствѣ высокомѣрнаго идеализма, всегда осѣдалъ, пускалъ корни, становился своимъ, мѣстнымъ — и съ удовольствіемъ разсказывалъ о томъ, какъ причалилъ къ Нижегородской набережной и послѣ одинадцатилѣтняго пребыванія считаетъ себя нижегородцемъ. Теперь онъ, конечно, полтавецъ, надо бы сказать, полтавскій обыватель, если бы въ этомъ словѣ не было привкуса того безразличія, которое есть отрицаніе неисчерпаемой дѣйственности Короленко. Да, обыватель, въ глухомъ углу продѣлавшій и голодную кампанію, и мултанскій процессъ, и филоновское дѣло: все мѣстныя, малыя дѣла, которымъ онъ сообщилъ размѣры и стиль большихъ дѣлъ.

II.

Каждый томъ собранія сочиненій Короленко дѣлится на двѣ приблизительно равныя половины: въ первой—его художественная беллетристика, во второй половинѣ его боевая публицистика: и это раздѣленіе, это сочетаніе, это противопоставленіе, не случайное, самимъ писателемъ установленное, символически изображаетъ раздѣленіе его творческаго существа между мыслящимъ художникомъ и волевымъ борцомъ. Раздѣленіе это есть наше отвлеченіе: это не расщепленіе личности, не раздвоеніе устремленій, не вѣчная внутренняя борьба: это примиренная дѣйственность, это внутренняя гармонія. Когда Короленко, бодрый, смѣлый, жизненный, выступаетъ съ газетной полемикой, когда онъ всѣмъ своимъ существомъ уходитъ въ общественную борьбу, онъ не творитъ надъ собою насилія, онъ не жертвуетъ ничѣмъ изъ своего лучшаго Я. Ему борьба не мѣшаетъ быть поэтомъ, пѣсни не мѣшаютъ быть бойцомъ. Мы то, въ вѣчномъ тяготѣніи къ вѣчнымъ цѣнностямъ, теоретическимъ, моральнымъ или художественнымъ, предпочли бы, быть можетъ, чтобы поэтъ оставался только поэтомъ, чтобы дѣло жизненнаго благоустроенія не творилось

за счетъ уясненія высшихъ началъ жизни, мы предпочли бы внутреннюю борьбу, въ которой побѣдителемъ бы вышелъ чистый художникъ. Но нѣтъ нужды ставить отвлеченныя требованія тамъ, гдѣ мы имѣемъ предъ собой живую индивидуальность, безконечно цѣнную въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется.

Очень легко извратить смысль этой почвенности, преувеличить ея размахъ, свести ее къ обывательщинѣ, преуменьшить ея своеобразную значительность. Но эта опасность не грозитъ тому, кто знаетъ конечныя устремленія повседневной работы Короленко, кому книги писателя раскрыли смысль его дѣятельности.

Короленко кончалъ гимназію, когда великовозрастный товарищъ его, Конахевичъ, говорилъ ему: „Счастливый вы человѣкъ... У васъ маленькія, желанія и маленькія задачи, поэтому вы всего достигнете въ жизни: окончите курсъ, поступите на службу, женитесь.... И жизнь ваша покатится по ровной, гладкой дорогѣ“..... „А ваша?“ улыбаясь спросилъ Короленко. — „Мнѣ суждена другая доля“, — отвѣчалъ Конахевичъ; „меня манитъ недостижимое... Жизнь моя пройдетъ бурно... уничтожая все на своемъ пути, принося страданіе всѣмъ, кого роковая судьба сведетъ со мною“.

Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ Конахевичъ впослѣдствіи былъ мирнымъ железнодорожнымъ чиновникомъ. А Короленко въ это времк шелъ по этапу въ Якутскую область за то, что отказался принести должную присягу при вступленіи на престолъ Александра III. Эта ссылка въ гиблое мѣсто была, конечно, единственнымъ практическимъ слѣдствіемъ, на которое могъ разсчитывать Короленко, совершая свой поступокъ. Могло быть еще и другое слѣдствіе: созданіе извѣстнаго настроенія среди ссылныхъ, въ мірѣ революціонномъ и общественномъ. Но объ этомъ не подумалъ Короленко: актъ протеста онъ совершилъ безъ практическихъ соображеній; это была нравственная необходимость, субъективно безполезная, но объективно неизбѣжная. И весь смыслъ почвенности Короленко, вся высота его общественной дѣловитости именно въ сочетаніи съ этой нравственной неизбѣжностью по самому существу своему непрактичной. Это—то, что мы называемъ дѣйственной вѣрой и въ основѣ чего также лежитъ credo quia

absurdum. Эта нравственная неизбѣжность не считается съ условіями дѣйствительности. Повелительно она требуетъ всего человѣка, она движетъ имъ въ мгновеніе наибольшаго напряженія его самоотверженнаго творчества. И она даетъ ему силу создавать немыслимое. Равнаго всѣмъ человѣка она преобразуетъ въ сверхчеловѣка. Такую вѣру знаетъ Короленко, такую онъ воспѣваетъ, такою онъ горитъ и зажигаетъ другихъ.

Вспомнимъ „Слѣпого музыканта“. Мать слѣпого мальчика споритъ объ его воспитаніи съ его дядей; старый гарибальдіецъ Максимъ склоненъ преклониться передъ неизбѣжнымъ; онъ всегда думалъ, „что жизнь-борьба и что въ ней нѣтъ мѣста для инвалидовъ“, и свою судьбу, ставъ инвалидомъ, рѣшалъ согласно съ этимъ; „Не малодушно ли извиваться въ пыли подобно раздавленному червяку; не малодушно ли хвататься за стремя побѣдителя, вымаливая у него жалкіе остатки собственнаго существованія?“. Но гдѣ то сердце матери, которое согласится признать своего сына раздавленнымъ червякомъ? Мыслимо ли оно. способное примириться такъ просто съ неизбѣжнымъ? И они спорили:

„Мальчику остается только свыкнуться со своей слѣпотой, а намъ надо стремиться къ тому, чтобы онъ забылъ о свѣтѣ, — говорилъ дядя Максимъ. — Я стараюсь, чтобы никакіе внѣшніе вызовы не наводили его на безплодные вопросы, и если бы удалось устранить эти вызовы, то мальчикъ не сознавалъ бы недостатка въ своихъ чувствахъ, какъ и мы, обладающіе всѣми пятью органами, не грустимъ о томъ, что у насъ нѣтъ шестого.

— Мы грустимъ, — тихо возразила молодая женщина.

— Аня.

— Мы грустимъ, — отвѣтила она упрямо... Мы часто грустимъ о невозможномъ“.

„Грустимъ“ слово характерное для Короленко и для его дѣйственно-оптимистическаго міровоззрѣнія. Сколько бы ни было вложено злого сарказма въ „афоризмъ и парадоксъ“ его „феномена“, въ самомъ авторѣ нѣтъ ни тѣни этого озлобленія, и „парадоксъ“ его безрукаго бродяги, — „человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета“,— есть одна изъ основъ его міровоззрѣнія. Недаромъ и слѣ-

пой Петръ Попельскій въ концѣ концовъ не только созналъ себя необходимымъ для жизни, но такъ или иначе, — не-то реально, не-то метафорически, во всякомъ случаѣ противоестественно, — преодолѣлъ на мигъ свою слѣпоту. Крикомъ отчаянія не хотѣлъ и не могъ закончить Короленко. Но еще меньше могъ онъ замолчать этотъ крикъ обиженнаго и изуродованнаго человѣческаго существа, — крикъ о полнотѣ бытія, о внутреннемъ равновѣсіи извращенной природы, крикъ объ отнятомъ у человѣка богатствѣ жизни. Всѣ обобранные, всѣ исковерканные, всѣ для полноты бытія и въ сущности для безсмертія рожденные и этой полноты не познавшіе, мы разнообразны въ судьбахъ и еще разнообразнѣе въ душахъ. Многіе покорно, безсмысленно спокойно, а то и радостно несутъ бремя; другіе вяло томятся, тихо жалуются, грустятъ, разумно мирятся, твердя, народную мудрость о томъ, что глупо, а то и грѣшно прать противъ рожна. Но есть и такіе, которыхъ не придушила невозможность. Они не могутъ и не должны съ ней мириться; она не пригнетаетъ, а окрыляетъ ихъ; какова бы она ни была, какъ бы она ни называлась, — люди, строй, природа, Богъ, — она рождаетъ ихъ протестъ и рождаетъ ихъ творчество. Въ молитвахъ или проклятіяхъ, въ подвигѣ самопожертвованія или въ подвигѣ созиданія они неизмѣнно ищутъ одного, — чуда, — хотятъ, какъ говорилъ Тургеневъ, „чтобы дважды два не было четыре". И бываетъ такъ велика и чудесна ихъ безумная и нелѣпая жажда чуда, что чудо совершается: новая правда рождается на землѣ, новое слово освѣщаетъ скорбный путь человѣческій, исторгается изъ земли красный цвѣтокъ зла, раскрываются гробы народные, исцѣляются разслабленные, прозрѣваютъ слѣпорожденные. Мы знаемъ, какъ рѣдко побѣда вѣнчаетъ эту борьбу, столь безнадежную для здраваго смысла; тверды грани между возможнымъ и невозможнымъ; многіе разбиваютъ себѣ голову о твердыни немыслимаго. Но, побѣдители или побѣжденные, они-тѣ, кого мы называемъ творцами, геніями, представителями человѣчества.

„Не страшное" называется повѣсть, гдѣ Короленко разсказалъ о томъ, что представляется ему, быть можетъ, самымъ страшнымъ въ жизни: о томъ, какъ незамѣтно, постепенно въ будничной сутолкѣ выдыхается душа чело-

вѣка; съ грустной усмѣшкой, но и съ глубокимъ уваженіемъ говоритъ онъ здѣсь о тѣхъ безумцахъ, „которые голыми руками за колеса исторіи хватаются“. И самъ онъ, конечно, изъ тѣхъ, кто хватался. Развѣ отказъ въ присягѣ самодержцу или борьба за оправданіе мултанцевъ послѣ того, какъ ихъ дважды уже безповоротно осудилъ судъ присяжныхъ, не есть тоже попытка затормозить голой рукой безжалостное колесо исторіи? Короленко дѣлалъ это: онъ знаетъ какъ условны для зиждущей мысли и творческой воли границы того, что представляется невозможнымъ робкому уму и вялой волѣ.

И раньше не самоотверженную ли борьбу восхвалилъ Короленко въ Яшкѣ, „стучащемъ“ въ тюрьмѣ „за вѣру, за правъ-законъ, за великаго государя“. Безтолкова старая вѣра Яшки, безсмысленъ его одинокій стукъ, но на вопросъ, безуменъ ли Яшка, Короленко твердо отвѣчаетъ: „Конечно, нѣтъ... Я не сомнѣваюсь, что Яшка былъ вовсе не сумасшедшій, а подвижникъ“. Съ умиленнымъ чувствомъ бродитъ Короленко по берегамъ озера Свѣтлояра, въ глубинахъ котораго скрылся лишь избранникамъ видимый градъ Китежъ — и съ вѣрой народной сопоставляетъ свою вѣру: „Многіе и изъ насъ, давно покинувшихъ тропы стародавняго Китежа, отошедшихъ и отъ такой вѣры, и отъ такой молитвы, — всетаки ищутъ также страстно своего „града взыскуемаго“. И даже порой слышатъ призывные звоны. И, очнувшись, видятъ себя опять въ глухомъ лѣсу, а кругомъ холмы, кочки, да болота“...

Къ этимъ строкамъ въ очеркѣ „Свѣтлояръ“ примыкало заключеніе, исторія котораго любопытна.

Въ первой редакціи (1890 г.) Короленко говорилъ, что очутившись въ такомъ глухомъ лѣсу, естественно обратиться взглядомъ туда, „гдѣ простая, не тронутая критикой вѣра народа видитъ свой взыскуемый градъ“; поэтому онъ и ходитъ такъ охотно къ Свѣтлояру. Во второй редакціи (1909 г.) объ исканіи отвѣта въ народной вѣрѣ уже не говорится ничего: наоборотъ, здѣсь объ утерявшихъ дѣтскую вѣру искателяхъ „града взыскуемаго“ мы читаемъ, что нѣтъ для нихъ двухъ міровъ, и „свой Китежъ мечтаютъ они когда-нибудь построить изъ того же лѣса“. Въ послѣднемъ собраніи сочиненій исчезли и эти строки.

Конечно, Короленко не отказался отъ этой мысли. Въ ней его существо, его вѣра, его работа: не мечтать о якобы существующемъ, но недоступномъ Китежѣ, а дѣятельно строить его, строить одновременно и изъ той вѣры, что въ груди, и изъ того лѣса, что подъ рукой. Рядомъ съ вѣрой въ невозможное въ немъ неизмѣнно живо чувство возможнаго, чувство дѣйствительности, громадный здравый смыслъ. Этому здравому смыслу, этому житейскому такту онъ предоставляетъ рѣшеніе наряду съ самыми отважными порывами духа — освободителя. Поэтому, отъ раціональнаго поученія, отъ формулы, отъ застывшаго теоретическаго рѣшенія отказался Короленко: „Пусть всякій рѣшаетъ по своему“. Его книги, какъ оно и должно, только ставятъ вопросы; отвѣты на нихъ даетъ его жизнь, его существо въ цѣломъ. Не въ разсудочной формулѣ примиряетъ онъ противоположныя тяготѣнія теоріи и практики, не отвлеченное построеніе даетъ въ отвѣтъ на наши жадные запросы, а — всего себя, свою дѣйственную правду, свою неисчерпаемую моральную активность, свое боевое и безстрашное противленіе злу, въ какихъ бы формахъ оно не проявлялось. И только тотъ приблизился къ пониманію Короленко, кто оцѣнилъ его не въ отдѣльныхъ проявленіяхъ его богатой и щедрой природы, но въ ея творческой и завершенной цѣлостности. Кто въ Короленко — большомъ писателѣ, Короленко — уголовномъ защитникѣ, Короленко — боевомъ публицистѣ, Короленко — живой совѣсти русскаго человѣка, Короленко — любимомъ художникѣ, Короленко — историкѣ, Короленко — редакторѣ не ощущаетъ единаго, цѣльнаго Короленко, тому Короленко далъ меньше, чѣмъ можетъ дать и что наряду съ нимъ могутъ дать очень немногіе.

III.

О лучшемъ произведеніи Короленко едва ли возможны споры: лучшее его произведеніе не „Сонъ Макара“, не „Морозъ“, не „Безъ языка“: лучшее его произведеніе — онъ самъ, его жизнь, его существо. Лучшее—не потому, что моральное, привлекательное, поучительное, но потому что самое художественное. Духъ его въ неустанномъ движеніи

но божественный ритмъ есть въ этомъ движеніи. Смыслъ всего его духовнаго существа есть внутренняя гармонія, такъ какъ гармонія эта была и есть результатъ великаго напряженія, произведеніе высокаго искусства, — искусства жизни, — то она есть подлинное художественное созданіе, высшее изъ созданій писателя.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ очень молодой Чеховъ, для котораго Короленко былъ „самымъ любимымъ изъ современныхъ писателей“, писалъ о немъ Плещееву: „Идти не только рядомъ, но даже за этимъ парнемъ, весело“. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ — больше тридцати, и парню, котораго въ руководители-не на словахъ только — выбралъ себѣ Чеховъ, сегодня 65 лѣтъ. Но также увѣрена его поступь, также зорки глаза, и если теперь мы не скажемъ, что идти за нимъ „весело“, то лишь потому, что слишкомъ много пережили для веселья, что безконечно глубже и сложнѣе молодого веселья то чувство, съ которымъ мы идемъ рядомъ съ Короленко и за нимъ. Но мы идемъ рядомъ съ нимъ и благодаримъ судьбу за каждый благостный день, который она даритъ намъ, пославъ намъ такого спутника.

А. Г. Горнфельдъ

Перечитывая Короленко въ эти дни...

(по поводу 65-лѣтія его рожденія).

Въ кошмарные, зимніе мѣсяцы текущаго года, когда рухнуло столько надеждъ и жизнь порою казалось почти-что непереносимой, неотразимо тянуло къ прошлому, чтобы на время отрѣшиться отъ сумбура дѣйствительности и вновь подойти къ ней въ освѣщеніи этого недавняго прошлаго. Я сталъ перечитывать Короленко, припомнивъ 80-ые годы, и, постепенно приближаясь вмѣстѣ съ авторомъ, съ которымъ переживалъ вновь десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, къ текущему моменту, и пришелъ къ заключенію, что Короленко сейчасъ самый нужный намъ и „современный" писатель. И не потому только онъ и „своевремененъ", что сумѣлъ отозваться послѣ переворота нѣсколькими вѣскими и значительными статьями и замѣтками, объясняя происшедшее, предостерегая о будущемъ, изобличая эксцессы настоящаго, а по всей совокупности своей прошлой и настоящей дѣятельности и своему писательскому облику въ цѣломъ.

Можно привязаться къ любому предлогу, — хотя бы къ 65-тилѣтію рожденія, чтобы еще разъ справить юбилей Короленко. Вѣдь юбилей означаетъ радость, jubilum — радостный крикъ, а рѣдкій писатель способенъ доставить именно такое чувство радости отъ духовнаго общенія съ нимъ, какъ Короленко. Не даромъ его имя объединяетъ столькихъ весьма разно мыслящихъ и чувствующихъ людей, но сходящихся въ пониманіи единой сущности человѣческой природы и обще-гуманитарныхъ идей. Онъ умѣетъ самъ возвыситься и поднять общающихся съ нимъ до сознанія чего-то болѣе устойчиваго, вѣчнаго, чѣмъ умствованія и домыслы заносчиваго разсудка, такъ склоннаго увязнуть въ текстахъ сочиненной теоріи. „И я понялъ, что жизнь шире и глубже всякихъ теорій" — какъ-то на-

писалъ намъ Влад. Гал., указывая вѣрный путь, какъ доискиваться до смысла жизни.

Мыслитель и дѣятель неразрывно связанъ въ лицѣ Короленко съ художникомъ, и въ своихъ произведеніяхъ онъ съ большой откровенностью и ласковымъ довѣріемъ выявляетъ свою личность, обращаясь къ читателю — другу. Можетъ-быть въ этомъ свойствѣ очень субъективной формы изложенія — кроется одна изъ причинъ популярности писателя, почти во всѣхъ произведеніяхъ котораго за авторомъ чувствуется между строкъ и превосходный человѣкъ. Совпаденіе не очень частое.

Плѣняетъ прежде всего художникъ, конечно. Мягкость письма Короленко, красивая образность стиля, сильно развитое чувство природы и мастерская передача явленій природы, задушевный лиризмъ чудесныхъ стихотвореній въ прозѣ, которыя тамъ и сямъ вкраплены въ разсказы или составляютъ содержаніе отдѣльныхъ набросковъ, жизненность образовъ, всегда правдивыхъ или правдоподобныхъ, несложная, но въ большинствѣ случаевъ — интересная и оригинальная фабула, чрезвычайная ясность архитектоники и неизмѣнно примиряющій, свѣтлый, бодрый финальный аккордъ почти во всѣхъ произведеніяхъ — все это располагаетъ въ такой мѣрѣ, что невольно подчиняешься оптимистическому настроенію автора. Въ тяжелыя минуты охотно раскрываешь наугадъ книжки его очерковъ, зная напередъ, что по прочтеніи любого изъ нихъ станетъ свѣтлѣе на душѣ. А часто-ли теперь приходится испытывать хотя бы передышку среди кошмарныхъ явленій современности! Короленко не захватываетъ васъ грандіозностью замысловъ, онъ не вовлекаетъ ни „въ верхнія ни въ нижнія бездны“ человѣческой души, не раскрываетъ широкихъ горизонтовъ комедіи человѣчества и не рисуетъ сложныхъ, волнующихъ, типовъ и характеровъ. Но тѣ уголки жизни, которые онъ развертываетъ передъ вами, бѣгло очерченные силуэты, мелькающіе на фонѣ пейзажа, какъ бы сливаясь съ нимъ, живописныя фигуры бродягъ, ссыльныхъ, сибирскихъ поселенцевъ, сектантовъ разныхъ толковъ, полуинтеллигентовъ или совсѣмъ не культурныхъ людей, очаровательныя дѣтишки въ атмосферѣ цѣльно выдержаннаго дѣтскаго міросозерцанія, — все это имѣетъ своеобразную прелесть и если

вы соприкасаетесь порой съ изнанкой жизни, если ощущаете горе и страданія, которыя даны въ удѣлъ человѣку, то это чувство быстро смѣняется другимъ, примиряющимъ съ жизнью, укрѣпляющимъ вѣру въ человѣка и въ добро, внушающимъ возможность счастья на землѣ. Короленко менѣе всего склоненъ къ концепціи трагическаго. Рокъ, — внѣшній или внутренній, — предопредѣленіе, детерминизмъ — все это понятія, не только чуждыя его міровоззрѣнію, но онъ съ ними борется, оспариваетъ ихъ. „Страданіе есть то, съ чѣмъ мы и должны, и, главное, можемъ бороться“,. — писалъ Короленко при разборѣ „Василія Ѳивейскаго“ Леонида Андреева; онъ вѣритъ въ преодолимость страданія и оспариваетъ точку зрѣнія автора, склоннаго къ идеѣ трагическаго рока, тяготѣющаго надъ людьми. Свободную волю человѣка Короленко отстаиваетъ въ легендѣ— „Необходимость“; цѣлительныя свойства счастья, — „хорошаго человѣческаго счастья“, — изображены имъ въ разсказѣ „Марусина Заимка“, объ немъ же онъ говоритъ и въ очеркѣ „Не страшное“ и т. д. Это все элементы общеизвѣстнаго оптимизма Короленко; но въ чемъ его главный источникъ? Откуда онъ возникъ? Вѣдь нельзя сказать, чтобы жизнь избаловала автора; чтобы судьба, — если допустить таковую, — была къ нему очень милостива, особенно въ молодые, лучшіе годы, когда складывается основа міросозерцанія человѣка.

Припомнимъ, что въ 20 съ небольшимъ лѣтъ, за пустячную студенческую исторію, онъ оказывается исключеннымъ изъ Петровско-Разумовской Академіи. Едва наладилось было, черезъ годъ, продолженіе его занятій въ Технологическомъ институтѣ, какъ снова онъ подвергся обыску, аресту и высылкѣ въ Вышній-Волочекъ. Затѣмъ онъ ссылается въ глухой поселокъ Вятской губ., при едва выносимыхъ условіяхъ жизни въ курной избѣ. Далѣе, послѣ временной передышки въ Перми, онъ, какъ оказывается потомъ, по недоразумѣнію или по ошибкѣ, — высланъ въ Сибирь. Возвращенный изъ Томска, онъ вскорѣ снова — но теперь уже по причинѣ, за отказъ отъ принесенія особой, не въ примѣръ прочимъ, присяги на вѣрность подданства царю, — ссылается въ Якутскую область, откуда возвращенъ лишь черезъ три года. Итакъ, въ общемъ, свыше

шести лѣтъ гоненій, мытарствъ всякаго рода, жизни при самыхъ тяжелыхъ, — физически и морально, — условіяхъ: казалось-бы — гдѣ же тутъ данныя для развитія оптимистическаго міросозерцанія? Однако, по окончаніи этого искуса, все-таки восторжествовали и оптимизмъ, и бодрая вѣра въ человѣка и въ лучшее будущее; передъ авторомъ неуклонно маячатъ впереди воспѣтые имъ впослѣдствіи огни.

II.

Одинъ изъ источниковъ оптимизма Короленко раскрывается намъ уже при вторичной его ссылкѣ въ Сибирь. Дѣло въ слѣдующемъ: въ отношеніи Генералъ-губернатора Анучина Якутскому Гражданскому Губернатору при отправкѣ „политическаго преступника“ Короленко, между прочимъ, указано, что названный административный ссыльный мотивировалъ свой отказъ принять присягу—„требованіемъ совѣсти“. Это было ему поставлено въ вину, но вѣдь это драгоцѣннѣйшее качество человѣка, — уже не художника, а именно человѣка: желанье и умѣнье жить въ согласіи съ велѣніями совѣсти. И тотъ, кто соблюдаетъ это правило, спокойно переноситъ всѣ превратности, будучи увѣренъ въ своей правотѣ. Вотъ именно эта согласованность дѣйствій и убѣжденій, стойкость характера, нравственная выдержка служили оплотомъ Короленко противъ всякихъ мрачныхъ мыслей, отчаянія или озлобленія. Ибо ничто такъ не бодритъ духъ, какъ сознаніе исполненнаго долга и удовлетворенный запросъ совѣсти.

И качество, которое Короленко выявилъ въ молодые годы, не убоявшись послѣдствій своей стойкости, осталось у него на всю жизнь, вдохновляя его въ цѣломъ рядѣ выступленій на общественномъ поприщѣ, и до, и послѣ знаменитаго Мултановскаго процесса, въ которомъ онъ съ такой силой оттѣнилъ значеніе общественной совѣсти, выступивъ ея яркимъ выразителемъ. Нынѣ, при измѣненномъ строѣ въ „самостійной Украйнѣ“, подъ нѣмецкимъ покровительствомъ, ему вновь пришлось поднять голосъ, бросивъ укоръ своимъ „соотечественникамъ“: „И грѣхъ и стыдъ!.. Пришлось указать также и на „позорныя страницы“, которыхъ не вычеркнуть изъ исторіи русской революціи...

„На святое званіе человѣка имѣетъ право лишь тотъ, кто поступаетъ по-человѣчески“ — напоминаетъ онъ въ этой статьѣ, появившейся всего нѣсколько недѣль назадъ. Да, для Короленко человѣкъ — это „святое званіе“, и глубокая вѣра въ человѣка является другимъ источникомъ его оптимизма. Эта вѣра сложилась въ немъ рано, устойчиво сохранялась и выразилась со временемъ въ сознательное ученіе. Обусловлена она была несомнѣнно нѣкоторыми ранними впечатлѣніями дѣтства, вліяніемъ семейной обстановки, но главное въ томъ, что вѣра въ человѣка спасла Короленко и уберегла отъ всѣхъ тѣхъ разочарованій, къ которымъ могли его привести обстоятельства жизни, перенесенныя невзгоды, столкновенія съ самыми мрачными сторонами суровой дѣйствительности. Эта вѣра проходитъ красной нитью по всѣмъ произведеніямъ Короленко; теоретическое обоснованіе ей онъ далъ въ статьѣ „О сложности жизни“. Въ ней между прочимъ онъ напираетъ на положеніе, что „человѣкъ живетъ не для того, чтобы служить матерьяломъ для тѣхъ или другихъ схемъ“, а стало быть менѣе всего — для производства опытовъ съ проведеніемъ въ жизнь той или другой доктрины, въ ущербъ реальнымъ интересамъ общества и народа въ его цѣломъ. Это ли не своевременная мысль! Въ „великую совокупность человѣчества“ Короленко глубоко вѣритъ, опираясь на слова Гете, и уже, конечно, не можетъ сочувствовать дробленію на разныя породы людей по классамъ, при натравливаніи одной части населенія на другую.

„Дорогъ „человѣкъ“, — писалъ Владиміръ Галактіоновичъ, заключивъ это слово въ ковычки, — „дорога его свобода, его возможное на землѣ счастье, развитіе, усложненіе и удовлетвореніе человѣческихъ потребностей“... И это въ равной мѣрѣ для всѣхъ людей, кто бы они ни были по общественной классификаціи, — пролетаріи, буржуа, рабочіе, крестьяне... Заступаясь, еще по народнической традиціи, за общину, Короленко оговаривается: „община важна для меня не сама по себѣ, а какъ форма обезпеченія „человѣка“ (опять въ ковычкахъ). Но человѣкъ мнѣ важенъ, не только какъ конечный результатъ процесса, а и самъ по себѣ, т. е. въ общинѣ, во время перехода изъ нея и послѣ“...

III.

Мы подошли къ вопросу, по отношенію къ которому Короленко можетъ показаться наиболѣе отошедшимъ отъ современной намъ теперь дѣйствительности. Но мы сейчасъ увидимъ, что это только такъ кажется. За Короленко сохранилась репутація писателя-народника; и вотъ въ январѣ текущаго года въ газетахъ были замѣтки, что, какъ таковой, онъ долженъ былъ теперь испытать величайшія разочарованія въ русскомъ народѣ, разочарованія и въ своей прежней вѣрѣ въ народъ, въ томъ, что онъ столько служилъ ему и возлагалъ на него такія надежды, такъ сильно любилъ его. Другой крупный современный писатель, съ яркимъ художественнымъ дарованіемъ, самъ вышедшій изъ простонародной среды, недавно заявилъ, что будто бы нашъ народъ и любить то нельзя, настолько онъ грубъ, звѣроподобенъ, своекорыстенъ, настолько одичалъ: „наглотавшись водки до озвѣрѣнья, мужики бьютъ своихъ беременныхъ женъ пинками въ животъ; истребляя милліоны пудовъ зерна на „самогонку", они предоставляютъ „любящихъ ихъ" издыхать отъ голода" и т. д.*).

Конечно, внушить кому-нибудь чувство любви довольно мудрено, когда ея нѣтъ въ сердцѣ человѣка. Но приведенные аргументы не убѣдительны: во-первыхъ, любятъ не за достоинства — это давно извѣстно; во-вторыхъ, разсуждая такимъ образомъ. можно оспаривать и законность любви къ дѣтямъ, которые иногда бываютъ удивительно жестоки и тоже въ своемъ родѣ звѣроподобны: выкалываютъ кошкамъ глаза, привязываютъ къ ихъ хвостамъ горящія вещества, вырываютъ крылья у мухъ, топятъ щенятъ въ рѣкѣ и т. п. Какъ связать такія явленія съ представленіемъ о невинной дѣтской душѣ? о невѣдѣніи дѣтьми зла, о чистотѣ дѣтскаго міросозерцанія? Но отдѣльные случаи не доказательны. Бываютъ испорченныя, искалѣченныя дурными условіями жизни дѣти, бываютъ и развращенныя съ раннихъ поръ, и все-таки эти примѣры не нарушаютъ общаго представленія о нормальной дѣтской душѣ и не могутъ поколебать любви къ дѣтямъ вообще. Народъ во многомъ постольку-же невмѣняемъ въ своей дикости, какъ

*) Ср. „Новая Жизнь" № 113 (18 Іюня с. г.).

дѣти, предоставленныя собственному произволу. Короленко принадлежитъ къ поколѣнію, когда, дѣйствительно, была широкая и беззавѣтная любовь къ народу, быть-можетъ, при нѣкоторой идеализаціи его свойствъ, но главнымъ образомъ любовь возбуждалась сознаніемъ тяжелаго положенія, въ которомъ нашъ народъ продолжалъ пребывать и послѣ отмѣны крѣпостного права. Въ своей ранней повѣсти — конца 70-хъ годовъ — онъ разсказалъ намъ, что его влекло къ народу, и почему онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь служенію ему. Онъ сообщилъ также о томъ, какъ онъ подходилъ къ изученію народа, главнымъ образомъ — его психической жизни и своеобразныхъ процессовъ мышленія. Онъ послѣдовалъ и завѣту Глѣба Успенскаго, что — „все-таки надо... надо смотрѣть на мужика", и хотя не сдѣлалъ его исключительнымъ предметомъ своихъ наблюденій, удѣлилъ ему не мало вниманія. Да, Короленко въ извѣстномъ смыслѣ былъ „народникомъ", т. е. „народолюбцемъ", но никогда не возвеличивалъ народъ выше мѣры, никогда не замалчивалъ темныхъ сторонъ крестьянскаго быта. Зарисовавъ нѣсколько яркихъ образовъ, начиная съ Макара и кончая безподобнымъ Тюлинымъ, онъ особый интересъ высказалъ къ религіознымъ исканіямъ русскаго народа, къ запросамъ его совѣсти, къ его духовной жизни въ тѣхъ рамкахъ, которыя созданы были русской дѣйствительностью. Ошибся ли Короленко въ своемъ діагнозѣ свойствъ и качествъ русскаго народа? Не думаю, даже навѣрное нѣтъ. То, что было — было и есть; объ этомъ надо помнить. Основныя черты какого-нибудь Тимохи или Степана совершенно вѣрно схвачены и воспроизведены авторомъ, какъ и упорство „стучащаго" Яшки (Въ подслѣдственномъ отдѣленіи), какъ богоискательство представителей „Некрасовскаго корня" („Надъ Лиманомъ") и т. д.

А затѣмъ Короленко одинъ изъ первыхъ возражалъ противъ слишкомъ огульныхъ сообщеній и смѣшенія разныхъ типовъ, разныхъ индивидуальностей въ средѣ представителей народа: „мужика" единаго и нераздѣльнаго, просто мужика — совсѣмъ нѣтъ, — резонно замѣтилъ Короленко въ „Голодномъ годѣ": есть Федоты, Иваны, бѣдняки, богачи, нищіе и кулаки, добродѣтельные и порочные, заботливые и пьяницы и т. д. Въ томъ то и дѣло, что намъ

народъ кажется весь на одно лицо, и по первому мужику мы судимъ о всѣхъ мужикахъ". Какъ часто приходится вспоминать эти слова теперь, когда мы дѣлаемъ обобщенія въ обратную сторону, сваливая на весь народъ отвѣтственность за то, что обыкновенно дѣлается по почину немногихъ Правда, — и это приходится съ грустью признать, — многіе ужасы творились безъ достаточнаго противодѣйствія со стороны другихъ, инако мыслящихъ. Картины самосудовъ и разгромовъ получаются безотрадныя, но надо считаться съ психологіей толпы, и если теперь Пугачевщина проявляется въ такой рѣзкой формѣ, то кто-же отвѣтствененъ за то, что народъ такъ долго и такъ упорно держали въ потемкахъ, въ предположеніи, что менѣе культурнымъ населеніемъ, почти не знающимъ потребностей въ высшей духовной жизни, легче управлять, легче, дескать, и справляться съ нимъ. И вотъ — результаты на лицо. За преступленія Федотовъ платятся теперь и Иваны... Придетъ время— разберемся, да и теперь въ меньшинствѣ духовный перевѣсъ надъ большинствомъ, и въ этомъ, сейчасъ, быть можетъ, мало замѣтномъ, не выявляющемъ свой настоящій ликъ меньшинствѣ залогъ предстоящаго возрожденія русскаго народа. Короленко никогда не былъ народникомъ въ смыслѣ всецѣлаго преклоненія передъ народомъ, благоговѣйнаго умиленія передъ нимъ, указанія на него, какъ на образецъ лучшаго пониманія жизни, — погрѣшность, въ которую впадалъ даже Левъ Толстой. Короленко слишкомъ типичный интеллигентъ, чтобы отвернуться отъ преимуществъ именно интеллигенціи ради какого-бы то ни было „опрощенія" или отказа отъ какихъ-либо культурныхъ пріобрѣтеній. И неоднократно, указывая на пропасть между интеллигенціей и народомъ, онъ выражаетъ пожеланіе, чтобы разсѣялись „призраки, недовѣріе, вражда и взаимныя недоразумѣнія" между тѣмъ, кого выдѣляютъ образованность и научныя познанія, и невѣжественной массой. Почему все-таки можно любить народъ въ отвлеченіи, не смотря на всѣ его недостатки, грубость и одичаніе? — это объясняется именно тѣмъ, что понятіе о русскомъ народѣ берется болѣе широкое, чѣмъ тѣ конкретныя явленія, которыя омрачаютъ современную намъ дѣйствительность. Не можетъ того быть, чтобы народъ, создавшій богатѣйшій

былинный эпосъ, чудесныя пѣсни, сказанія, пословицы, легенды изумительной нравственной высоты, народъ, имѣвшій и подвижниковъ и выказавшій свою способность къ самоотверженному героизму, столько выстрадавшій и столько создавшій въ смиренномъ подвигѣ своей подъяремной жизни, — вдругъ, сразу лишился бы всѣхъ своихъ прежнихъ качествъ и утратилъ всякій человѣческій обликъ въ опьяненіи нежданной побѣдой надъ прежними, власть имѣвшими притѣснителями. Опьяненіе несомнѣнно; одичаніе — тоже; большому испытанію подвергается наша вѣра въ силы русскаго народа и его положительныя качества. Но — нужно вспоминать о прошломъ, чтобы предугадывать будущее; и какъ бы ни велики были грѣхи насъ всѣхъ, „интеллигентовъ", не сумѣвшихъ своевременно сдѣлать все нужное и возможное, чтобы предотвратить эту печальную побѣду „власти тьмы", чтобы пролить больше свѣта, больше знаній, больше культурности среди коснѣвшихъ въ невѣжествѣ и одичаніи нашихъ младшихъ братьевъ, чтобы „очеловѣчить ихъ" и подготовить въ большей степени къ самоуправленію, раньше чѣмъ передавать власть безотвѣтственнымъ, въ силу недостаточнаго развитія, „взрослымъ дѣтямъ"; правъ былъ Некрасовъ, которымъ вдохновлялся и Короленко при избраніи жизненнаго пути:

За каплю крови общую съ народомъ
Прости, о родина, меня!

IV.

Мы назвали Короленко—„интеллигентомъ": вотъ опять слово, которое является какимъ-то жупеломъ въ наши дни. Развѣ мы не слышали отъ представителей извѣстной партіи, что пора это понятіе сдать въ архивъ, что внѣсословная, внѣклассовая группа образованныхъ людей, стремящихся къ улучшенію условій жизни, совершенно не нужна, что, вмѣсто единенія, должна быть классовая борьба; ненависть и вражда, дескать, лучше любви и безкорыстнаго служенія общему благу и т. д. Это вызвало нѣкоторую тревогу въ средѣ самой интеллигенціи, а съ другой стороны, такъ какъ „внѣклассовый" интеллигентъ не подходилъ подъ квалифи-

кацію пролетарія, то его отожествили съ „буржуемъ", и возникъ новый жупелъ въ представленіи народа: отсюда выводъ о „трагедіи интеллигенціи" и объ ея рокомъ предрѣшенной гибели...

Вотъ тутъ то опять примѣръ Короленко въ высокой степени поучителенъ. Мы уже знаемъ, что онъ, вообще, противъ всякихъ представленій о Рокѣ и непредотвратимой гибели. Интеллигенція переживаетъ кризисъ, въ которомъ отчасти сама виновата, но кто, какъ не Короленко, сумѣлъ у насъ возвысить роль интеллигента и указать его настоящее и устойчивое значеніе въ обществѣ? Будьте по профессіи, кѣмъ угодно — писателемъ, врачемъ, статистикомъ, адвокатомъ, профессоромъ, инженеромъ, техникомъ, агрономомъ и т. п. — слѣдите только за общественной жизнью, не давайте никакой неправдѣ торжествовать, изобличайте все противное законамъ высшей нравственности и справедливости, отстаивайте добро и боритесь со зломъ, — и вы являетесь въ настоящемъ и подлинномъ смыслѣ интеллигентомъ, которому въ концѣ концовъ общество не можетъ не быть признательнымъ за вашу дѣятельность. Короленко испыталъ такое выраженіе признательности отъ Нижегородцевъ, когда подводились итоги его дѣятельности въ Нижнемъ за десять лѣтъ. Въ болѣе широкомъ масштабѣ его чествовала уже вся Россія въ 1904 году, по случаю 50-лѣтія его жизни. Черезъ десять лѣтъ вновь устроены были празднованія его юбилея чуть что не въ 30 городахъ. — Перечислять здѣсь теперь его заслуги, какъ общественнаго дѣятеля и публициста, значило бы ломиться въ открытыя двери. Но я хочу вѣрить, что Короленко въ извѣстномъ смыслѣ является провиденціальнымъ человѣкомъ: уже первое его чествованіе въ половинѣ девяностыхъ годовъ являлось показателемъ нароставшей волны общественнаго движенія, которое названо было освободительнымъ. Въ 1904 году — онъ положительно явился провозвѣстникомъ первой русской революціи и нѣкоторыхъ частныхъ побѣдъ, достигнутыхъ ею въ 1905 году. Въ 14 году — многому помѣшала возгорѣвшаяся міровая война, завершившаяся такимъ позоромъ для насъ; но февральская революція все-же была окончательной побѣдой надъ царскимъ режимомъ, давно прогнившимъ, что предугадывалъ и Короленко. А теперь—

что сулитъ намъ будущее? Ограничусь цитатой. Въ одной изъ своихъ статей (по поводу дѣла Дрейфуса) Короленко вспоминаетъ эпизодъ изъ романа Лесажа — о Жиль-Блазѣ: легкомысленный герой натыкается въ тѣсной улицѣ на свалку, въ которой пятеро нападаютъ на одного. „Жиль Блазъ, не спрашивая въ чемъ дѣло, обнажаетъ шпагу и становится на сторону одного. И мы всѣ невольно, инстинктивно, по чувству, которое врождено въ человѣческомъ сердцѣ, — пишетъ Короленко, — отдаемъ всѣ симпатіи этому молодому человѣку... Мы чувствуемъ, что, по большей части, когда слишкомъ ужъ сильная сторона злоупотребляетъ своимъ перевѣсомъ, — правда должна быть на сторонѣ слабѣйшаго... Это здоровый инстинктъ человѣчества, заключаетъ Короленко, — который, надо надѣяться, останется въ немъ и въ двадцатомъ и въ двухсотомъ вѣкѣ".

Да, правда остается правдой и на сторонѣ временно слабѣйшаго, которому, поэтому, никогда не слѣдуетъ унывать. Жиль Блазы, являющіеся на выручку, въ спорѣ съ сильной стороной, злоупотребляющей своимъ перевѣсомъ, уже не такъ рѣдки, ибо и Короленко признаетъ, что герой романа Лесажа далеко не всегда заслуживалъ монтіоновскую премію, выдаваемую, какъ извѣстно, за добродѣтель. Главное — чувствовать, знать и помнить, на чьей сторонѣ правда. Въ концѣ концовъ побѣда останется за ней.

Ѳ. Батюшковъ.

Поэтъ великой любви.

Черезъ всѣ скитанія по тюрьмамъ и ссылкамъ, черезъ ледяныя пустыни Якутской области, В. Г. Короленко прошелъ душевно цѣлымъ и невредимымъ, сохраняя свою исключительную жизнерадостность, юношескій идеализмъ и вѣру въ конечное торжество правды. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ Короленко старался найти какую-нибудь свѣтлую точку и, обращаясь къ ней всѣмъ существомъ своимъ, онъ говоритъ о счастьѣ человѣческаго бытія. Въ глухой деревушкѣ Вятской губ., Березовые Починки, по словамъ писателя, были только „зачатки человѣческихъ поселеній“, но и въ этой своей ссыльной жизни, онъ видитъ „много хорошихъ сторонъ“. И такимъ писатель остается и позднѣе. Говоря о своемъ самочувствіи передъ приходомъ нѣмцевъ въ Полтаву, онъ передаетъ въ своемъ письмѣ о томъ, что его... хотятъ взять заложникомъ. Онъ полагаетъ, что это не вѣрно, но при этомъ прибавляетъ: „все можетъ статься; мнѣ, будь я здоровъ, это было бы даже интересно“.

При такомъ отношенію писателя къ жизни, становится понятнымъ, почему, несмотря на многіе скорбные сюжеты своихъ произведеній, Короленко нигдѣ не является отрицателемъ жизни. Сохраняя жизнерадостность вопреки цѣлому ряду скверныхъ жизненныхъ условій — развѣ самъ писатель своимъ личнымъ примѣромъ не доказалъ намъ эту возможность?

Въ разсказѣ „Рѣка играетъ“ Короленко изображаетъ веселаго жизнерадостнаго мужика Тюлина. Тюлинъ — лѣнтяй, пьяница, но у него есть одно хорошее качество: душа этого Тюлина играетъ такъ-же, какъ расходившаяся рѣка. Въ противоположность Тюлину проходятъ передъ нами суровыя, надменныя лица начетчиковъ—уреневцевъ:

„уреневцы держались свысока, пренебрежительно, и на вопросы совсѣмъ не отвѣчали. Казалось, для нихъ во всемъ мірѣ не существовало уже ничего заслуживающаго снисхожденія". И когда писатель сравниваетъ безалабернаго, распущеннаго и вѣчно страждущаго отъ похмѣльнаго недуга Тюлина и этихъ начетчиковъ, то, несмотря на весь строгій образъ жизни послѣднихъ, симпатіи автора всецѣло на споронѣ Тюлина, съ которымъ „такъ легко, такъ свободно на этой тихой рѣкѣ". Отъ тѣхъ вѣетъ такимъ холодомъ и отчужденностью, а этотъ кажется такимъ близкимъ и такъ хорошо знакомымъ.

То-же самое впечатлѣніе производитъ на Короленко и любовными чертами зарисованный Андрей Ивановичъ въ разсказѣ „За иконой". Андрей Ивановичъ далеко не праведникъ. Онъ на постояломъ дворѣ даже рискуетъ на амурныя похожденія, — довольно впрочемъ неудачныя, описанныя Короленко съ добродушнымъ юморомъ. Споры Андрея Ивановича съ начетчиками носятъ характеръ буквоѣдства, но „при всей его страстности, — говоритъ Короленко, — я зналъ, что въ немъ бродятъ, не находя исхода, искренніе и глубокіе запросы".

Тюлинъ и Андрей Ивановичъ утверждаютъ радость человѣческаго бытія, а потому такими любовными глазами смотритъ на нихъ авторъ.

Это самъ В. Короленко, въ разсказѣ „Не страшное", устами собесѣдника говоритъ такія прекрасныя слова: „есть что-то... въ человѣческомъ счастьѣ, — въ хорошемъ человѣческомъ счастьѣ, исцѣляющее и выпрямляющее душу. И мнѣ, знаете, все кажется, что люди, собственно говоря, обязаны быть счастливы".

При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни попытаться найти какую-нибудь точку опоры для необходимой душевной бодрости, — вотъ задача, стоящая передъ человѣкомъ. И развѣ, напр., въ разсказѣ „Слѣпой музыкантъ" В. Короленко не утверждаетъ вѣру въ эту возможность?

Мальчикъ родился слѣпымъ. И „дядѣ Максиму казалось, что онъ призванъ къ тому, чтобы развить присущіе мальчику задатки, чтобы усиліемъ своей мысли и своего вліянія уравновѣсить несправедливость слѣпой судьбы".

Для этого Короленко подобралъ въ разсказѣ цѣлый рядъ счастливыхъ обстоятельствъ: хорошее матеріальное положеніе матери мальчика, самоотверженная Эвелина, умный дядя Максимъ, все призвано уравновѣсить несправедливость судьбы.

Къ сожалѣнію, условія жизни далеко не всегда складываются такъ благопріятно даже и для людей физически искалѣченныхъ. Наоборотъ, жизнь продолжаетъ давить и и душевно и физически искалѣченныхъ людей... В. Г. Короленко это отлично понимаетъ.

Конечно, „человѣкъ созданъ для счастья“, но, какъ правильно говоритъ безрукій въ разсказѣ „Парадоксъ“, „только счастье не всегда создано для него“. Ибо при самой исключительной жизнерадостности нельзя уйти отъ душевныхъ терзаній, при видѣ безобразій, творящихся въ жизни.

Для того, чтобы сохранить душевную уравновѣшенность, писатель инстинктивно обращается лицомъ къ безмолвной природѣ, вносящей успокоеніе въ душу. Объ этомъ своемъ влеченіи онъ такъ трогательно говоритъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ, „Въ пустынныхъ мѣстахъ“ „меня всегда тянетъ на уѣздные тракты и проселки, по которымъ такъ привольно, такъ мягко идти съ котомочкой за спиной, или къ мелкимъ рѣчкамъ съ ихъ тихой красой, съ ихъ лѣсами и неожиданностями“. Но жизнь наша, изобилующая „бытовыми явленіями“ не можетъ дать отдыха душѣ чуткаго человѣка.

Полный душевныхъ мукъ, В. Короленко не выдерживаетъ своей скорби и вопрошаетъ всѣхъ, и прежде всего представителей власти: „не слишкомъ ли много труповъ положено въ основаніе „обновляющейся“ Россіи? Это онъ говоритъ въ „Бытовомъ явленіи“, т. е. при царскомъ режимѣ. Но то-же самое онъ говоритъ весною 1918 г. въ письмѣ изъ Полтавы: „обидно до отчаянія, что прихода нѣмцевъ многіе, въ томъ числѣ самый настоящій народъ, ждутъ, какъ избавленія“.

„Обидно до отчаянія“, въ устахъ В. Короленко — это значитъ, что нѣтъ успокоенія ни въ чемъ отъ охватившихъ душу душевныхъ терзаній. А успокоеніе это необходимо— оно нужно для того, чтобы сохранить въ душѣ своей „святость милосердія“, о которой писатель напоминаетъ въ

„Бытовомъ явленіи“. И когда „гайдемаки“ стали на Украйнѣ творить, въ свою очередь, звѣрства, то Короленко вновь выступилъ со святостью милосердія въ статьѣ „И стыдъ, и грѣхъ“.

Въ молитвѣ Гамеліота есть слова, которыя нужно помнить всегда: „пусть мысли наши сохраняютъ ясность, дабы направлять стопы наши по пути правды, а удары рукъ на защиту, а не на угнетеніе“.

Эту ясность мысли въ моменты ожесточенной гражданской войны и борьбы за независимость сохранить очень трудно. Гамаліотъ революціонеръ и отважный боецъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и натура родственная В. Короленко. Послѣ побѣды и отступленія угнетателей, „смотря на багрянецъ заката и на синее небо, онъ плакалъ, потому что ясное небо говорило ему о вѣчномъ законѣ мира, а его сердце жаждало мира на землѣ, отвращенія отъ крови и брани. И казалось, онъ смягчается отъ ласковаго дыханія кроткой зари... Гамаліотъ на минуту забылъ о всѣхъ ужасахъ жизни, надъ нимъ пролетѣлъ „тихій ангелъ забвенія“, и, вздохнувъ полной грудью, онъ сказалъ: „люди должны быть братьями, а божій міръ хорошъ“...

Но героямъ разсказовъ В. Короленко, какъ и самому писателю, далеко не всегда, созерцаніемъ природы удается ослабить силу душевныхъ мукъ. Корреспондентъ Букветовъ, въ разсказѣ „Смиренные“, увидѣвъ въ деревнѣ человѣка, прикованнаго цѣлыхъ дѣсять лѣтъ къ цѣпи, —уже не могъ найти покоя: „Хотя ночь была чудесная, такая, которая способна взять у человѣка всѣ его невзгоды и заботы, усмирить тревогу въ душѣ, покрыть всякую душевную боль дыханіемъ своей спокойной красоты, но онъ чувствовалъ, что даже ей не побѣдить неопредѣленной тревоги, которая торчала въ немъ настоящей занозой...“

Это отсутствіе началъ справедливости и правды въ человѣческихъ отношеніяхъ калѣчитъ души людей, дѣлаетъ ихъ не такими, какими они могли бы быть при нормальныхъ условіяхъ человѣческаго существованія. Вся рѣчь Макара передъ лицомъ стараго Тайона—есть обвинительный актъ противъ неправедностей существующаго строя жизни.

Лучшія проявленія человѣческаго ума и сердца, сплошь и рядомъ, гибнутъ въ пучинѣ безысходной нищеты и страданій. Далекая Сибирь дала Короленко самый цѣнный матеріалъ для его художественнаго творчества. Сибирь эпохи царскаго режима предстаетъ передъ нами въ яркихъ разсказахъ писателя, какъ страна, гдѣ нѣтъ даже элементарной законности, которая все же до нѣкоторой степени имѣлась въ Европейской Россіи. Отсутствіе началъ какого бы то ни было контроля на окраинахъ отдавало населеніе на полный произволъ властей. Чиновники особыхъ порученій спокойно разъѣзжаютъ по всей Сибири, эксплоатируя ямщиковъ и не платя прогонныхъ; всякіе засѣдатели покрываютъ грабителей и дѣлятъ съ ними похищенное добро. Безправная масса, привыкнувъ къ этому, считаетъ такое явленіе неизбѣжнымъ и, по своей темнотѣ и забитости, полагается исключительно на волю Божію. Здѣсь сила уничтожается только силой, а не правомъ, здѣсь человѣкъ человѣку—волкъ, въ самомъ подлинномъ и ужасномъ значеніи этого слова.

Въ разсказѣ „Черкесъ", въ ожиданіи черкеса-спиртоноса, Чепурниковъ и Гавриловъ на почтовой станціи ведутъ разговоры. Чепурниковъ мечтательно высчитываетъ, какъ послѣ ограбленія черкеса онъ купитъ себѣ славный домъ, съ огородомъ и съ мезонинчикомъ. „Я усталъ, пишетъ Короленко, отъ холоднаго, угрюмаго пути и отъ этихъ жестокихъ наивно-грабительскихъ разговоровъ. Мнѣ показалось, что я, наконецъ, услышу человѣческое слово". Но и проѣзжій черкесъ-спиртоносъ, въ свою очередь, не пощалъ. Волкъ противостоялъ волкамъ. Отважный спиртоносъ личнымъ мужествомъ и отвагой спасаетъ себя отъ возможнаго нападенія. Мечта Чепурникова о домикѣ „съ мезонинчикомъ" разлетѣлись; онъ говоритъ, обращаясь къ автору разсказа:

— Нѣтъ! Невозможно было. Это надо жизни своей рѣшиться... Богъ съ нимъ и съ капиталомъ... Подошелъ я тогда къ повозкѣ, а тамъ у него баба сидитъ на сундучкѣ. Повѣрите, и у той револьверы да кинжалы, вся, какъ пушка, заряжена... Глядитъ оттуда, точно сова... Ну, и народецъ!"

То-же столкновеніе силы и права въ разскэзѣ „Атъ-Даванъ“. Но еще ярче эта грубая сила обрисована въ разсказѣ „Убивецъ“, гдѣ слѣдователь-„законникъ“ побѣждается ловкимъ засѣдателемъ Безкрыловымъ.

Въ этомъ мирѣ суровой борьбы за существованіе жизнь принимаетъ до ужаса шкурный часто-звѣриный характеръ. Несчастье одного строится на несчастьѣ другого. Скорбные стоны въ одномъ мѣстѣ и оскаленные зубы—въ другомъ.

Въ разсказѣ „Марусина заимка“ мы видимъ слѣпого старика и старуху, которые послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелаго труда купили себѣ, наконецъ, шубы. „Я видѣлъ, какъ лѣтомъ они выносили свои сокровища,—пишетъ Короленко,—и вытряхивали изъ нихъ пыль“. И вотъ эти шубы, хранившіяся въ амбарѣ якута у нихъ украли.

„Теперь они шли по улицѣ, озябшіе и несчастные. Слезы текли изъ слѣпыхъ глазъ старика и замерзли на лицѣ. Старикъ шелъ съ какой-то горестной торжественностью и, постукивая палкой по мерзлой землѣ, поднималъ лицо высоко, какъ будто глядя въ небо слѣпыми глазами. Но татаринъ Абрамъ, участвовавшій въ воровствѣ, смотритъ на стариковъ своими „добрыми ласкающими глазами“. Онъ жалѣетъ, что тѣ положили свое добро съ хозяйскимъ вмѣстѣ. На желчное замѣчаніе писателя, Абрамъ отвѣтилъ черезъ несколько дней тѣмъ, что подвелъ къ нему тощаго, голоднаго татарина и сказалъ:

— Слушай, теперь я тебѣ буду говорить. Вотъ этого татарина пригнали въ наслегъ. Жена померла дорогой... четверо дѣтей... ничто нѣтъ... голодомъ сидѣли, топиться нечѣмъ...

Это былъ отвѣтъ на упрекъ писателя, это было утвержденіе правъ другого, тоже несчастнаго человѣка—голоднаго татарина—права котораго на жизнь защищалъ Абрамъ.

И авторъ растерянно стоитъ передъ этимъ безысходнымъ противорѣчіемъ жизни. „Гдѣ-то плачутъ двое обездоленныхъ стариковъ, и на много верстъ кругомъ раздаются безсмысленные вопли и не менѣе безсмысленные выстрѣлы испуганныхъ людей... И я стою здѣсь, среди метели... Я не пловецъ въ этомъ морѣ, моего мѣста нѣтъ

въ этой борьбѣ... И казалось мнѣ, что нигдѣ, во всемъ этомъ затянутомъ метелью, беззащитномъ мірѣ нѣтъ никого, кто всталъ бы смѣло и открыто за свое право...

На основѣ этого безправія и ужасныхъ условій существованія бьется въ тискахъ народная мысль, пытаясь найти выходъ изъ противорѣчія правды „божеской“ и неправды человѣческой. Мысль народная, невѣжественная и забитая, бьется въ тискахъ незнанія. Она ищетъ, путемъ невѣроятныхъ усилій, выхода изъ противорѣчій жизни. Типы этихъ искателей у Короленко разнообразны.

Герой разсказа „Яшка“ создалъ себѣ невѣроятно нелѣпую теорію. Главное зло, по его мнѣнію, въ томъ, что послѣ 61 года „міръ раскололся на два начала: одно — государственное, другое — гражданское, земское.“ Первое Яшка признавалъ, второе отрицалъ всецѣло, называлъ его „царствомъ грядущаго антихриста“. Подо всей этой нелѣпой теоріей есть главное ядро чисто-экономическаго порядка: „раньше государевы подати платили, а нонѣ гражданскія власти земскія подати оптомъ накладываютъ“.

Но изъ всѣхъ сибирскихъ правдоискателей наиболѣе интересенъ „Убивецъ“. Этотъ, пострадавшій за свое правдоискательство крестьянинъ, обрисованъ такъ выпукло, что, по истинѣ короленковскій „Убивецъ“ не уступаетъ въ яркости изображенія толстовскому Акиму или Каратаеву, съ тою только разницей, что „Убивецъ“ глубже и значительнѣе въ своихъ исканіяхъ правды. „Убивцемъ“ его прозвали за то, что, спасая въ глухомъ лѣсу барыню съ ребятами, онъ убилъ разбойника — хозяйна постоялаго двора. Вся исповѣдь „Убивца“ о своихъ исканіяхъ правды, проникнута глубокой задушевностью. Когда у него умерли въ одинъ день жена и сынишка, онъ сталъ думать и пошатнулся въ вѣрѣ“; отъ мыслей его взяла „тоска“, и онъ, бросивъ хозяйство, пошелъ искать „праведныхъ людей.“

Въ поиски за этой правдой отправляются наиболѣе чуткіе представители сермяжной Руси. И вотъ, натыкаясь повсюду только на черную неправду, въ которой задыхается и стонетъ народная масса, такой правдоискатель обращаетъ свой взоръ къ небу и вопрошаетъ себя: если кругомъ только мракъ и насиліе, то зачѣмъ же Богъ терпитъ это? Гдѣ же божеская правда, и зачѣмъ же это Боже-

ская справедливость не вмѣшается и не истребитъ насильниковъ? Разъ начавъ работать въ этомъ направленіи, мысль такого правдоискателя приходитъ постепенно къ идеѣ полнаго отрицанія. Мѣщанинъ изъ Камышина, — отрицатель нѣтовецъ“ въ разсказѣ „Яшка“ на вопросъ письмоводителя: какой вѣры, — отвѣчаетъ: „никакой“.

— Какъ никакой? Въ Бога вѣруешь?

— Гдѣ онъ, какой Богъ?.. Ты, что ли, его видѣлъ?

И эту идею полнаго отрицанія камышинскій мѣщанинъ отстаиваетъ, готовый на мученичество, ибо это идея для него не легкомысліе, а плодъ упорвыхъ думъ надъ безсмысліемъ русской жизни.

Такой же отрицатель выведенъ у Короленко и въ разсказѣ „Убивецъ“. Только этотъ неизвѣстный сибирскій бродяга сдѣлалъ дальнѣйшій выводъ изъ своего нигилизма: разъ нѣтъ ни правды божеской, ни правды человѣческой, то, слѣдовательно, нѣтъ и преступленія. Это онъ убилъ правоискателя „убивца“. Ему авторъ задаетъ вопросъ:

— А Бога ты не боишься?

— Богъ то? -усмѣхнулся бродяга и тряхнулъ головой. — Давненько что то я съ нимъ, съ Богомъ то, не считался... А надо бы! Мокетъ, еще за нимъ сколько-нибудь моего замоленнаго осталось...

Но на такомъ чистомъ нигилизмѣ не можетъ успокоиться ищущая душа. Въ разсказѣ „Государевы ямщики“ молодой парень, якутъ Микеша, пытливый и любознательный, не можетъ успокоиться на полномъ отрицаніи и при упоминаніи о Богѣ, говоритъ: хоть худенькій—худой, ну, все еще сколько нибудь дѣлами-то правитъ“

Эта вѣра хотя бы въ „худенькаго Бога“ является отраженіемъ утерянной и тоскующей мечты, угасающей среди этихъ „равнодушныхъ камней“.

Ссыльный уніатъ Островскій тоже потерялъ среди этихъ голыхъ сибирскихъ тундръ вѣру — вѣру въ человѣка. По его мнѣнію, люди — жалкіе, презрѣнные твари, которыхъ надо презирать. Они вспоминаютъ о Богѣ только тогда, когда это необходимо. Онъ уходитъ отъ дикихъ якутъ на пріиски, а чтобы не умереть съ голоду, намѣревается продавать свою дѣвочку господамъ. Отъ всей фигуры уніата

Островскаго — жертвы стараго русскаго режима, — вѣетъ глубокимъ трагизмомъ.

Люди звѣри, люди безъ сердца. И среди этихъ людей отдѣльныя свѣтящіяся точки — отдѣльные страдальцы своей больной совѣсти.

Полякъ-ссыльный Сокольскій въ разсказѣ „Лютеръ"— „идеалистъ и романтикъ" казнитъ въ себѣ на время, на моментъ замерзшую совѣсть и погибаетъ въ глухую морозную ночь. Когда то критикъ А. Богдановичъ совершенно справедливо придавалъ расширительное толкованіе этому разсказу: общественныя условія въ эпохи мрачныя и реакціонныя замораживаютъ совѣсть человѣка. И тогда уже необходимы какія то исключительныя условія, дабы эта замороженная совѣсть оттаяла и подвигла человѣка на борьбу со зломъ.

В. Г. Короленко тщательно отмѣчаетъ эпизоды пробужденія человѣческой совѣсти, даже при самой злѣйшей политической реакціи. Въ публицистическихъ очеркахъ „Черты военнаго правосудія" онъ увѣковѣчилъ личность генерала Собакѣева. Этотъ генералъ долженъ былъ осудить невиннаго — юношу-рабочаго Маниковскаго. Но больная совѣсть не давала покою. „Онъ не находилъ себѣ мѣста и... его вдругъ потянуло въ крѣпость, въ одиночку, гдѣ въ это время метался въ предсмертной тоскѣ уже обреченный юноша." Онъ вошелъ въ камеру и подалъ Маниковскому золотой пятирублевикъ: „вотъ возьми; пошли телеграмму родителямъ, чтобы пріѣхали съ тобой проститься, а на остальные... на остальные купи себѣ лакомствъ". Эта дикая кошмарная исторія кончилась тѣмъ, что юноша на судѣ, будучи приговоренъ къ казни, заявилъ:

— Ваше превосходительство, вчера вы дали мнѣ золотой на телеграмму родителямъ, или на лакомства. Позвольте вернуть вамъ ваши деньги. Отдайте ихъ палачу, который повѣситъ меня по вашему приговору,

Защитники послали центральной власти коллективное письмо, въ которомъ голосомъ отчаянія и послѣдней надежды говорили о невиновности юноши. И здѣсь для будущей исторіи Короленко увѣковѣчилъ одну подробность этого ужаснаго эпизода: на черновикѣ письма „остались слѣды слезъ."

Духомъ великаго правдоискательства и духомъ великой любви, проникнуто все, что вышло изъ подъ пера писателя. Этотъ духъ великой правды заставлялъ его вносить поправку въ стройную до того систему стараго народничества. Въ „Павловскихъ очеркахъ" онъ говоритъ о жалкомъ, безнадежномъ положенiи кустаря, а въ „Голодномъ годѣ" — о разрушенiи крестьянскаго мiра и его интересовъ.

Уже въ болѣе близкое къ намъ время, въ 1913 г. онъ внимательнымъ взоромъ всматривается въ условiя жизни новой Турцiи. И что же онъ видитъ тамъ? „Могущество падишаха, рухнуло сразу, какъ глиняная стѣна, подмытая водой... Но на новый строй обрушились и традицiи, и преступленiя старой Турцiи." Онъ съ великой тревогой говоритъ объ этой власти прошлого и заканчиваетъ такъ:

„Впрочемъ развѣ „наши" живутъ только на Дунаѣ? Развѣ тоже самое мiровоззрѣнiе не разлито въ той или другой степени по всему лицу огромной Россiи, еще не перестрадавшей своего прошлаго?"

Оставляя подъ вопросомъ судьбу Турцiи, онъ пророчески за четыре года до революцiи, какъ бы предостерегаетъ: „чтобы ни случилось на Балканахъ, для насъ во всякомъ случаи въ турецкой катастрофѣ есть много поучительнаго и захватывающе интереснаго („Турчинъ и мы").

Что особенно роднитъ насъ съ азiатскими деспитiями, такъ это неспособность отстаивать свое уже добитое право. Представитель западнаго начала румынскiй бывшiй сапожникъ соц.-дем. Котрiанъ работаетъ среди румынскихъ выходцевъ изъ Россiи.

Этимъ людямъ „не страшно стать толпой хотя бы и противъ вооруженной румынской силы. Но страшно въ одиночку выступить, хотя бы только съ жалобой въ гражданскомъ судѣ». Но Котрiанъ не унываетъ. Когда В. Короленко черезъ два года вновь прiѣхалъ въ Добруджу, онъ увидалъ, что Котрiанъ „все еще продолжалъ стучаться у дверей деревенскаго правосознанiя" („Наши на Дунаѣ»).

Это отсутствiе хотя бы зачатковъ правосознанiя опредѣлило и дальнѣйшiй ходъ второй русской революцiи. Вмѣсто того, чтобы взять основы развитого демократиче-

скаго строя и черезъ нихъ продвигаться къ царству великаго будущаго, мы занялись разрѣшеніемъ чисто-русской глуповской задачи: кто на комъ будетъ ѣздить?

Немолодой мужикъ Ефремъ съ Верховьевъ Ветлуги, талантливый сказочникъ, потѣшающій параходную публику своими импровизаціями, удивительно удачно схватываетъ эту чисто россійскую склонность къ порабощенію другихъ, воспитанную вѣками безправія. Но онъ же съ удивительнымъ юморомъ даетъ картину и возможнаго грустнаго финала деспотическаго образа дѣйствій.

Вахлакъ женится на царской дочери, она покорно слѣдуетъ за мужемъ. „Вышли за околицу... Вахлакъ хлопнулъ ее по бедру, сказалъ слово... И стала изъ царевны... кобыла...“. При этихъ словахъ разсказчика раздается „радостный смѣхъ“: „слушатели восхищены тѣмъ, что царская дочь везетъ вахлака...“ Но исходъ сказки печальный: „Иванушки падаютъ опять на землю, Опять болятъ намозоленныя руки, опять ноютъ измученныя спины“ (Очерки „Въ пустынныхъ мѣстахъ“).

Покинувши тропы стародавняго Питера, лучшіе люди нашей страны все же продолжаютъ искать своего „града взыскуемаго“. „И даже, какъ говоритъ Короленко, —порой слышатъ призывные звоны. И очнувшись, видятъ себя опять въ глухомъ лѣсу, а кругомъ холмы, кочки да болота“.

Какое же препятствіе стоитъ на пути къ „взыскуемому граду“ — препятствіе, требующее своего преодолѣнія?

На этотъ вопросъ В. Г. Короленко отвѣчаетъ и какъ большой художникъ и какъ волнующій наши души публицистъ.

Великій смыслъ жизни и борьбы за право и справедливость, заключается въ томъ, чтобы утверждать эту борьбу не только на великой ненависти къ угнетателямъ, но и на великой любви ко всѣмъ страдающимъ и угнетеннымъ. Мыслящій представитель трудящейся массы долженъ бороться не только потому, что ему тяжело жить, но и потому, что быть можетъ еще тяжелѣе наиболѣе слабѣйшимъ: темной и забитой части трудящейся массы, работницамъ-женщинамъ, которыя при появленіи застоя въ промышленности заполняютъ улицы большихъ городовъ, про-

давая свою честь и человѣческое достоинство; несчастнымъ дѣтямъ, гибнущимъ отъ голода и недоѣданія.

Этимъ настроеніемъ и проникнутъ уже одинъ изъ первыхъ разсказовъ В. Короленко—„Въ дурномъ обществѣ“. На могилѣ дѣвочки, умершей „отъ сѣраго камня“, Соня и впечатлительный юноша даютъ свои обѣты бороться за права слабыхъ и угнетенныхъ.

Поэтъ великой любви — Короленко жадно по крупинкѣ собираетъ эти проявленія человѣчности. Что можетъ быть хуже голода для утраты этихъ братскихъ человѣческихъ чувствъ? Однако въ очеркахъ о „Голодномъ годѣ“ передъ нами вдругъ проходитъ глубоко волнующая сцена: мальчикъ немного поѣвшій и получившій себѣ дополнительную горбушку—хлѣба, прячетъ ее за пазуху, дабы снести этотъ хлѣбъ своему маленькому брату Ильюшкѣ.

Въ сердцѣ Менахема, — героя „Сказанія о Флорѣ“, — любовь и ненависть горѣла вмѣстѣ, какъ яркое пламя.

„Любовь была пламенемъ, а ненависть вѣтромъ. Ибо помѣрѣ того, какъ ненавистный гнетъ усиливался, Менахемъ отдавалъ свое сердце народу, — сердце горѣвшее любовью“.

Если же сравнимъ ненависть съ пламенемъ, то любовь была бы вѣтромъ, потому что отъ любви къ угнетеннымъ разгоралась ненависть къ угнетателямъ.

Это вторая часть формулы преобладаетъ въ настроеніи писателя гражданина и, къ сожалѣнію, въ очень малой степени разлита въ нашей жизни, съ ея жестокими нравами.

Вотъ почему жизнь нашего времени напоминаетъ ту икону, которая поразила В. Г. Короленко и о которой онъ разсказываетъ въ своихъ очеркахъ о Пустынныхъ мѣстахъ.

„На полукругломъ бугрѣ, безъ всякихъ соображеній перспективы, темнѣетъ отрубленная кисть руки съ сжатыми пальцами. Рядомъ лежатъ огромныя гвозди. Молотокъ и клещи висятъ въ воздухѣ. Обрывки цѣпи... Позорный столпъ съ привязаннымъ пучкомъ розогъ для бичеванья и плетью рисуется на фонѣ неясно клубящихся тутъ“.

Въ этомъ описаніи иконы, В. Г. Короленко даетъ намъ символъ нашей несчастной страдающей родины.

Но писатель, утверждавшій всю жизнь вѣру въ конечное торжество правды, усмотрѣлъ на этой иконѣ еще и кое что другое. Продолжая дальше это описаніе, онъ говоритъ:

„Но откуда то уже блеститъ слабый лучъ, прорвавшій облака, скользнувшей среди тумановъ, какъ отблескъ далекой надежды. И какъ бы для того, чтобы яснѣе подчеркнуть эту мысль, — говоритъ В. Г. Короленко, — художникъ нарисовалъ пѣтуха, привѣтствующаго разсвѣтъ... На верхушкѣ позорнаго столба вѣщая птица уже трепещетъ крыльями и съ разинутымъ клювомъ кличетъ зарю“...

И намъ уже понятно почему В. Г. Короленко поразила эта икона. Вѣдь онъ самъ въ наиболѣе мрачные періоды нашей многострадальной жизни, предвѣщалъ эту зарю, вѣдь это онъ въ темные восмидесятые годы прошлаго столѣтія, написалъ молитву Гамаліота съ ея дорогими и такъ особенно теперь нужными намъ словами:

„Исчезнетъ насиліе, народы сойдутся на праздникъ братства и никогда уже не потечетъ кровь человѣка отъ руки человѣка“.

Поэтъ великой любви объединяетъ насъ сейчасъ однимъ общимъ порывомъ спасти нашу несчастную страну отъ ужасовъ насилія и порабощенія.

Ив. Кубиковъ.

Короленко-Гражданинъ.

Здѣсь такъ много сказано и такъ уже утомлено вниманіе, что я буду кратокъ. Обычно юбилеи нужны не для юбиляровъ. Мнѣ кажется, никогда эта истина не примѣнима въ такой степени, какъ сейчасъ. Намъ, русской общественности, нуженъ этотъ юбилей, намъ нужно сосредоточить свое вниманіе на Владимірѣ Галактіоновичѣ Короленко, нужно сейчасъ больше, чѣмъ когда-либо. И вотъ отвѣтомъ на то, почему намъ это нужно, будетъ моя краткая рѣчь о Короленко-гражданинѣ. Говорятъ, Короленко двоится, прочтите его томики сочиненій, распадающіеся на двѣ части — публицистъ и художникъ, кажется точно публицистъ ведетъ тяжбу съ художникомъ. И многіе со скорбью говорили: „какъ жаль, что въ теченіе ряда лѣтъ публицистъ точно побѣждаетъ художника“. На самомъ дѣлѣ Короленко одинъ. И я бы сказалъ, хотя онъ большой художникъ, хотя онъ выдающійся публицистъ, но самый несравненный и характерный не повторяемый талантъ у Короленко — это талантъ гражданина. Я поясню, что я хочу этимъ сказать. Короленко — гражданинъ. Скажутъ: значитъ Короленко политическій дѣятель, Короленко общественникъ. Но развѣ мало художниковъ было общественниковъ? Г. И. Успенскій, Салтыковъ-Щедринъ, тотъ же Гаршинъ со своимъ „Краснымъ цвѣткомъ“, всѣ такъ или иначе художники, въ которыхъ обрисовался публицистъ той или другой стороной. Что же оригинальнаго, что же особаго вноситъ Короленко, почему всѣ остальные великіе люди не могутъ быть отнесены къ талантливымъ гражданамъ, а у Короленко талантъ гражданина? И еще съ другой стороны я подойду къ вопросу. Гражданинъ не можетъ не быть политическимъ дѣятелемъ, не можетъ быть не человѣкомъ партіи. Но мы знаемъ Ко-

роленко, мы знаемъ его 40-нюю дѣятельность, знаемъ его выходъ изъ эпохи рубежа 60 и 70-хъ годовъ, его исторію прохожденія по тюрьмамъ и ссылкамъ, его принадлежность къ плеядѣ писателей, сгруппировавшихся вокругъ Михайловскаго, знаемъ, что въ широкомъ смыслѣ этого слова онъ принадлежитъ къ народникамъ. Онъ никогда отъ этого міросозерцанія, какъ таковаго, не отрекался. Мы все это знаемъ, знаемъ его политическую дѣятельность послѣднихъ лѣтъ. Но спросите — а какой Короленко партіи? И вы отвѣта не получите. Почему? Потому ли, что Короленко пренебрегаетъ партіей, что онъ принципіально безпартійный? Нѣтъ, онъ, конечно, но безпартійный. Онъ, конечно, сочувствуетъ тому или другому политическому направленію. Но мы всѣ, знающіе Короленко, знаемъ, что не это составляетъ музу его творчества, что его нервъ не здѣсь, не въ томъ, что различаетъ различныя политическія партіи, не въ программахъ партійныхъ, не въ партійной тактикѣ. Объ этомъ ни слова не говоритъ публицистъ Короленко, почти ни слова за немногими исключеніями, на протяженіи десятковъ лѣтъ своей публицистическо-художественной дѣятельности, У Короленко есть спеціальная область, область отстаиванія, область проведенія въ жизнь, область возведенія въ своего рода перлъ созданія, хартіи вольностей — защита правъ человѣка и гражданина, то, что должно было бы быть тѣмъ объединяющимъ всѣ основныя политическія партіи, которыя составляютъ части одного освободительнаго движенія Россіи, Россіи, идущей отъ средневѣковья къ европейскому состоянію. Нужно, чтобы утвержденъ былъ этотъ общій принципъ, это незыблемое положеніе, чтобы въ душахъ всѣхъ людей была эта великая хартія вольностей. Нужно, чтобы утверждено было незыблемое начало — защита человѣка, отрицаніе смертной казни, всеобщее избирательное право, свобода печати, національный вопросъ рѣшался бы въ духѣ справедливости и т. д. и т. д. Это то, черезъ что такъ легко перешла революція въ мартѣ 17-го года. Она такъ легко объявила всѣ вольности и такъ быстро мы ихъ ликвидировали, ликвидировали въ концѣ прошлаго года. Почему? Потому что наша гражданственность можетъ кончиться тѣмъ, что она изощрилась въ самыхъ сложныхъ политическихъ вопросахъ, она мо-

жетъ говорить, что она превосходитъ Европу, она самая передовая и соціалистическая, но она не держится зубами за то необходимое, то основное, за то первоначальное, что предполагаетъ существованіе правопорядка въ странѣ, что предполагаетъ нормальную жизнь страны, что казалось бы намъ почти азбучно. И я знаю много мудрецовъ, которые говорили о Короленко: „Но онъ о такихъ элементарныхъ вещахъ говоритъ“. Мы знаемъ эти элементарныя вещи, мы знаемъ, какая ломка черезъ это произошла, какъ русская жизнь не нашла въ своей средѣ достаточное количество защитниковъ этого первичнаго, этого элементарнаго, этого „короленковскаго“. Наша русская жизнь искалѣчила насъ. Мы искалѣчены, искалѣчены самодержавіемъ и результатомъ этого калѣченія· предъ нами получился другой полюсъ-самодержавіе настоящаго времени. Общественность больная, больная въ результатѣ сотенъ лѣтъ ненормальнаго существованія. И наше несчастіе, что у насъ нѣтъ средней равнодѣйствующей, что у насъ нѣтъ здороваго ядра, объединяющаго начала, что у насъ нѣтъ коллективнаго, массоваго Короленко. Короленко есть символъ. Короленко! Когда вы подумайте надъ нимъ, какой это здоровый человѣкъ, какой это трезвый человѣкъ, — трезвый не въ слыслѣ какой нибудь упадочности, безпартійности, — нѣтъ, все должно быть на своемъ мѣстѣ и соціализмъ, и партіи, и различные опоры, но есть нѣчто первичное, что должно быть утверждено въ жизни. Безъ этого здороваго, первичнаго, безъ этой основной струи, не можетъ родиться страна, не можетъ она возродиться. Вотъ почему, когда я сейчасъ смотрю на Короленко, мнѣ мыслится: вотъ олицетвореніе гражданства Россіи, вотъ то, что нужно, вотъ наши большія скобки національнаго движенія, олицетворящіяся въ этомъ художникѣ-публицистѣ. въ этомъ гражданинѣ Короленко, и вотъ почему намъ нуженъ этотъ юбилей и вотъ почему я желалъ бы, чтобы больше вниманія останавливала на этой незабвенной фигурѣ наша общественность, на этомъ безсмертномъ гражданинѣ-Короленко.

А. Н. Потресовъ.

Революціонная идеологія въ произведеніяхъ В. Г. Короленко.

Исполнившееся недавно сорокалѣтіе литературной дѣятельности Короленко (первое его печатное произведеніе увидѣло свѣтъ лѣтомъ 1879 года) и исполняющееся сегодня шестидесятипятилѣтіе его жизни знаменательно совпадаютъ съ переломнымъ моментомъ въ исторіи великой русской революціи. Этотъ переломный моментъ опредѣляется, прежде всего, тѣмъ, что въ революцію перестали вѣрить, въ революціи, какъ не оправдавшей возлагавшихся на нее надеждъ, разочаровались... Трудно, конечно, оспаривать, что въ ходѣ русской революціи весьма видное развитіе получили такія стороны, наличность которыхъ, если не оправдываетъ, то, во всякомъ случаѣ, объясняетъ упадокъ вѣры въ революцію и разочарованіе въ ней среди широкихъ народныхъ массъ. Но хотя бы русская революція трижды „не сдержала своихъ обѣтовъ", это еще не значитъ, что самый революціонный принципъ въ основѣ своей ложенъ и непріемлемъ. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Гроза разрушаетъ иной разъ человѣческія жилища и губитъ мирныя нивы. Но можно ли на этомъ основаніи утверждать, что грозы не нужны, что ихъ слѣдуетъ бояться и ненавидѣть? Революціонная непогода, разъ она разражается въ условіяхъ, подобныхъ нашимъ русскимъ условіямъ, не можетъ не принести неисчислимыхъ бѣдствій, и за всѣмъ тѣмъ, если бы на политическомъ горизонтѣ не вспыхивали время отъ времени молніи революцій, не стоило бы жить, такъ какъ жизнь свелась бы къ унылому прозябанію въ душной атмосферѣ мрака и угне-

тенія... Короленко какъ разъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сравнительно немногихъ корифеевъ нашей художественной литературы, которые всей душой увѣровали въ благодѣтельную силу революціонныхъ грозъ, въ непреложную справедливость революціоннаго принципа. Въ своей недавней, съ обычной талантливостью написанной, но не лишенной мѣстами элемента пародоксальности книгѣ „Двѣ тайны русской поэзіи“ (1915) Д. С. Мережковскій разсматриваетъ отношеніе виднѣйшихъ представителей русской литературы къ идеѣ политической свободы. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ, быть можетъ, нѣсколько неожиданны, но по существу своему едва ли могутъ быть серьезно оспариваемы. Будучи неизмѣнно народолюбивой, утверждаетъ Мережковскій, русская литература не отличалась свободолюбіемъ. Здѣсь, прежде всего, сказалась органическая связь съ крѣпостничествомъ: крѣпостное право, чтобы мы не стали говорить, ея колыбель, пеленами рабства она была повита, молокомъ рабства вскормлена.

„Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій родились и умерли въ томъ положеніи тѣла и духа, въ которомъ старинный придворный піита, съ одою въ рукахъ, ползъ на колѣняхъ къ трону.

Пушкинъ всталъ на ноги. Началъ одой Вольности, но обжегшись на молокѣ, потомъ всю жизнь дулъ на воду. Замѣнилъ свободу общественную свободой личною, свободой художника. Узнавъ о 14-мъ декабря, поэтъ выѣхалъ изъ Михайловскаго, а когда заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, вернулся обратно. Не захотѣлъ быть мученикомъ...

Гоголь — уже мученикъ вольный. Самъ себя замучилъ, замуровалъ. „Переписка съ друзьями“ отказъ отъ свободы и отъ воздуха. Проклялъ свой смѣхъ освобождающій, даръ Божій, какъ даръ дьявола. Испугался свободы до смерти.

Лермонтовъ не испугался бы, но умеръ — задохся, какъ пламя взрыва безъ воздуха.

Тургеневъ бѣжалъ, измѣнилъ Россіи, чтобы не измѣнять свободѣ. „Я всегда былъ постепеновцемъ, либераломъ стараго покроя въ англійскомъ династическомъ смыслѣ, человѣкомъ ожидающимъ реформъ только свыше, прин-

ципіальнымъ противникомъ революціи, не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени“, — писалъ онъ въ 1880 г.

Всю силу своего художественнаго и религіознаго творчества употребилъ Достоевскій на то, чтобы доказать, что русскій человѣкъ не хочетъ свободы общественной, что существующій въ Россіи порядокъ — религіозно-истинный... Любовь Достоовскаго — любовь безъ свободы — не любовь, а жалость...

Одна черта отдѣляетъ Л. Толстого отъ любви освобождающей, но черта заколдованная. „Непротивленіе злу насиліемъ“ — вѣчная религіозная истина, но въ иномъ порядкѣ историческомъ нежели тотъ, въ которомъ мы сейчасъ находимся. Это цѣль, предѣлъ, указаніе компасной стрѣлки, а не средство, не путь, не движеніе корабля въ морѣ... Такъ всѣ уходятъ въ смерть, въ святость, въ жалость, въ безумье, въ изгнаніе, въ смиреніе, въ недѣканіе — всѣ уходятъ отъ свободы. Свобода сраштѣе, чѣмъ смерть...“.

Единственнымъ крупнымъ представителемъ нашей литературы средины и второй половины XIX вѣка, сумѣвшимъ соединить любовь къ народу съ любовью къ свободѣ былъ Некрасовъ. Въ недавней роботѣ автора этихъ строкъ о Некрасовѣ (см. въ изданномъ „Общественной Пользой“ „Некрасовскомъ Сборникѣ статью „Революціонная идея въ поэзіи Некрасова“) показано, что на протяженіи всей своей литературной дѣятельноето Некрасовъ съ удивительнымъ постоянствомъ, иногда въ выраженіяхъ совершенно опредѣленныхъ, иногда, примѣняясь къ цензурнымъ условіямъ, обинякам, твердилъ русскому народу что

...„Кто носитъ истину въ груди,
Кто честно любитъ брата,
Тому съ тернистаго пути
Покамѣстъ нѣтъ возврата!
Неумолимый врагъ цѣпей
И вѣрный другъ народа,
До дна святую чашу пей —
На днѣ ея свобода!“.

(Изъ невошедшаго въ „Полное ссбраніе“
стих. „Ты какъ поденщикъ выходилъ...“)

Подъ „тернистымъ путемъ“ поэтъ разумѣлъ путь революціонной борьбы съ угнетателями народа: подъ „святой

чащей — тѣ страданія и жертвы, которыя являются неизбѣжнымъ удѣломъ вступившихъ на этотъ путь. Проповѣдь Некрасова не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Высоко интересно въ этомъ отношеніи заявленіе столь авторитетнаго свидѣтеля, какъ Н. А. Морозовъ, что народническое движеніе 70-хъ годовъ „возникло не подъ вліяніемъ западнаго соціализма, а что главнымъ рычагомъ его была народническая поэзія Некрасова, которой всѣ зачитывались въ переходномъ юношескомъ возрастѣ, дающемъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія... Велико могущество истинной поэзіи и романа на общество, оно много больше вліянія самыхъ лучшихъ общественныхъ трактатовъ. Прочитавъ трактатъ, большинство даже интеллигентныхъ людей черезъ недѣлю не можетъ разсказать его содержаніе, а поэтичеткіе образы и выраженія надолго выгравировываются въ памяти каждаго. Некрасовъ же былъ великій поэтъ, его образы были могучи. Еще въ то время я чувствовалъ инстинктомъ его таинственное вліяніе, чувствоваль, что, благодаря ему, движеніе должно итти и далѣе въ этомъ направленіи, но привести въ результатѣ не къ всобщему опрощенію и торжеству безграмотности; а къ борьбѣ съ абсолютизмомъ“.

Быть можетъ, въ этихъ утвержденіяхъ есть своя доля преувеличенія, но, во всякомъ случаѣ, отрицать огромное значеніе некрасовской поэзіи для умонастроеній наиболѣе молодой, а потому наиболѣе воспріимчивой части русской интеллигенціи того времени, отнюдь не приходится, такъ какъ наличность его можетъ быть потверждена и цѣлымъ рядомъ другихъ, вполнѣ объективныхъ данныхъ.

Весьма ощутительно сказалось вліяніе Некрасова и на тѣхъ молодыхъ писателяхъ, чьи дарованія и направленіе литературной дѣятельной формировались въ 70-ые годы. Изъ поэтовъ П. Я. и Надсонъ, изъ беллетристовъ — Гаршинъ и Короленко, въ большей или меньшей степени, изведали очарованіе „музы мести и печали“. И если Короленко сталъ однимъ изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ провозвѣстниковъ революціонной идеологіи въ русской литературѣ, то произошло это отчасти потому, что его юношеское міровоззрѣніе закалялось въ пламени дышащихъ гнѣвомъ и протестомъ стиховъ Некрасова. И не случайно, конечно, на вопросъ любимаго учителя словесности почему ему такъ

понравилась пѣсня Шевченко „про бурлаку“, юный Короленко отвѣтилъ: „потому, что напоминаетъ Некрасова“ (см. „Исторія моего современника“). Итакъ Некрасовъ, скорѣе безсознательно, чѣмъ сознательно, но признавался мѣриломъ достоинства поэтическаго произведенія. И не случайно опять таки эпиграфомъ для перваго своего появившагося беллетристическаго очерка „Эпизодъ изъ жизни искателя“ Короленко взялъ извѣстные некрасовскіе стихи: „Средь міра дольнаго для сердца вольнаго есть два пути“... А въ этомъ разсказѣ, какъ помнитъ читатель, трактуется такая колоссальной важности для начинающаго жизнь человѣка тема, какъ тема объ истинномъ счастьѣ. Первымъ искушеніемъ для неокрѣпшей еще души является соблазнъ уединеннаго, мирнаго счастья, въ сторонѣ отъ большой жизни съ ея треволненіями, заботами, испытаніями и даже, быть можетъ, подвижничествомъ. Отъ такого счастья, которое заглушаетъ и подавляетъ любовь — жалость къ людямъ вообще, къ несчастнымъ и обездоленнымъ въ частности, Короленко въ „Эпизодѣ изъ жизни искателя“ мягко, но рѣшительно отворачивается. Его идеалъ счастья уже безповоротно сложился въ духѣ некрасовскаго завѣта:

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ —
По ихъ стопамъ.
Гдѣ горе слышится,
Гдѣ трудно дышится
Будь первый тамъ!

Русская дѣйствительность, однако, такова, что активное проявленіе любви къ униженнымъ и обиженнымъ неизбѣжно ведетъ за собою столкновенія, а затѣмъ и борьбу съ тѣми, кто на потѣ и крови этихъ униженныхъ и обиженныхъ основываетъ свое безпечальное житіе. И вотъ Короленко, писатель съ душою на рѣдкость мягкой, нѣжно-стыдливой, дѣлается, въ значительной степени, Тиртеемъ русской революціи. Изображая и народные типы и представителей интеллигентской среды онъ съ особою любовью, подчеркиваетъ въ психическомъ складѣ стихію протеста, готовность въ борьбѣ обрѣсти право свое. Кто не помнитъ колоритнаго образа Якова въ разсказѣ „Въ послѣдственномъ отдѣленіи“

Заключенный въ тюрьму, повидимому, за непризнаніе властей, онъ при каждомъ появленіи въ коридорѣ тюремнаго начальства начинаетъ неистово колотить въ дверь ногами производя такимъ образомъ страшный шумъ. Лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, спрашиваетъ Якова, для чего онъ это дѣлаетъ. „Стою за Бога, за великаго государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей“, — не мало не смущаясь, отвѣчаетъ онъ и прибавляетъ въ разъясненіе своихъ словъ: „начальниковъ неправедныхъ обличаю“. Яковъ не ищетъ осязательныхъ, реальныхъ послѣдстій своего стучанія; „пользу“ отъ своего образа дѣйствій онъ видитъ въ самомъ фактѣ „стоянія“ за Бога, великаго Государя, отечество. Поведеніе его граничитъ съ геройствомъ, т. к. тюремное начальство не остановится передъ самыми жестокими мѣрами, чтобы заставить замолчать непреклоннаго протестанта. Побѣжденный физически, онъ считаетъ себя не сдавшимся побѣдителямъ, пока еще и Господь поддерживаетъ его“ въ единственной везможной формѣ борьбы: „Стучу вотъ!“ Въ этомъ онъ привыкъ уже видѣть свою миссію, свое торжество. — Общественное міровоззрѣніе этого фанатика идеи не имѣетъ строго опредѣленнаго характера. Съ освобожденія крестьянъ русская жизнь, по его мнѣнію распалась на два начала: истинное-государственное и беззаконное — земское. Великій Государь пребываетъ въ старомъ „правъ-законѣ“, а царь польскій и князь финляндскій въ новомъ. Слуги земскаго начала, иначе слуги антихриста, насильно стали приневоливать народъ подъ свою руку. Новые порядки, введенные ими, грозятъ неминуемою бѣдою всему строю жизни. Однако, господству беззаконниковъ придетъ конецъ. „Поработаютъ да и погибнутъ. А только долго ждать. Не увидѣть намъ съ тобою правды“ — увѣренно прорицаетъ Яковъ. Фигура Якова, въ значительной степени, символична: она является какъ бы прообразомъ русскаго народа въ періодъ недавней только что законченной имъ стадіи своего историческаго развитія. Томясь отъ гнета неправедной власти и не будучи въ силахъ, вслѣдствіе своей темноты, разобраться въ причинахъ порождающихъ отрицательныя стороны современной дѣйствительности, а также выработать лучшій идеалъ соціально-политическаго устройства, народъ

ограничивается смутнымъ протестомъ, глухимъ броженіемъ, до крайности нервирующимъ, однако, представителей власти предержащей.

Съ неменьшимъ мастерствомъ создаетъ Короленко въ превосходномъ очеркѣ „Чудная" типъ активной протестантки изъ среды революціонно настроенной молодежи. „Политичка" Морозова, совсѣмъ еще юное существо, принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ натуръ, которыя цѣликомъ, безъ остатка отдаютъ себя на служеніе идеѣ. Участіе въ революціонной борьбѣ является для нихъ не модой, не забавой, не случайно подвернувшимся способомъ извѣдать сильныя ощущенія. а дѣломъ всей жизни, естественнымъ выводомъ изъ всего комплекса воззрѣній на современныя жизнь и общественную дѣйствительность. Служеніе идеѣ ведетъ къ извѣстной узости, сектантству. „Вы — сектантка", говоритъ Морозовой ея товарищъ по ссылкѣ, и совершенно правъ въ этимъ опредѣленіи ея духовнаго облика, но бываетъ сектанство такого рода, которое увеличиваеeъ обаятельность человѣческой личности. Таково именно и сектантство Морозовой. Понятно, болѣе того психолологически неизбѣжно что она такъ долго не прощаетъ добродушнаго жандарма, ея конвойнаго, который восчувствовалъ къ ней симпатію и по своему старался быть полезнымъ ей въ пути. Онъ для нея „врагъ" и врагъ потому, что является агентомъ власти лишившей ей свободы, держащей народъ въ угнетеніи мало того, сознательно коверкающей нравственную природу народа, затягивая чистыхъ и простодушныхъ по натурѣ сыновъ его въ жандармскіе мундиры, заставляя ихъ быть тюремщиками и палачами тѣхъ людей, которые готовы всѣмъ пожертвовать во имя народнаго блага. И опять таки въ отношеніяхъ жандарма и Морозовой видится что-то символическое. Народъ, олицетворенный въ образѣ жандарма, пока еще является послушнымъ орудіемъ власти и служитъ ей въ борьбѣ противъ своихъ истинныхъ друзей, но онъ уже понялъ, что тутъ что-то неладное; онъ уже начинаетъ интересоваться судьбой революціонныхъ дѣятелей, онъ уже имъ симпатизируетъ. Писатель точно хочетъ сказать: близка минута, когда народъ увидитъ въ революціонерахъ своихъ заступниковъ и пойдетъ рука объ руку съ ними...".

Если разсказы „Въ подслѣдственномъ отдѣленіи“ и „Чудная“ и еще нѣкоторые другіе, не вошедшіе въ нашъ обзоръ за недостаткомъ мѣста, интересны въ томъ отношеніи, что рисуютъ типы протестующихъ, революціонно-настроенныхъ личностей, встрѣчающіеся въ русской жизни, то разсказы „Тѣни“, „Мгновеніе“ и, особенно, „Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды“ ставятъ революціонную проблемму уже въ общечеловѣческомъ масштабѣ. „Тѣни“ и „Мгновеніе“ какъ бы указываютъ на тѣ черты духовной природы человѣка, которыя присущи всякому истинному борцу, всякому честному дѣятелю, не желающему итти „просторною дорогой торною страстей раба“, гдѣ смѣшна самая мысль „о жизни искренней, о цѣли выспренней“, гдѣ кипитъ вѣчная война „за блага бренныя“, где плѣнныя души и окованные цѣпями умы. Такой борецъ, такой дѣятель, прежде всего, долженъ обладать страстной и неукротимой жаждой истины. Въ своемъ стремленіи къ ней онъ, подобно Сократу,(„Тѣни“), не можетъ останавливаться ни передъ какимъ дерзаніемъ. Если это стремленіе приведетъ его къ ниспроверженію вѣками утвердившихся вѣрованій и традицій,— пусть они будутъ ниспровергнуты; если ему понадобится выбирать между жизнью и компромиссомъ, пусть безбоязненно подноситъ къ губамъ чашу съ цикутой, ибо компромиссъ не что иное, какъ отступничество отъ велѣній строгой, иногда суровой владичицы-истины.

Наравнѣ съ любовью къ истинѣ, душой человѣка должна владѣть — любовь къ свободѣ. И эту любовь опять-таки не жалко оплатить цѣною жизни. Тысячу разъ былъ правъ инсургентъ и флибутьеръ Хуанъ-Марія-Хозе-Мигуель-Діацъ, отваживавшійся, послѣ многихъ лѣтъ тюремнаго заключенія, на бѣгство („Мгновеніе“). Его попытка почти безнадежна: въ утломъ рыбачьемъ челнокѣ ему предстоитъ переплыть черезъ широкій проливъ, отдѣляющій островъ — мѣсто его заточенія — отъ материка, переплыть въ тотъ роковой часъ, когда на морѣ свирѣпствуетъ ураганъ, заставляющій сотрясаться прибрежныя скалы, превращающій море въ кипящій котелъ... Но, если Мигуель-Діацъ и погибнетъ, то море „во всякомъ случаѣ дастъ ему нѣсколько мгновеній свободы. А кто знаетъ не стоитъ ли одинъ мигъ настоящей жизни цѣлыхъ годовъ прозябанія?“ Всѣмъ со-

держаніемъ своего разсказа Короленко подсказываетъ намъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Любовь къ истинѣ, любовь къ свободѣ... Но есть еще третья великая любовь — любовь къ людямъ. И эта любовь, въ большей мѣрѣ, чѣмъ какое-либо другое чувство создаетъ истинныхъ революціонеровъ-борцовъ. Гамаліотъ Менахемъ подымаетъ въ порабощенной Римомъ Іудеѣ знамя возстанія („Сказаніе о Флорѣ"). Напрасно разсчетливые купцы, опасающіеся во время войны потерять свое богатство, и кроткіе ессеи, проповѣдующіе миръ во что бы то ни стало, уговариваютъ прекратить борьбу.

Первымъ ссылающимся на примѣръ его отца Іегуды, нашедшаго себѣ смерть во время поднятаго имъ „мятежа" и погубившаго ихъ отцовъ, „неповинныхъ въ мятежѣ", онъ отвѣчаетъ: „Іегуда исполнялъ свой долгъ, сопротивляясь насилію завоевателей. Такъ дѣлали доблестнѣйшіе мужи у у всѣхъ народовъ: пареянъ, нумидійцевъ и мавровъ. И если бы всѣ исполняли свой долгъ, Римъ не дерзалъ бы выйти за свои предѣлы, и на землѣ былъ бы миръ, и земля не стонала бы подъ игомъ. И мой отецъ былъ бы живъ. Но ваши отцы такъ-же, какъ малодушные изъ всѣхъ народовъ, оставили своихъ защитниковъ безъ помощи, и они погибли, а намъ, сынамъ тѣхъ людей, достался позоръ рабства... Вотъ что отвѣчу я вамъ, торговцы... Идите!".

Вторымъ, утверждавшимъ, что для человѣка довольно „знать законъ Моисея" и умѣть „пахать землю", и что лишь кроткіе и покоряющіеся люди — „живые люди", а „мятежные умираютъ смертью", Менахемъ заявляетъ: „Когда на городъ нападаютъ грабители, и никто не смѣетъ встать на защиту, что тогда дѣлаютъ насильники?.. Не избиваютъ ли они всѣхъ безъ различія, не видя никакой разницы, ни причины для милости?... Не видны пути Господа смертному оку: быть можетъ, мы, защитники свободы, погибнемъ, а вы останетесь съ дѣтьми и съ дѣтьми дѣтей. Тогда, кроткіе ессеи, не вспомните ли вы съ благодарностью о насъ, мятежныхъ, привлекшихъ на себя весь гнѣвъ насильниковъ и своею гибелью купившихъ вамъ миръ и спокойствіе?... Будьте же благодарны гибнущимъ, вы, кроткіе и сохраняющіе жизнь; ибо ваша кротость получаетъ цѣну, лишь благодаря нашей строптивости, а ваше спокойствіе подобно

цвѣтамъ, расцвѣтающимъ на поляхъ, удобренныхъ нашею кровью". А затѣмъ красивою притчею Менахемъ доказываетъ, что „Скорбное Пониманіе" выше „Невѣдѣнія Зла". „Невѣдѣніе Зла" приводитъ къ тому, что мы выдаемъ защитниковъ слабыхъ и угнетенныхъ въ руки насильниковъ и убійцъ; „Скорбное Пониманіе" дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ священною кровь, пролитую въ борьбѣ противъ насилія; благодаря „Скорбному Пониманію", дѣти погибшихъ въ этой борьбѣ „будутъ готовы встать на защиту слабыхъ, по обычаю своего рода, и будутъ исполнять завѣщаніе отцовъ до тѣхъ поръ, пока дѣти гонителей поймутъ всю скорбь вытекающую изъ завѣщанія насильниковъ...".

Этотъ разсказъ, написанный въ срединѣ 80-хъ г., когда толстовская проповѣдь „непротивленія злу" достигла высшаго предѣла своего развитія, знаменуетъ собой поворотный пунктъ въ исторіи русской общественности предвозвѣщая собой революцію 1905 г. и ея великую наслѣдницу — революцію 1917 г.

Такимъ образомъ, даже тотъ краткій обзоръ внушенныхъ думами о революціи мотивовъ художественнаго творчества Короленко, который былъ нами данъ, свидѣтельствуетъ, что маститый писатель вполнѣ заслуживаетъ имя одного изъ славнѣйшихъ провозвѣстниковъ революціонной идеологіи въ русской литературѣ. А потому будетъ умѣстно пожелать ему въ сегодняшній знаменательный день, какъ можно скорѣе, увидѣть русскую революцію очистившейся отъ зловоннаго мусора и грязной накипи, затмѣвающихъ иногда въ наши дни ея свѣтлый ликъ и осуществившей на дѣлѣ идеалы свободы, добра и правды.

В. Евгеньевъ-Максимовъ.

Изъ воспоминаній о В. Г. Короленко.

Съ именемъ В. Г. Короленко у меня связано не мало добрыхъ воспоминаній и, разумѣется, я не могу сказать здѣсь всего, что хотѣлось бы.

Первая моя встрѣча съ нимъ относится къ 88 или 89 году. Пріѣхавъ въ Нижній-Новгородъ, не помню откуда, я узналъ, что въ городѣ этомъ живетъ писатель Короленко, недавно отбывшій политическую ссылку въ Сибири. Я уже читалъ разсказы, подписанные этимъ именемъ, и помню— они вызвали у меня впечатлѣніе новое, не согласное съ тѣмъ, что я воспринялъ отъ литературы „народниковъ", изученіе которой въ ту пору считалось обязательнымъ для каждаго юноши, задѣтаго интересомъ къ общественной жизни.

Публицистическая литература „народниковъ" откровенно внушала: „смотри вотъ такъ, думай—такъ", и это очень нравилось многимъ. кто привыкъ чувствовать себя руководимымъ. А для всякаго мало-мальски внимательнаго читателя было ясно, что разсказы Короленко чужды стремленію насиловать умъ и чувство.

Я вращался тогда въ кругу „радикаловъ", какъ именовали себя остатки народниковъ, и въ этомъ кругу творчество Короленко не пользовалось симпатіями. Читали „Сонъ Макара", но къ другимъ разсказамъ относились скептически, ставя ихъ рядомъ съ маленькими жемчужинами Антона Чехова, которыя уже совершенно не возбуждали серьезнаго отношенія радикаловъ.

Находились люди, которымъ казалось, что новый подходъ къ изображенію народа въ разсказахъ „За иконой", „Рѣка играетъ" изобличаетъ въ авторѣ вреднѣйшій скептицизмъ, а разсказъ „Ночью" вызывалъ у многихъ рѣзко враждебныя сужденія, раздражая раціоналистовъ.

Съ радикагами спорили и враждовали „культутрегеры,—люди, начинавшіе трудную работу переоцѣнки старыхъ вѣрованій; радикалы называли культуртрегеровъ „никудышниками". „Никудышники" относились къ творчеству В. Г. съ подстерегающимъ вниманіемъ, чутко оцѣнивая его прекрасный лиризмъ и зоркій взглядъ на жизнь.

Въ сущности—спорили люди добраго сердца съ людьми пытливаго ума, и сейчасъ этотъ споръ, вызванный предразсудками людей просвѣщенныхъ, является сплошнымъ недоразумѣніемъ, ибо В. Г. давалъ одинаково щедро и много, какъ людямъ сердца, такъ и людямъ ума. Но все-же для многихъ въ ту пору поправки, вносимыя новымъ писателемъ въ привычныя, устоявшіяся сужденія и мнѣнія о русскомъ народѣ, казались чуждыми, непріятными и враждебными любимому идолу святой традиціи.

Раздражалъ Тюлинъ, герой разсказа „На рѣкѣ", человѣкъ несомнѣнно всѣмъ хорошо знакомый въ жизни, но совершенно не похожій на обычнаго литературнаго мужичка, на Поликушку, дядю Миная и другихъ излюбленныхъ интеллигентомъ идеалистовъ, страстоперпцевъ, мучениковъ и правдолюбовъ, которыми литература густо населила нищія и грязныя деревни. Не похожъ былъ лѣнтяй—ветлужанинъ на литературнаго мужичка и, въ то же время, убійственно похожъ вообще на русскаго человѣка—героя на часъ—въ которомъ активное отношеніе къ жизни пробуждается только въ моменты крайней опасности и на краткій срокъ.

Очень помню горячіе споры о Тюлинѣ—настоящій это мужикъ или выдумка сочинителя? Культуртрегеры утверждали — настоящій, дѣйствительный мужикъ, не способный къ строительству новыхъ формъ жизни, не имѣющій склонности къ расширенію своего интеллекта.

„Съ такимъ субъектомъ не скоро доживешь до европейскихъ формъ государственности, — говорили они. Тюлинъ,—это Обломовъ въ лаптяхъ.

А радикалы кричали, что Тюлинъ—выдумка, европейская же культура намъ не указъ — Поликушка съ дядей Минаемъ создадутъ культуру оригинальнѣе западной.

Эти жаркіе споры, острыя разногласія вызвали у меня напряженный интересъ къ человѣку, обладающему силой возбуждать умы и сердца, и написавъ нѣчто въ родѣ поэмы

въ прозѣ, озаглавивъ ее, кажется, „Пѣснь стараго дуба", я понесъ рукопись В. Г.

Меня очень удивилъ его внѣшній обликъ — В. Г. не отвѣчалъ моему представленію о писателѣ и политическомъ ссыльномъ. Писателя я представлялъ себѣ человѣкомъ тощимъ, нервнымъ, краснорѣчивымъ—не знаю почему именно такимъ, В. Г. былъ коренастъ, удивительно спокоенъ, у него здоровое лицо, въ густой курчавой бородѣ, и ясные зоркіе глаза.

Онъ не былъ похожъ и на политиковъ, которыхъ я зналъ уже довольно много: они казались мнѣ людьми, всегда немножко озлобленными и чуть-чуть рисующимися пережитымъ.

В. Г. былъ спокоенъ и удивительно простъ. Перелистывая мою рукопись на колѣняхъ у себя, онъ съ поразительной ясностью, образно и кратко говорилъ мнѣ о томъ, какъ плохо и почему плохо написалъ я мою поэму. Мнѣ крѣпко запомнились его слова:

— Въ юности мы всѣ немножко пессимисты—не знаю, право, почему. Но, кажется, потому, что хотимъ многаго, а достигаемъ—мало...

Меня изумило тонкое пониманіе настроенія, побудившаго меня написать „Пѣснь стараго дуба", и, помню, мнѣ было очень стыдно, неловко предъ этимъ человѣкомъ за то, что я отнялъ у него время на чтеніе и критику моей поэмы. Впервые показалъ я свою работу писателю и сразу имѣлъ рѣдкое счастье услышать четкую, уничтожающую критику.

Повторяю—меня особенно удивила простота и ясность рѣчи В. Г.; люди, среди которыхъ я жилъ, говорили туманнымъ и тяжелымъ языкомъ журнальныхъ статей.

Вскорѣ послѣ этой первой встрѣчи съ В. Г., я ушелъ изъ Нижняго и воротился туда года черезъ три, обойдя центральную Русь, Украину, побывавъ и поживъ въ Бессарабіи, въ Крыму, на Кавказѣ. Много видѣлъ, пережилъ и, изнемогая отъ пестроты и тяжести впечатлѣнія бытія чувствовалъ себя богачемъ, который не знаетъ, куда дѣвать нажитое, и безтолково тратитъ сокровища, разбрасывая все, что имѣлъ, всѣмъ, кто желалъ поднять брошенное.

Я не столько разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, сколько спрашивалъ, что они значатъ, какова ихъ цѣнно ть?

Въ этомъ приподнятомъ настроеніи я снова встрѣтился съ В. Г. Сидѣлъ у него въ маленькой тѣсной столовой и говорилъ о томъ, что особенно тревожило меня—о правдоискателяхъ, о безпризорной бродячей Руси, о тяжкой жизни грязныхъ и жадныхъ деревень.

В. Г. слушалъ, задумчиво улыбался умными и ясными глазами и вдругъ спросилъ:

— А замѣтили вы, что всѣ эти правдоискатели большихъ дорогъ—великіе самолюбцы.

Конечно, я этого нез амѣчалъ и былъ удивленъ вопросомъ.

А В. Г. добавилъ:

— И лѣнтяи порядочные, правду сказать...

Онъ говорилъ, не осуждая, добродушно, и отъ этого его слова пріобрѣтали особый вѣсъ, особое значеніе. Во всей его фигурѣ, въ каждомъ жестѣ чувствовалась спокойная сила, а вниманіе, съ которымъ онъ слушалъ, обязывало къ точности и краткости. Его хорошіе глаза, вдумчивый ихъ взглядъ взвѣшивали внутреннюю цѣнность вашихъ словъ, и вы невольно требовали отъ себя словъ значительныхъ, точно рисующихъ мысль и чувство. Уйдя отъ него, я почувствовалъ, чѣмъ отличаются его разсказы о человѣкѣ отъ разсказовъ другихъ людей. Какъ многимъ, мнѣ казалось, что безпристрастный голосъ правдиваго художника —голосъ безразличнаго человѣка.

Но чуткія замѣчанія В. Г. о мужикахъ, монахахъ, правоискателяхъ, обличали въ немъ человѣка, который не считаетъ себя судьею людей, а любитъ ихъ съ открытыми глазами, той любовью, которая даетъ мало наслажденій и слишкомъ много страданій.

Въ этомъ году я началъ печатать маленькіе разсказы въ газетахъ и однажды, подъ вліяніемъ смерти крупнаго культурнаго дѣятеля, нижегородца А. С. Гацисскаго, написалъ какой-то фантазерскій разсказъ о томъ, какъ надъ могилой интеллигента мужики благодарно оцѣниваютъ его жизнь.

Встрѣтивъ меня на улицѣ, В. Г. сказалъ, добродушно усмѣхаясь:

— Ну, это вы плохо сочинили. Такія штуки не надо писать!

Видимо, онъ слѣдилъ за моей работой, бывалъ я у него не часто, но почти при каждой встрѣчѣ онъ что-нибудь говорилъ мнѣ о моихъ разсказахъ.

— Архипа и Леньку напрасно напечатали въ Волгарѣ— это можно бы помѣстить въ журналъ,—говорилъ онъ.

— Вы черезчуръ увлекаетесь словами, нужно быть болѣе скупнымъ и точнымъ.

— Не прикрашивайте людей...

Его совѣты и указанія всегда были кратки, просты, но это были какъ разъ тѣ указанія, въ которыхъ я нуждался. Я много получилъ отъ Короленко добрыхъ совѣтовъ, много вниманія и, если въ силѣ разныхъ неустранимыхъ причинъ не сумѣлъ воспользоваться его помощью, — въ томъ моя вина и печаль.

Извѣстно, что въ большую журнальную литературу я вошелъ при его помощи.

О многомъ я умолчу, изъ опасенія быть безтактнымъ въ похвалахъ и благодарности моей этому человѣку.

Скажу въ заключеніе, что за 25 лѣтъ литературной моей работы я видѣлъ и зналъ почти всѣхъ большихъ писателей, имѣлъ высокую честь знать и колоссальнаго Л. Н. Толстого.

В. Г. Короленко стоитъ для меня гдѣ-то въ сторонѣ отъ всѣхъ, въ своей особой позиціи, значеніе которой до сего дня недостаточно оцѣнено. Мнѣ лично этотъ большой и красивый писатель сказалъ о русскомъ народѣ многое, что до него никто не умѣлъ сказать Онъ сказалъ это тихимъ голосомъ мудреца, который прекрасно знаетъ, что всякая мудрость относительна, и вѣчной правды—нѣтъ. Но правда, сказанная образомъ Тюлина,—огромная правда, ибо въ этой фигурѣ намъ данъ исторически вѣрный типъ великорусса—того человѣка, который нынѣ сорвался съ крѣпкихъ цѣпей мертвой старины и получилъ возможность строить жизнь по своей волѣ.

Вѣрю, что онъ построитъ ее такъ, какъ найдетъ удобнымъ для себя, и знаю, что въ этой великой работѣ строенія новой Россіи найдетъ должную оцѣнку и прекрасный трудъ честнѣйшаго русскаго писателя В. Г. Короленко, человѣка съ большимъ и сильнымъ сердцемъ.

М. Горькій.

Короленко — защитникъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ.

Защита слабѣйшаго, заступничество за обиженнаго и угнетеннаго проходитъ яркою, ласкающею глазъ и душу, нитью черезъ длинную цѣпь художественныхъ произведеній В. Г. Короленко. Этотъ моментъ занимаетъ видное мѣсто и въ его публицистическихъ работахъ; это стремленіе заполнило всю общественную работу, всю личную жизнь В. Г. Короленко.

Не разъ *эти* стороны жизни и творчества В. Г. Короленко подвергались жестокому обстрѣлу. Уже лѣтъ 20—25 тому назадъ сыпались уколы по адресу В. Г. Короленко, что у него посвященныя такимъ темамъ произведенія выдержаны „въ условномъ, нарочито-трогательномъ и утомительно приподнятомъ стилѣ“ (Мережковскій).

Московскій литературный обозрѣватель И. И. Ивановъ въ 1890-хъ годахъ ставилъ нашему писателю въ вину, что у него „искры художественности гаснутъ подъ моралью и публицистикой“. А другой критикъ той же эпохи Ю. Николаевъ (Говороха-Отрокъ), искренно преклонявшійся передъ свѣжимъ талантомъ писателя, требовалъ отъ Короленко, чтобы онъ отрѣшился „отъ рабства духовнаго, освободилъ душу отъ оковъ обще-интеллигентскаго суевѣрія“, чтобы онъ „смотрѣлъ на явленія жизни болѣе широкимъ и смѣлымъ взглядомъ художника“. Часто наши критики сокрушались по поводу того, что Короленко „для дѣлъ текущей жизни приноситъ въ жертву свой изобразительный художественный талантъ“. Совсѣмъ недавно, лѣтъ восемь тому назадъ, Чуковскій писалъ: „Десятки разъ такой изящный художникъ пренебрегалъ своимъ даромъ ради кого? Ради Отрешки Колтуна, ради Дарьи Калчаевой, не задумывался ради данной минуты

и данныхъ людей вышвырнуть въ дальній уголъ вѣчныя цѣнности и вѣчныя задачи". Жаловались также не разъ литературные соратники В. Г., что загубитъ боевая газетная работа писателя-беллетриста, что участіе въ процессахъ, хлопоты, поѣздки ослабятъ художественное творчество Короленко.

Теперь, когда мы имѣемъ возможность оглянуться на всю 40-лѣтнюю литературную работу В. Г. Короленко, на его 65-лѣтнюю жизнь праведника, по поводу всѣхъ этихъ нареканій и причитываній, приходится сказать одно: что онъ, Владиміръ Галактіоновичъ, съ честью и мужествомъ выдержалъ направлявшуюся противъ него аттаку, что онъ остался себѣ вѣренъ; что не изсякли его творческія силы, что онъ не сдался... а *побѣдилъ*.

Да, онъ побѣдилъ: покорилъ всѣхъ инако мыслящихъ, обезоружилъ своихъ суровыхъ критиковъ, преодолѣлъ страхи друзей и близкихъ, разрушилъ всѣ сомнѣнія о *цѣльности* его духовнаго творчества и стройности міровоззрѣнія. Не говорилъ-ли намъ сегодня первый изъ ораторовъ, нашъ тонкій, чуткій критикъ А. Г. Горнфельдъ объ основной потребности Короленко—художника „связать свое *поэтическое созидание* съ потокомъ и *нуждами повседневной жизни*"? Изъ всего того, что теперь пишутъ и говорятъ объ итогахъ жизни и писаній Короленко, не ясно-ли одно: что именно въ этомъ гармоническомъ сочетаніи мягкаго, нѣжнаго и задушевнаго начала въ художественныхъ произведеніяхъ В. Г. Короленко съ боевымъ пыломъ его публицистическихъ статей, съ неисчерпаемой энергіей и настойчивостью въ заступничествѣ за всякаго обиженнаго, заключается одна изъ главныхъ особенностей творчества Короленко.

В. Г. Короленко началъ свою работу въ дѣлѣ защиты всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ еще въ раннемъ дѣтствѣ. Въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ (въ „Исторіи моего современника", „Въ дурномъ обществѣ" и др.), отдѣльныя сцены живо напоминаютъ объ этихъ настроеніяхъ юнаго Короленко. Такими настроеніями объясняется и многое въ скитальческій періодъ его біографіи, его неоднократныя высылки и аресты. Съ особою опредѣленностью эта черта развилась въ *нижегородскій* періодъ жизни Коро-

ленко. Съ этого времени онъ сталъ гласнымъ, нелицепріятнымъ обличителемъ всякаго насилія. Онъ былъ тамъ, — какъ выразился біографъ, написавшій о немъ только на дняхъ книгу, (А. А. Гизетти), —„апостоломъ дѣятельнаго добра"; къ нему шли за помощью, совѣтомъ шли въ надеждѣ на гласное разоблаченіе всѣ, кого обидѣло начальство или обошла судьба... Появившіеся какъ разъ сегодня впервые въ печати матеріалы Департамента Полиціи, о тайномъ „наблюденіи" за нижегородской квартирой В. Г., подчеркиваютъ, какъ эта сторона его жизни смущала и безпокоила предержащія власти того времени...

Въ тѣсной связи съ этимъ нижегородскимъ періодомъ стоитъ первое боевое дѣло, выполненное В. Г.,—его *защита въ мултанскомъ дѣлѣ* вотяцкаго народа отъ жестокихъ навѣтовъ. Я говорю не мултанскихъ крестьянъ, не тѣхъ десятковъ человѣкъ, которые обвинялись въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, но именно *всего вотяцкаго народа*, па которомъ тяготѣло это позорное обвиненіе, какъ жестокій, тяжкій поклепъ. Короленко оторвался отъ любимыхъ литературныхъ занятій и весь отдался новой, непривычной для него судебной работѣ. Это былъ неутомимый адвокатъ. Профессіональные защитники и теперь съ восторгомъ вспоминаютъ о томъ, сколько В. Г—чемъ было вложено энергіи, настойчивости и вдохновенія въ это дѣло. И когда мултанскій процессъ въ третій разъ предсталъ предъ судомъ народнымъ, а участники его были наконецъ оправданы,— заслуги Короленко въ этомъ дѣлѣ,—хотя онъ самъ, съ присущей ему скромностью, отрицалъ ихъ, —были длявсей читающей Россіи ясными и безспорными.

Памятными для поколѣнія той эпохи останутся также экскурсіи В. Г. въ другую область: его *борьба въ неурожайные годы* съ голодомъ, а еще болѣе съ мѣстными и крѣпостниками и охранителями, отвергавшими самый фактъ недорода и недоѣданія. Его статьи по этому поводу въ мѣстной печати, личная поѣздка въ голодныя мѣста, непосредственная организація столовыхъ, полемика съ ретроградными членами продовольственныхъ комитетовъ, особыя мнѣнія, подававшіяся имъ совмѣстно съ Н. Ф. Анненскимъ,— все это цѣлая полоса, захватившая въ свое время вниманіе общества и увѣковѣченная писателемъ въ его живыхъ,

то нѣжно-мечтательныхъ, то сурово-обличительныхъ путевыхъ очеркахъ: „Въ голодный годъ“.

Съ большой чуткостью Короленко откликался на жестокіе нравы, водворившіеся въ *военной средѣ*. Онъ тщательно подбиралъ всѣ факты изъ этой области; разоблачалъ безнаказанность, фактически установившуюся для любого проявленія военнаго дебоширства, и со всею силою своего публицистическаго таланта показалъ безсиліе, безпомощность, униженіе человѣческой личности обывателя, дѣлающагося жертвой этого безконечнаго произвола военныхъ людей... Онъ не бросаетъ однако въ ихъ сторону огульныхъ личныхъ обвиненій. Нѣкоторые изъ нихъ въ его изображеніи скорѣе сами являются людьми достойными жалости, какъ „духовно изуродованные, безсознательные слуги режима“; для него важна та среда, которая воспитываетъ всѣхъ этихъ Ковалевыхъ, Сташевскихъ и другихъ. Особонно вдохновенными были его статьи о генералѣ Ковалевѣ, розгами избившемъ старшаго врача Зарубаева. Въ этомъ единичномъ фактѣ Короленко видѣлъ отраженіе чего-то *общаго*, угрожающаго *всѣмъ гражданамъ* отъ всего военнаго сословія.

Это было уже въ эпоху 1903—1905 г.г. Жизнь давала въ тѣ годы безконечный матеріалъ для обличенія и негодованія, заступничества и вмѣшательства. Кто не помнитъ связанной съ тѣмъ временемъ кампаніи Короленко противъ совѣтника губернскаго правленія *Филонова*,—того самого которому поручено было выяснить дѣло о вооруженномъ столкновеніи властей съ группой сорочинскихъ крестьянъ. Крестьяне старались освободить своихъ односельчанъ отъ неправильнаго ареста, а Филоновъ, вмѣсто административнаго разслѣдованія, устроилъ карательную экспедицію, подвергъ кровавому избіенію и уничтоженію цѣлыя села и деревни, такъ что жители дрожали при одномъ вспоминаніи о приказахъ и распоряженіяхъ Филонова. Жившій тогда въ Полтавѣ В. Г. Короленко пишетъ горячую статью въ мѣстной газетѣ „Полтавщина“, требуетъ суда надъ насильникомъ и разоблаченія всего того, что имъ произведено въ злополучныхъ деревняхъ, ни въ чемъ не повинныхъ. Призывъ Короленко встрѣчаетъ горячій откликъ во всемъ населеніи. Но власть не желаетъ показать своей слабости. Нѣкоторые экзальтированные читатели считали нужнымъ

идти дальше, чѣмъ мысль Короленко: они не въ въ силахъ были тогда ждать окончательнаго эффекта корректной литературной полемики. Къ глубокому огорченію самого В. Г., находится человѣкъ, который, сгорая жаждой мщенія, пускаетъ пулю въ лобъ Филонову. И вотъ появляется злорадство въ *томъ*, враждебномъ станѣ: оттуда систематически подчеркивается связь между статьей Короленко и убійствомъ Филонова. Эта мысль нашла себѣ затѣмъ выразителя даже съ высоты думской кафедры... въ лицѣ депутата Шульгина, который назвалъ Короленко „моральной убійцей" Филонова. Конечно, и самому Короленко, и всей стоявшей на его сторонѣ прессѣ, не стоило большого труда доказать, какъ дико обвинять его, Короленко, въ причастности къ убійству. Его, который, стремился именно къ гласному, судебному разсмотрѣнію такихъ дѣяній, какъ экспедиція Филонова, — а не къ прекращенію или заминанію ихъ за смертью главнаго героя.

Теперь, когда взгляды В. Г. на смертную казнь и личную расправу опредѣлились еще цѣльнѣе, — несуразность обвиненій противъ противъ В. Г. въ сорочинскомъ дѣлѣ ощущается еще въ большей степени. Считать подстрекателемъ къ убійству—*кого*? Того, изъ-подъ пера котораго вылился сильнѣйшій протестъ противъ смертной казни, кто написалъ „Бытовое явленіе", кто будилъ общественную совѣсть по дѣлу о казни Глускера и др.

Надо было видѣть В. Г. въ дни, когда онъ хлопоталъ за кого-либо изъ обреченныхъ „смертниковъ". Вторая половина мннувшаго деситилѣтія давала не мало поводовъ къ такимъ переживаніямъ. В. Г. въ этихъ случаяхъ положительно не давалъ себѣ „ни отдыха, ни срока".

Мнѣ лично, вспоминается какъ во время существованія трудовой группы Гос. Думы перваго созыва, а также 3-ей и 4-ой Гос. Думы, онъ не разъ являлся въ помѣщеніе трудовой фракціи или къ отдѣльнымъ ея членамъ, весь встревоженный, блѣдный, сумрачный... Къ нему какъ-то раньше другихъ доходили вѣсти о новыхъ жертвахъ. Депутаты часто только отъ него узнавали о послѣднихъ приговорахъ, или о происходящей еще на берегахъ Мойки (гдѣ помѣщались военно-судебныя установленія) игрѣ съ человѣческой

жизнью, которую онъ такъ красочно изобразилъ въ своихъ наброскахъ о военномъ правосудіи.

Съ 1903 года особенно ярко стало проявляться систематическое заступничество В. Г. еще въ одной сферѣ: за народъ, обреченный если не на чрезвычайную казнь по суду, то на повседневную казнь ненавистью и злобой, на погромы и вспышки, не разъ приводившіе также къ *убійствамъ, но безъ суда.* Я говорю объ участіи В. Г. въ защитѣ *еврейскаго народа* и протеста противъ воздвигнутыхъ на евреевъ гоненій. Когда начались антиеврейскіе погромы, Короленко цѣлый рядъ статей посвятилъ тому, чтобы дать ясное представленіе о причинахъ этого движенія, объ особенностяхъ еврейскаго вопроса, о недопустимости никакого потворства этимъ проявленіямъ народной дикости. Онъ ѣдетъ въ Кишиневъ и тамъ на мѣстѣ по свѣжимъ слѣдамъ изслѣдуетъ происшедшіе тамъ ужасы. Результаты своего изслѣдованія онъ описываетъ въ очеркѣ „Домъ № 13", который первоначально не могъ появиться въ Россіи и напечатанъ былъ въ заграничномъ изданіи. Короленко фактически участвуетъ почти во всѣхъ погромныхъ процессахъ того времени: но не въ качествѣ стороны на судѣ, не въ роли защитника или обвинителя, а участвуетъ тѣмъ что слѣдитъ за этими процессами, на нѣкоторыхъ присутствуетъ, пишетъ о нихъ... Когда вь 1908 г. издается сборникъ судебныхъ процессовъ объ антиеврейскихъ безпорядкахъ, этимъ литературнымъ предпріятіемъ заинтересовывается В. Г. и пишетъ къ сборнику предисловіе. Предисловіе создаетъ сразу физіономію всему сборнику, оно вливаетъ живую душу въ сухой матеріалъ, собранный въ книгѣ: оно все отъ начала до конца вопіющій протестъ противъ того, какъ у насъ тогда свыше направлялись погромныя дѣла.

Въ послѣдній разъ ярко обрисовалась роль В. Г. въ защитѣ евреевъ, когда началось въ 1912 г. обвиненіе Бейлиса въ убійствѣ мальчика Андрея Ющинскаго. Почуявъ недоброе дѣло, полный воспоминаній о мултанскомъ процессѣ, съ одной стороны, о недавней погромной кампаніи, съ другой, В. Г. сразу беретъ всѣ перипетіи этого дѣла въ поле своего зрѣнія. Годы были уже не тѣ, здоровье В. Г. было сильно подорвано, — но онъ спеціально совершаетъ

рядъ поѣздокъ въ Кіевъ, входитъ во всѣ детали, высиживаетъ весь процессъ, наблюдаетъ присяжныхъ засѣдателей и изслѣдуетъ вопросъ объ ихъ составѣ, изучаетъ мѣсто дѣйствія, всю окраину. Давая отчетъ о процессѣ, дѣлясь съ читателями всѣмъ, на что наводили его личныя наблюденія и изысканія, онъ вскрылъ предъ широкими кругами русскаго общества тѣ гнойники, на почвѣ которыхъ создалось это нелѣпое дѣло, — дѣло, имѣвшее цѣлью, въ интересахъ политической борьбы, возстановить средневѣковый навѣтъ и мрачное старинное суевѣріе.

Говоря о Короленко, какъ объ участникѣ судебныхъ процессовъ и заступникѣ за обиженнаго, слѣдуетъ отмѣтить одну любопытную черту. Чрезъ всю его дѣятельность—какъ въ защиту вотяковъ, евреевъ, лукояновскихъ и сорочинскихъ крестьянъ, такъ и всѣхъ обиженныхъ, оклеветанныхъ,—проходитъ не только одно добросердечіе, не только чувство гуманности, т. е. то что считалось суровыми критиками однимъ изъ проявленій „чрезмѣрной чувствительности и сентиментальности". Нѣтъ на ряду съ этимъ чувствомъ, несомнѣнно близкимъ натурѣ Короленко, здѣсь было и нѣчто другое. У этого художника, такъ любящаго природу, заслушивавшагося, какъ „лѣсъ шумитъ", какъ „рѣка играетъ", на ряду со способностью мыслить конкретными образами, заражать другихъ своими эмоціями,—работаетъ одновременно съ неумолимою логикою отвлеченная мысль и твердо укрѣпилось въ сознаніи представленіе объ *идеѣ права и законности*. Въ самыхъ различныхъ своихъ произведеніяхъ Короленко возвращается къ закону, праву. Мы, юристы, воспитанные на этихъ идеяхъ и невольно ими оперирующіе въ первую очередь, часто удивляемся, какъ умѣлъ проникнуться столь далекій отъ строгаго формализма человѣкъ близкой каждому изъ насъ *отвлеченной идеей правосознанія*, какъ онъ могъ проявить столько чуткости къ малѣйшему проявленію безправія.

Это правовое чувство настолько глубоко сидитъ въ душѣ Короленко, что и теперь въ наши дни, — послѣ того какъ Короленко пережилъ и весну нашей февральской революціи, и октябрьскій переворотъ, а затѣмъ украинскія безчинства,—В. Г., въ одной изъ самыхъ послѣднихъ статей,

датированной 19 мая с. г., такъ объясняетъ, что его побудило примкнуть къ издающемуся въ Полтавѣ органу объединенныхъ соціалистовъ. „Не потому, чтобы я раздѣлялъ всѣ взгляды той группы, которая собралась подъ этимъ знаменемъ. Но ходъ нашей своеобразной революціонной общественности привелъ къ тому, что органъ объединенныхъ соціалистовъ — *смѣлѣе и прямѣе другихъ стоялъ за право и возможную законность въ наше бурное время*, а также искалъ опоры въ видѣ самоуправленія". Въ томъ и другомъ Короленко видитъ „единственно надежные якори, на которыхъ еще можетъ укрѣпиться ладья нашей общественности, носящаяся по волѣ бурныхъ и непостоянныхъ грозъ... Газета, которая уже среди нелѣпостей большевизма, смѣло говорила о правѣ, требовала введенія законности, дѣлала,—по его словамъ,—какъ разъ то дѣло, которое теперь является наиболѣе живымъ и насущнымъ". Но для Короленко нѣтъ слѣпого поклоненія *всякому* праву. Со свойственной ему тонкостью ощущеній онъ и здѣсь оговаривается, что „всякое право заслуживаетъ вниманія только тогда, когда оно равно для всѣхъ. Иначе—это не право, а только привилегія"... („Вольная мысль" 1918 № 9.)

Въ связи съ глубоко развитымъ чувствомъ права, у Короленко замѣчается какое-то особое тяготѣніе, особая нѣжная любовь къ настоящему, хорошему суду. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не разъ останавливается на фигурахъ справедливыхъ, честныхъ судей. Было время, когда онъ радовался, что на судѣ, дольше, чѣмъ на всѣхъ учрежденіяхъ эпохи реформъ, „свѣтитъ отблескъ прогрессивной эпохи" (т. IX Полн. собр. соч. стр. 278). Но отблески быстро померкли. Когда возникъ институтъ земскихъ начальниковъ, когда настали времена Щегловитова, когда туманы реакціи стали заволакивать и верховно-судебное учрежденіе Сенатъ, —тогда онъ уже рѣзко, сурово говоритъ о томъ, что нуженъ на какой то другой судъ: „настоящій судъ, равный для всѣхъ, не взирающій ни на лица, ни на національности".

В. Г. самъ былъ прекраснымъ практическимъ работникомъ правосудія. Когдя онъ брался за какое-нибудь дѣло, то его правозаступничество тѣмъ было интересно и

5

плодотворно, что оно было въ высшей степени дѣйственно: —онъ вступалъ въ роль какъ бы общественнаго слѣдователя, объѣзжалъ тѣ мѣста, гдѣ происходили событія, допытывался, присматривался, разспрашивалъ. Такъ было по отношенію къ Мультанскому процессу, къ дѣлу Бейлиса, Сорочинской трагедіи, вопросу о голодѣ и т. д. Ему нужно было видѣть непосредственно потерпѣвшихъ, пострадавшихъ, обидчиковъ, подозрѣваемыхъ. Когда онъ всесторонне изучаетъ то или иное дѣло, онъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы перечитать массу матеріала, относящагося къ дѣлу, извлечь на свѣтъ Божій папскія буллы среднихъ вѣковъ; просиживать недѣлями въ Архивѣ Гос. Совѣта, чтобы полнѣе освѣтить вопросъ объ исторіи ритуальнаго навѣта въ Россіи, рыться въ нижегородскихъ архивахъ по исторіи гоненій на раскольниковъ и т. д.

Когда ему приходилось недѣлями просиживать на судѣ, онъ, какъ заправскій судебный дѣятель, вслушивается въ свидѣтельскія показанія, дѣлаетъ сопоставленія, записываетъ цифры, провѣряетъ ихъ по источникамъ и т. д. И среди этой полусудебной, полу-слѣдовательской работы, вы иногда замѣчаете штрихи совершенно неожиданные, но характерные для *общественнаго слѣдователя*, какимъ былъ Короленко. Такъ, въ его разсужденіяхъ и выводахъ чрезвычайно важное мѣсто отводится незамѣтнымъ для сторонняго глаза душевнымъ движеніямъ выступающимъ на судѣ лицъ: не даромъ онъ такъ внимательно, привычнымъ глазомъ бытописателя слѣдуетъ за выраженіемъ ихъ лицъ, настроеніемъ, поведеніемъ... Далѣе, для него имѣютъ свой особый вѣсъ—свидѣтельскія показанія, хотя бы не значащіяся ни въ какой формальной бумажкѣ, но исходящія отъ той части свидѣтелей, съ какими онъ имѣлъ случай бесѣдовать *помимо суда*. Ему важно также послушать, какъ отразилось и претворилось событіе въ той части населенія, гдѣ чувство—непосредственнѣе, языкъ проще и ярче, а часто и мысль яснѣе, т. е., среди *дѣтей*, чьимъ разсказамъ Короленко придавалъ особое значеніе. Такъ, въ дѣлѣ Бейлиса Короленко спрашивалъ дѣтей, жившихъ вокругъ усадьбы Зайцева, и крайне интересовался тѣмъ, какъ отзывались дѣти о Бейлисѣ, объ Андрюшѣ Ющинскомъ, о

Вѣрѣ Чеберякъ и другихъ герояхъ таинственной исторіи, и послѣ цѣлаго ряда частныхъ разспросовъ, для него, Короленко, обнаружилось съ полного ясностью, что дѣти *за* Бейлиса. Когда Короленко нужно было дать представленіе о томъ, что пережило еврейское населеніе во время Кишиневскаго погрома, то передъ читателемъ выдвигается образъ еврейской дѣвочки, у которой, послѣ погрома, глаза „*все* видѣвшіе“ стали глядѣть не по дѣтски. „Постоянный осадокъ въ видѣ какой то застывшей судороги въ лицѣ; голосъ, какъ бы придушенный. „Звуки рѣчи,“ говоритъ далѣе Короленко, „выходятъ у нея съ усиліемъ, какъ у автомата и, становясь рядомъ, образуютъ механически слова, не производящія впечатлѣнія живой рѣчи“. Почти рядомъ съ ней, выводится и другой образъ, *тоже дѣтскій* —того христіанскаго мальчика, который, желѣзной гирей, привязанной на веревку, выбилъ слѣпому на одинъ глазъ, Мейеру Вейсману, для симметріи и другой глазъ. „Не жутко ли подумать объ этомъ мальчикѣ?—не можетъ удержаться Короленко отъ комментарія къ этой картинѣ. Войти въ жизнь съ такимъ дѣломъ на совѣсти.., Какой ужасъ, если этотъ христіанскій мальчикъ потомъ пойметъ, что онъ сдѣлалъ! Если же не пойметъ, то онъ, дѣйствительно, жертва еще болѣе несчастная“...

Возстанавливая передъ читателемъ картины погромовъ, Короленко-слѣдователь особенно интересуется моментомъ, когда начинается загадочное наростаніе стихійнаго процесса, при которомъ „изъ подъ тонкаго налета христіанской культуры, прорываются вспышки животнаго звѣрства“. Воображеніе ясно рисуетъ писателю, какъ „среди безумнаго ада изъ грохота, звона, дикаго гоготанія, смѣха и воплей ужаса, въ громилахъ пробуждалась еще жажда крови. Они безчинствовали слишкомъ долго, чтобы остаться людьми“. Однимъ штрихомъ удается иногда Короленко обрисовать весь ужасъ этихъ минутъ. Въ предисловіи къ упомянутому уже выше сборнику рѣчей о погромахъ, В. Г. выхватываетъ изъ рѣчи по симферопольскому процессу одну частность: „среди убитыхъ, оскверненныхъ тѣлъ, лежали люди, притворившіеся мертвыми, и, среди нихъ, мальчикъ съ черными глазами, а въ толпѣ погромщиковъ, въ то же время,

были и русскіе мальчики“. Чуткому художнику достаточно этого сопоставленія, чтобы признать, на время, второстепеннымъ-и все остальное: задачу по изслѣдованію причинъ погромовъ, задачу по выясненію роли національнаго вопроса и т. д. Для него становится важной *одна задача*, которая „стоитъ передъ всѣми, кто не забылъ еще простыхъ и ясныхъ завѣтовъ любви и братства“. Необходимо — „*защитить, хотя-бы въ будущемъ*, и этого еврейскаго мальчика съ черными глазами, *защитить его отъ ужаса — лежать, притворяясь мертвымъ*, среди искромсанныхъ тѣлъ его близкихъ, и этихъ *русскихъ подростковъ отъ ужаса одичанія и озвѣренія*“. (Т. IX, с. 297).

Рѣзко осуждая громилъ и ихъ подстрекателей, Короленко дорожитъ каждымъ мелкимъ, случайнымъ, иногда нечаяннымъ проявленіемь человѣческаго чувства у каждаго изъ озвѣрѣвшихъ злодѣевъ, творящихъ насиліе. Характерно для В. Г., какъ онъ обрадовался, узнавъ въ Кишиневѣ, при обходѣ дома № 13, что одинъ изъ громилъ отпустилъ приказчика Берлацкаго, — отпустилъ, когда его объ этомъ просила дочь обреченнаго на смерть еврея. В. Г. многое готовъ простить ему „за то, что среди этой тьмы изступленнаго звѣрства, онъ допустилъ въ свою душу лучъ человѣческой жалости, что страхъ дочери — еврейки за жизнь еврея-отца, все-таки, проникъ въ его омраченную душу“. Заглядывая въ душу этого громилы, Короленко не исключаетъ возможности того, что это только „мгновенный порывъ“, но въ первую очередь (опять сказывается неизмѣнная вѣра въ лучшія побужденія!), Короленко, все-таки строитъ предположеніе: не ушелъ ли послѣ этого человѣкъ, устыженный и прозрѣвшій, внявъ голову Бога, который, какъ объ этомъ говорятъ всѣ религіи, проявляется въ любви и братсгвѣ, а не въ убійствѣ беззащитныхъ“.

Строго объективный, справедливый въ мелочахъ и, склонный скорѣе прощать, чѣмъ карать, Короленко, однако, по существу, понимаетъ *активные моменты защиты* и для него защищать угнетеннаго не значитъ становиться только въ позу просителя, идти на поклоненіе и пресмыканіе... Въ одномъ изъ самихъ раннихъ произведеній В. Г., въ „Сказаніи о Флорѣ“, онъ уже признаетъ, что дѣйствен-

ная любовь къ угнетеннымъ должна была довести до „ненависти къ угнетателямъ“. И дальше программа еще яснѣе: „сила руки — зло, когда она поднимается для грабежа и обиды слабѣйшаго; когда-же она поднята для труда и защиты ближняго — она добро“. „Насиліе питается покорностью, какъ огонь соломой, а гнѣвная честь родитъ въ насильникѣ воспоминаніе о пользѣ кротости“.

Становиться на защиту болѣе слабыхъ и угнетаемыхъ при всякихъ условіяхъ — осталось непреодолимою, душевною потребностью В. Г. Короленко до *самыхъ послѣднихъ дней.*

Когда, послѣ октябрскаго переворота, пошла тяжелая полоса переживаемаго безвременья, Короленко не могъ долго молчать. Событія застали его въ Полтавѣ, куда до него доходили вѣсти о попраніи всѣхъ свободъ, объ обезцѣненіи человѣческой жизни, человѣческой личности, о небывало тягостномъ положеніи, въ которомъ очутилась печать. Между прочимъ, одной изъ первыхъ жертвъ цензуры большевистскаго періода была статья самого Короленко, посвященная современнымъ событіямъ, въ которой онъ далъ, какъ онъ самъ выразился, волю своему гнѣву и негодованію. Потомъ, болѣзнь приковала его къ кровати и, на нѣсколько мѣсяцевъ, до извѣстной степени оторвала отъ общественной жизни. Но какъ только самочувствіе его стало поправляться, вѣчно юный Короленко снова всѣмъ интересуется, снова все переживаетъ. Одновременно въ городѣ распространились слухи о томъ, что самъ В. Г. находится въ опасности, что онъ внесенъ въ списокъ контръ-революціонеровъ, что съ нимъ кто-то желаетъ расправиться,—но все это не останавливало В. Г. Онъ не смущался этими слухами. Онъ не считалъ себя въ правѣ оставаться пассивнымъ зрителемъ всего совершавшагося кругомъ. Ближайшимъ поводомъ къ выступленію В. Г. послужилъ слѣдующій случай. Въ селѣ Мачихи вольное казачество встрѣтило большевистскій отрядъ пулеметами. Большевики (дѣло было въ срединѣ марта), организовали карательную экспедицію, взяли плѣнныхъ, и со всѣхъ сторонъ заговорили о предстоящемъ разстрѣлѣ или увозѣ ихъ неизвѣстно куда. Слухи эти проникли и въ Полтаву. За несчастныхъ рѣшили заступиться: Коро-

ленко ѣдетъ во главѣ городской делегаціи въ самое гнѣздо полтавскаго военнаго большевизма.

„Мы обратились—разсказываетъ В. Г.—къ человѣческому чувству этихъ простыхъ солдатъ, неожиданно ставшимъ „юристами“. „Люди—объяснилъ имъ В. Г. Короленко—защищали свое мѣстечко отъ предполагаемаго грабительскаго нападенія и, вдобавокъ, неизвѣстно, участвовали ли данныя лица активно въ этой борьбѣ. И ихъ повезутъ въ это смутное время въ качествѣ арестованныхъ. съ рискомъ, что быть можетъ, гдѣ то озлобленная толпа красноармейцевъ учинитъ надъ ними слѣпой, неразбирающій самосудъ“. Убѣдительная аргументація В. Г., да и обаяніе личности великаго писателя возымѣли свое дѣйствіе. Арестованные были отпущены. Самъ В. Г., однако, по своему объясняетъ достигнутый въ дѣлѣ результатъ. „Эти солдаты—суммируетъ онъ впечатлѣнія изъ своей бесѣды—оказались доступными простымъ человѣческимъ побужденіямъ“. Эти люди—отмѣчаетъ В. Г.—съ печалью и горемъ говорили о томъ, что къ партійнымъ цѣлямъ примѣшалось много искажающаго, темнаго, позорящаго. Сами они горячо стращали смертную казнь“.

Но прошло немного времени, и В. Г. пришлось, на столбцахъ полтавской же печати, принять на себя другую миссію. Будучи самъ убѣжденнымъ противникомъ большевизма, Короленко находитъ въ себѣ достаточно твердости и нравственной силы, чтобы *заступиться за тѣхъ же большевиковъ,* когда по отношенію къ нимъ стали совершать нѣчто безчеловѣчное и несправедливое. Этой же весной, при преслѣдованіи уходящихъ большевиковъ украинцы стали повторять дѣла былой гайдамачины, и въ полтавской думѣ было оглашено подробное описаніе жестокостей, творимыхъ ими, въ застѣнкахъ, надъ своими политическими врагами. И Короленко опять заговорилъ. Въ статьѣ озаглавленной „Грѣхъ и стыдъ“ („Свободная мысль“ 1918 № 24) онъ, прежде всего напоминаетъ объ новомъ лозунгѣ боевой нравственности „мужество въ бою и великодушіе къ побѣжденному противнику“. Ему обидно—говоритъ онъ,—что этотъ лозунгъ забытъ его сородичами; Короленко скорбитъ о томъ, что, одержавъ верхъ въ бою, въ перестрѣлкѣ съ

совѣтскими отрядами, украинцы *не съумѣли* одержать полную побѣду на другомъ полѣ битвы, *на томъ плацдармѣ, гдѣ человѣчность борется съ разнузданностью темныхъ звѣриныхъ инстинктовъ*". Въ статьѣ подробно описывается расправа украинцевъ со своими побѣжденными врагами,— и Короленко страстно возмущается этими утонченными жестокостями. Предвидя указаніе на то, что эти звѣрства являются естественнымъ послѣдствіемъ чувства мести за пережитое самими украинцами, Короленко протестуетъ противъ такого упрощеннаго извиненія, противъ самой попытки подобнаго оправданія насилій.

Статья В. Г. не осталась безъ отклика, и тотчасъ же по ея напечатаніи въ редакцію, на имя Короленко, поступило два письма отъ участниковъ этихъ событій. Авторъ одного изъ откликовъ, офицеръ-украинецъ, прислалъ письмо подъ заглавіемъ „Стыдно и намъ", въ которомъ онъ признаетъ „всю тяжесть и справедливость" выдвинутыхъ В. Г. обвиненій и въ заключеніе говоритъ: „съ краской стыда на лицахъ, мы обѣщаемъ приложить всѣ старанія, чтобы забылось то страшное, леденящее, что сдѣлало и насъ звѣрями, что Авеля въ насъ обратило въ грѣховнаго Каина". („Наша Мысль" 1918 г., № 10). Было однако и другое письмо, члена центральной рады Макаренко. Этотъ послѣдній пошелъ въ своихъ объясненіяхъ инымъ путемъ. Онъ упрекаетъ Короленко въ непослѣдовательности: „то г. Короленко громитъ большевиковъ за ихъ жестокость, то проповѣдуетъ идею братскаго всепрощенія". Далѣе, онъ намекаетъ на то, что Короленко скрывался, будто бы, на хуторахъ Яреськахъ, гдѣ его спасъ какой-то полковникъ, что онъ убѣгалъ отъ опасности изъ Полтавы и т. д. Конечно, эти неблаговидныя подозрѣнія и намеки оказались явно лживыми, — и не потребовалось большихъ усилій для того, чтобы все это опровергнуть. Какъ и всегда, въ такихъ случаяхъ, на сторонѣ Короленко была чистая правда, и онъ самъ только оставался вѣрнымъ себѣ, ни отъ кого скрываясь, нигдѣ не прячась, готовый съ одра болѣзни принять бой за то, что онъ считалъ справедливымъ, человѣчнымъ...

Въ дѣятельности Короленки, на стражѣ защиты обиженныхъ и угнетенныхъ, для него, въ качествѣ такихъ

угнетенныхъ, существовали не только отдѣльные люди, но и коллективы, организаціи, корпораціи.

Однимъ изъ такихъ коллективовъ, чьи обиды и униженія онъ чутко воспринималъ, была и *русская печатъ.* Въ разные періоды царскаго самовластія и цензурныхъ гоненій Короленко возвращался къ темѣ о чинимыхъ надъ прессою насиліяхъ. Особенно огорчался онъ за провинціальную печать, за участь провинціальныхъ корреспондентовъ. И вотъ теперь, когда на второй годъ революціи снова нѣтъ выхода и простора свободному вольному слову; когда бѣдствія печати *перешли всѣ предѣлы,* Короленко весь преисполненъ негодованія. Глубокою печалью вѣетъ отъ его статьи на эту тему въ той же полтавской газетѣ, тогда выходившей еще—по ироніи судьбы подъ названіемъ „Свободная мысль".

Самъ онъ не перестаетъ вѣрить въ силу печати. Ея стараніями должно быть закрѣплено въ общемъ сознаніи, что „голосъ жизни явно зоветъ отъ розни къ единенію: отъ того, что разлагаетъ, родитъ особность, вражду, войну всѣхъ противъ всѣхъ, анархію, къ тому что способно создавать *широкія объединенія*". „Свободная печать должна стоять за такія объединенія съ тѣмъ чтобы при всѣхъ отливахъ и приливахъ они проблемозировались па почвѣ обще-признанныхъ великихъ началъ свободы, гражд. доступность истиннаго равноправія въ предстоящей трудной творческой работы". (Наша Жизнь 15 Іюля 1918 г.).

Въ послѣднемъ изъ отдѣльно появившихся произведеній В. Г. Короленко,—въ книжкѣ: „Война, отечество и человѣчество" Короленко дѣлаетъ попытку заступиться еще одинъ обездоленный коллективъ, еще за одного униженнаго и оскорбленнаго—за *общую родину,* за самое *понятіе родины.* Въ простой, доступной формѣ онъ со всею убѣдительностью доказываетъ необходимость для каждаго гражданина отстивать свою родину, выясняетъ обязанность любить и оберегать и родную страну. „Насъ ждетъ—читаемъ мы въ этой книжкѣ, писанной Короленко въ августѣ прошлаго года;—потеря страною того руководящаго центра *объединяющей всенародной воли,* который придаетъ стройность и живое единство всѣмъ отдѣльнымъ стремленіямъ. Стоитъ ему исчезнуть окончательно, *стоитъ утвердиться гибельной мысли,*

что родина не нужна, что она не дѣло всего народа, а только какихъ нибудь классовъ, и жизнь всей страны *повернетъ назадъ.* Вмѣсто трудной и великой работы, творчества новой жизни начнется *простой распадъ.* Сначала на области, потомъ на сословія и классы по отдѣльнымъ, ничѣмъ не согласуемымъ интересамъ... За этимъ слѣдуетъ междуусобіе, а за нимъ простая разнузданность худшихъ инстинктовъ, открытый взаимный грабежъ и разбой. Въ концѣ этого страшнаго разложенія, этой болѣзни можетъ быть умираніе живого отечественнаго организма, возвращеніе къ сѣдому темному прошлому".

Не прошло и года. какъ сбылись самыя мрачныя изъ этихъ предсказаній. Вѣщія и правдивыя слова...

Пусть эти слова,—какъ и все, что выходило изъ - подъ пера Короленко, — западутъ въ душу читателей изъ широкихъ слоевъ народа, для которыхъ они главнымъ образомъ и предназначались. Пусть пойдутъ гулять по Руси эти книжки. Пусть онѣ, какъ и другія произведенія Короленко, будятъ ни только жалость къ отдѣльному „униженному и оскорбленному", не только справедливость къ отдѣльнымъ народамъ Россіи, сословіямъ и группамъ: — пусть онѣ будятъ здоровое чувство любви къ общей всѣмъ родинѣ, укрѣпляя готовность идти для нея, родины матери, обиженной и истерзанной, на всѣ жертвы...

Л. Брамсонъ.

Чему учитъ Короленко родителей и воспитателей*).

Мы знаемъ писателя-художника Короленко уже не одинъ десятокъ лѣтъ, высоко цѣнимъ его, какъ общественнаго дѣятеля и гражданина, въ высшемъ смыслѣ этого слова,— но въ наши дни къ В. Г. Короленко влечетъ еще другое, особое чувство. Вотъ, о немъ, то я и хочу сказать.

Душа наша измучена тѣмъ, что мы видимъ вокругъ себя, во множествѣ, людей раздраженныхъ, растерявшихся, по истинѣ, „бывшихъ“ людей, безнадежно потерявшихъ себя, людей, пассивно ждущихъ не то голодной смерти, не то возвращенія въ одинъ прекрасный день, невѣдомо какъ, прежняго обывательскаго благополучія и видимъ, рядомъ съ ними, людей преобразившихся, лихорадочно - дѣятельныхъ, увѣренно - властныхъ...... людей, оставшихся тѣмъ, чѣмъ они были, продолжающихъ дѣло своей жизни,—ихъ такъ мало, что они какъ бы теряются въ пестромъ множествѣ.

Есть, однако, черта, объединяющая этихъ пестро-различныхъ. Это то, что всѣ они—„непомнящіе“, непомнящіе себя въ прошломъ, живущіе только въ настоящемъ.

Непомнящіе! Но развѣ такое состояніе возможно въ жизни взрослыхъ людей, развѣ оно можетъ быть неподдѣльнымъ, искреннымъ? Приходится задуматься надъ этимъ вопросомъ и отвѣтить на него нерѣшительно, осторожно. Да, это возможно: одни, дѣйствительно, непомнящіе, другіе силятся привести себя въ это состояніе, считая его спасительнымъ для перенесенія тяготъ настоящаго, третьи чувствуютъ себя какъ бы преображенными историческимъ моментомъ, рожденными имъ — героями.

Жутко чувствовать себя въ такой средѣ, и смятенная душа силится крикнуть; „Есть ли гдѣ живъ человѣкъ? Отзовись!“

*) Рѣчь, произнесенная на собраніи 15 — 28 іюля 1918 г.

Непомнящіе, въ одинъ прекрасный день, проснулись атеистами, соціалистами, интернаціоналистами. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ искренности такого самочувствія и остановимъ свое вниманіе на вопросѣ объ его реальной возможности. Психологія отвѣтитъ намъ категорически-отрицательно на его. Обратимся и къ другому источнику, къ „человѣческимъ документамъ“, сообщеннымъ намъ писателями, художниками, къ созданнымъ ими художественнымъ образамъ. И тутъ, вспомнимъ, прежде всего, о Короленко, возьмемъ его „Исторію моего современника“. Она скажетъ намъ на протяженіи пятисотъ страницъ, скажетъ серіозно, убѣдительно и душу трогающими образами, какъ совершается духовный ростъ человѣка, каждаго человѣка. Пусть не смущаетъ насъ соображеніе, что центральной фигурой повѣствованія, по многимъ автобіографическимъ даннымъ, является выдающаяся индивидуальность — самъ Короленко. Онъ какъ бы предвидѣлъ это и говоритъ читателямъ на первой страницѣ книги: „Эти записки — не біографія... не исповѣдь, потому что я не вѣрю ни въ возможность, ни въ полезность публичной исповѣди, не портретъ, потому что трудно рисовать собственный портретъ съ ручательствомъ за сходство... Здѣсь читатель найдетъ только черты изъ „Исторіи моего современника“, человѣка, извѣстнаго мнѣ ближе всѣхъ остальныхъ людей моего времени... Здѣсь не будетъ ничего, что мнѣ ни встрѣчалось въ дѣйствительности, чего я не испыталъ, не чувствовалъ, не видѣлъ“.

Авторъ начинаетъ повѣсть съ переживаній ребенка 4-хъ лѣтняго возраста, потомъ юноши, потомъ взрослаго человѣка. Нѣтъ никакой возможности передать въ немногихъ словахъ о богатствѣ содержанія этого произведенія Короленко, этой исторіи. Не буду и пытаться этого дѣлать: скажу лишь о важномъ для жизни выводѣ, къ которому приводитъ читателей художникъ писатель. „Мнѣ хотѣлось“, говоритъ самъ авторъ, на первой страницѣ книги — „привлечь вниманіе читателей къ первымъ движеніямъ зарождающагося и ростущаго сознанія“. О томъ, какъ зарождается и ростетъ сознаніе въ каждомъ человѣкѣ, объ этомъ и говоритъ намъ эта замѣчательная книга. Какъ важно узнать объ этомъ, узнать и убѣдиться теперь, когда всюду

вокругъ насъ раздаются крики, носятся бредовые призраки, что историческій моментъ родитъ новыхъ людей-творцевъ новыхъ формъ жизни, родитъ героевъ. Моментъ родитъ! — какое роковое для переживающихъ такіе историческіе моменты заблужденіе!

А вотъ что говоритъ Короленко. Говоритъ онъ о длительности процесса роста мысли, понятій, чувствъ, процесса. совершающагося до извѣстной ступени внѣ предѣловъ сознанія, — въ тайникѣ подсознательнаго; свидѣтельствуетъ о томъ, какъ случайно дошедшія до слуха ребенка слова взрослыхъ падаютъ въ душу его сѣменами будущихъ его мыслей: разсказываетъ, какъ шестилѣтній ребенокъ сидѣлъ на крыльцѣ, глядѣлъ на небо и думалъ безъ словъ (воспоминаніе о дняхъ дѣтства самого автора); говоритъ о сильномъ впечатлѣніи отъ исторической драмы, видѣнной въ театрѣ, содержаніе которой было имъ плохо понято, и отъ которой, тѣмъ не менѣе, „загнѣздилось въ душѣ романтическое чувство прошлаго, первые проблески того, что принято обозначать словами національное самосознаніе“ (стр. 134). Объ этомъ важномъ вопросѣ современной жизни много сообщаетъ Короленко въ переживаніяхъ своего современника въ дѣтскіе и юношескіе годы. Самому Короленко, кровно связанному, по матери, съ народомъ польскимъ, по отцу, мѣсту рожденія и воспріятія первыхъ впечатлѣній бытія въ дѣтскіе и отроческіе годы—съ Украйной, по дальнѣйшему теченію жизни, съ молодыхъ лѣтъ вошедшему въ обще-русскую жизнь (до сибирской тайги, включительно), творящему свои произведенія на русскомъ литературномъ языкѣ, есть, что сказать, есть что доказать всѣми особенностями своей богато одаренной, поражающей цѣльностью индивидуальности.

Короленко есть, что сказать, а намъ, оказавшимся въ такомъ значительномъ числѣ во всѣхъ общественныхъ классахъ, лишенными національнаго чувства, чувства любви къ родинѣ, намъ есть, что послушать. Выраженіе „лишенными“ мы не должны, однако, употреблять, потому что лишенными этихъ чувствъ мы не родились, природа такихъ промаховъ не дѣлаетъ. Эти чувства атрофировали въ насъ условія рабской жизни. а многіе, въ на-

ши дни, признали эту утрату достиженіемъ, счастливымъ перерожденіемъ, даромъ революціонныхъ дней.

Въ брошюрѣ „Война, отечество и человѣчество“, Короленко говоритъ о любви къ отечеству, къ родинѣ: „это огромное, сильное чувство, потому что оно (сознательно или несознательно) лежитъ въ каждомъ человѣкѣ и, когда приходитъ время... сразу просыпается въ милліонахъ сердецъ. Съ первой струей родного воздуха, съ первымъ сіяніемъ родного неба, съ первыми звуками материнской пѣсни вливается оно въ душу, и загорается въ ней что-то готовое, извѣчное, сильное, что потомъ растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ организмомъ человѣка. Точно оживаютъ въ отдѣльной душѣ вѣковая борьба и страданія родного народа и съ ними и вѣковыя стремленія человѣчества къ единенію и братству“.

Высказываемыя Короленко на страницахъ названной выше брошюры мысли объ интернаціоналѣ и отечествѣ, объ отечествѣ и человѣчествѣ, приводимые авторомъ примѣры и факты, показываютъ, какъ широко захваченъ имъ вопросъ, выдвинутый текущей жизнью, міровой жизнью.

Основная мысль, имъ высказанная, та, что всѣ эти духовныя цѣнности отдѣльному человѣку даются, прежде всего, по наслѣдству отъ предковъ, кровь которыхъ говоритъ въ немъ, затѣмъ, въ теченіе всей его жизни, даются впечатлѣніями окружающаго, знаніями, работой зрѣлой мысли.

Итакъ, длительность, длительность процесса до позднихъ лѣтъ зрѣлости, и корни — въ родимомъ хаосѣ подсознательнаго.

Въ переживаемое нами время, время всякихъ возможностей и невозможностей, одной изъ важнѣйшихъ очередныхъ задачъ является строительство новой школы, единой всесословной школы. Задача трудная, такъ какъ школу надо создать согласно требованіямъ науки, пролившей такой яркій свѣтъ на особенности и требованія организма дѣтскаго и юношескаго, и согласно требованіямъ современной русской жизни, находящейся, въ данный моментъ, въ хаотическомъ состояніи. Серіозную трудность представляетъ и огражденіе новой школы отъ міазмовъ разлагающейся старой школы, еще, увы, не ставшей трупомъ, подлежащимъ,

по общему признанію, немедленному погребенію. Не такъ это въ жизни скоро дѣлается, и полна жизненной правды французская поговорка: le mort saisit le vif. Сколько еще бродитъ соллогубовскихъ Передоновыхъ и чеховскихъ человѣковъ въ футлярѣ. Забредутъ они и въ новую русскую школу. Слышу и слышала много разъ; но вѣдь „эти двѣ фигуры, типичныя для средней нашей школы, все же рѣдкіе экземпляры“.

Прочтите въ „Исторіи моего современника“ десятки увлекательно написанныхъ старницъ о жизни гимназической, отъ первыхъ классовъ гимназіи до выхода изъ нея, заключающихъ и галлерею образовъ педагоговъ. Развѣ они, эти педагоги Короленко, менѣе страшны для молодыхъ жизней, имъ ввѣряемыхъ, чѣмъ Передоновы? Да что ужъ пересчитывать однихъ педагоговъ: присоединимъ къ нимъ и родителей! Немногими строками и не на многихъ страницахъ своей „Исторіи“ говоритъ Короленко объ отцѣ своего героя, но это одинъ изъ самихъ сильныхъ образовъ, имъ воспроизведенныхъ. Кто изъ читателей не почувствуетъ всего жизненнаго значенія того базиса, на которомъ построены отношенія между сыномъ и отцомъ? Какъ будто и рѣдко говорилъ отецъ съ сыномъ о важнѣйшихъ вопросахъ жизни, но это р ѣ д к о е было одухотворено такою искренностью, представляло такую органическую цѣлостность съ поступками отца и цѣлью его жизни, что, ребенкомъ-гимназистомъ, сынъ понялъ отца, зналъ, во что онъ вѣритъ, чему служитъ.

Какъ понятно и естественно чувство юноши-сына у постели умирающаго отца, выраженное слѣдующими немногими словами: „Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь выразить ему, какъ глубоко я люблю его з а в с ю е г о ж и з н ь...“ Много ли сыновей могутъ сказать то же своимъ отцамъ? Много ли? Страшно, сказать какъ мало! И не потому, что отцы были плохими людьми, не любившими дѣтей, а потому — въ этомъ и трагизмъ положенія —, что дѣти, въ подавляющемъ большинствѣ семействъ современнаго общества н е з н а ю т ъ ж и з н и о т ц о в ъ с в о и х ъ. Это больное мѣсто въ отношеніяхъ поколѣній родителей и дѣтей. При дѣтяхъ и дѣтямъ говорятъ многое, даже гораздо больше, чѣмъ говорилось раньше, но дѣти чувствуютъ (и они совер-

шенно правы), что это говорится для нихъ, что есть недоговоренное, и что оно-то и есть настоящее въ жизни отца. Вдумаемся, вглядимся въ наши отношенія взрослыхъ къ дѣтямъ всѣхъ возрастовъ, и мы почувствуемъ, какъ мы чужды другъ другу, несмотря на реальную, бытовую близость, въ семьѣ, въ школѣ, въ жизни вообще. Душа человѣка въ дѣтскіе, отроческіе и юношескіе годы для всѣхъ насъ взрослыхъ, за малыми исключеніями — книга за семью печатями, — тайна, безпокоющая насъ, тайна... Всѣ мы чувствуемъ безпокойство отъ близости къ ней, чувствуемъ зависимость отъ нея, потому что дѣти, свои или чужія, вокругъ насъ, взрослыхъ, непрестанно, неизмѣнно...

Чувствуемъ и, малодушно, боясь серіозности задачи и работы надъ самимъ собой, жмемся, уходимъ въ себя. Въ то же время, мы пытаемся реагировать на это безпокоющее насъ сосѣдство, выступаемъ во всеоружіи умудреннаго жизненнымъ опытомъ и знаніями взрослаго человѣка, но безпокойный противникъ не смиряется и не сдается. Будемте откровенны съ самими собой, признаемся, что въ этомъ единоборствѣ, мы, взрослые, не чувствуемъ себя побѣдителями ни въ школѣ, ни въ семьѣ. Почему? Развѣ сила, власть не на нашей сторонѣ? Сила — да, но какая сила?... А право, сила жизни — у нихъ, за ними. И вотъ, объ этомъ говорилъ и говоритъ намъ Короленко. Въ своихъ художественныхъ образахъ дѣтей, въ разсказахъ, „Въ дурномъ обществѣ“, „Ночью“, „Парадоксъ“, „Слѣпой музыкантъ“, „Исторія моего современника“, (въ особенности: въ послѣднемъ произведеніи), Короленко нѣжной, но властной рукой снимаетъ одну за другой печати съ таинственной книги, какою, до сихъ поръ, остается для взрослаго человѣка всѣхъ, даже наиболѣе культурныхъ странъ, дѣтская и отроческая душа. Вотъ, объ этой части его учительства жизни вспомнимъ сегодня съ особенной благодарностью, отнесемся къ написанному Короленко о дѣтяхъ съ особеннымъ вниманіемъ въ переживаемые нами грозные дни, когда буря, бушующая надъ всей поверхностью міровой жизни, засыпаетъ души дѣтей и юношей самыми различными сѣменами. Защитимъ ихъ отъ этой бури разум-

ной заботой и свѣтомъ правды жизни, о которой такъ много и убѣдительно говоритъ намъ, взрослымъ, Короленко. Неужели же мы, взрослые, для этого великаго дѣла современной жизни,—совершенно, безнадежно не годны?!!!

А. Калмыкова.

В. Г. Короленко и III Отдѣленіе.

(1876—1881 г.)

В. Г. Короленко рано обратилъ на себя и привлекъ къ себѣ вниманія III Отдѣленія. Первый моментъ его знакомства съ этимъ учрежденіемъ не имѣлъ, правда, широкаго общественнаго значенія, носилъ болѣе частный характеръ обычнаго права учебныхъ заведеній, но въ глухую пору общественнаго усыпленія и онъ получаетъ вѣсъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1876 года студенты Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи подали начальству прошеніе, въ которомъ они заявили о необходимости учтиваго съ ними обращенія, о выдачѣ имъ на руки столовыхъ денегъ и т. п. „семейныхъ" дѣлахъ, очень знакомыхъ всѣмъ жившимъ въ казенныхъ общежитіяхъ, включительно до отмѣны запрещенія женщинамъ входить въ камеры студентовъ.

Въ этомъ было усмотрѣно преступное дѣйствіе. Начальство всполошилось. Генералъ Слезкинъ донесъ обо всемъ въ Петербургъ въ III Отдѣленіе, отмѣтивъ, что прошеніе подписано 79 студентами, первыя подписи даны Вас. Григорьевымъ и Влад. Короленко. Была дана и справка о Короленко:

„Вл. Короленко — сынъ Надворнаго Совѣтника, окончилъ курсъ Ровенской реальной гимназіи; въ Академіи съ 1874 года. Стипендіатъ лѣсного вѣдомства." (Донесеніе отъ 15. III. 76 г.)

Дѣло нѣсколько разгорѣлось. Подано было другое подобное же заявленіе съ 12 подписями, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояло имя Конст. Вернера. Это усилило миражъ безпорядковъ, и когда — 18. III. 76. — пришло предписаніе изъ Питера дать о Короленко болѣе подробныя свѣдѣнія, то уже пришлось сообщать III Отдѣленію, что

„для водворенія спокойствія и порядка въ Петровской Академіи признается необходимымъ выслать изъ Москвы административнымъ порядкомъ студентовъ Вас. Григорьева, Конст. Вернера и Владим. Короленко“ (20. III. 76).

Но на запросъ о подробныхъ свѣдѣніяхъ о Короленко Слезкинъ всеже отвѣтилъ (22. III):

„Влад. Короленко—сынъ Надв. Сов., уроженецъ Волынской губ., поступилъ 1 февраля 1874 года и находится на 3 курсѣ Лѣсного отдѣленія.“

Касаясь же политической стороны дѣла, Слезкинъ говоритъ:

„Оба они (Григорьевъ и Короленко) направленія весьма либеральнаго и въ политическомъ отношеніи неблагонадежны; въ средѣ близкихъ своихъ товарищей, высказывая вредныя, противоправительственныя идеи, Григорьевъ—съ особой энергіей, а Короленко — болѣе умѣренно, подстрекаемый между прочимъ, большею частью, Григорьевымъ, старались вселить въ нихъ стремленіе къ веденію соціальной пропаганды при всякомъ удобномъ случаѣ.“

Укрѣпило въ сознаніи необходимости высылки и то обстоятельство, что всѣ подписавшіе заявленіе, кромѣ Григорьева, Вернера и Короленко, 22|3 отказались отъ своихъ подписей, и 24|3 Короленко, какъ и двое его товарищей, были исключены изъ Академіи и высланы въ Вологодскую губернію.

Намъ можетъ показать я жестокой такая расправа по дѣлу внутренняго распорядка уч. заведенія, но въ то время, когда за одно знакомство съ революціонерами ссылали въ Сибирь, — это было сравнительно легкой мѣрой.

Въ Вологодской губ. Короленко былъ недолго. Уже 29|3 за него начинаетъ хлопотать Министръ Госуд. Имуществъ, чтобы Короленко отправили на родину „по слабости здоровья, по молодости и меньшей его виновности“.

Хлопоты ли министра, сознанье ли что, дѣйствительно, мира пресѣченія была слишкомъ сильна, что отчасти выразилось и въ томъ обстоятельствѣ, что студенты (двое) Академіи отправились даже въ Вологду на свиданіе съ Короленко (свѣдѣніе изъ 31. III.), но въ дѣлѣ находимъ сначала карандашную запись: „Короленко предназначенъ въ другую губернію, но куда?“ —

И дальнѣйшее теченіе дѣла показываетъ желаніе загладить крутой характеръ мѣры. Короленко былъ запрошенъ, куда онъ желаетъ быть отправленнымъ, и согласно его желанію былъ переведенъ (7 IV) изъ Вологды къ матери въ Кронштадтъ, гдѣ за нимъ учрежденъ гласный строгій надзоръ.

Вскорѣ и непріятное, связанное съ цѣлымъ рядомъ матеріальныхъ неудобствъ, положеніе поднадзорнаго было съ Короленко снято. Уже 2. V. Короленко ходатайствуетъ о снятіи надзора, представляя свидѣтельство Кронштадтскаго Военнаго Губернатора о „хорошемъ поведеніи и отсутствіи предосудительныхъ поступковъ“.

Ходатайство Короленко удовлетворяется и 10-V Короленко освобожденъ отъ надзора и ему разрѣшено жить повсемѣстно. (*1876 г. Дѣло № 132. — «О безпорядкахъ студентовъ Петровской Землѣдѣльч. и Лѣсной Академіи»).*

Болѣе или менѣе спокойно прошли 1877 и 1878 годы. Правда, въ 1878 году рикошетомъ задѣли Короленко по дѣлу Соколова и Гетманова. Но это ограничилось лишь справками объ отношеніи В. Г. къ Соколову. Такъ справка отъ 24-III говоритъ, что «Короленко доставилъ Соколову мѣсто корректора въ типографіи Демакова».

Кстати тутъ-же отмѣчено, что „Короленко — студентъ Горнаго Института, уже судился по дѣлу пропаганды“.

Что это былъ за судъ, — видно изъ предыдущаго. Очевидно, понятіе „суда“ для III Отдѣленія было болѣе растяжимо, чѣмъ для юристовъ, да и терминъ „пропоганда“, квалифицирующій преступленіе Короленко не совсѣмъ точно передаетъ сущность дѣла 1876 года.

Въ дѣлѣ Соколова мы находимъ только справки: отъ 2-IV агентурное свѣдѣніе: „Соколовъ уѣхалъ подъ именемъ Короленко“.

Отъ 13-IV — списокъ знакомыхъ Соколова:

«Короленко Влад. — студентъ Горнаго Института. Короленко Илларіонъ — сынъ Надворнаго Совѣтника. Короленко Евва Осиповна — вдова Надв. Совѣтника. — Всѣ трое живутъ съ 16-III, 78, Моск. части, 4 уч., д. № 6, по Броницкой ул., прибыли изъ Кронштадта».

Эта чисто внѣшняя справка по домовой книгѣ. Но, очевидно, III Отд. слѣдило за Короленко. На справкѣ каран-

дашемъ сдѣлана полемическая отмѣтка, какъ было въ обычаѣ дѣлопроизводства III Отд:.

«Неправда, жили гдѣ-то на Фонтанкѣ».

Но по этому дѣлу Короленко не безпокоили. Его внесли только въ бухгалтерскую часть жизненной книги Короленко. *(1878 г. № 179. — «О производствѣ дознанія по обвиненію крестьянъ Петра Соколова и Александра Гетманова въ Государственномъ преступленіи).*

Но было въ 1878 году другое дѣло. Въ августѣ мѣсяцѣ былъ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцовъ. Происшествіе это заставило полицію произвести смотръ всѣмъ революціонерамъ. Кто только былъ въ чемъ замѣшанъ, подвергался обыску, аресту, чтобы найти слѣды убійцъ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ слѣдовъ привлеченія Короленко. Но позднѣйшая справка вскрываетъ нѣкоторыя обстоятельства, связанныя съ именемъ Короленко.

Все предшествующее не было забыто, тѣмъ болѣе что дѣло Гетманова и Соколова было еще свѣжо. И при повальныхъ обыскахъ по поводу убійства шефа не прошли мимо В. Г.

Справка, данная въ маѣ мѣсяцѣ 1880 года говоритъ:

„По дѣлу объ убійствѣ шефа жандармовъ Генералъ-Адъютанта Мезенцова Владиміръ Короленко и его братъ Илларіонъ были обысканы и арестованы, при чемъ у нихъ отобраны одинъ экземпляръ „Летучаго Листка“, но на другой день освобождены, такъ какъ ничего болѣе не найдено“.

Эта же справка въ дальнѣйшемъ касается знакомствъ Короленко:

«Съ Короленко былъ знакомъ Долининъ, имѣвшій самое близкое сношеніе съ тайной типографіей, бывшій сотрудникомъ и корректоромъ революціонной газеты «Начало».

Свѣдѣнія о знакомствѣ съ Долининымъ, можетъ быть, помимо общаго вниманія къ Короленкѣ, оказали вліяніе на событія слѣдующаго года, когда Короленкѣ пришлось пережить много очень тяжелыхъ дней и мѣсяцевъ.

1879 годъ принесъ Короленко и всей семьѣ рядъ тяжелыхъ переживаній.

Этотъ тяжелый годъ — годъ и матеріальныхъ, и моральныхъ проваловъ — въ самомъ началѣ ударилъ по Короленко. Въ связи съ раскрытой дѣятельностью типографіи

у Короленко 28. II былъ произведенъ безрезультатный обыскъ. За квартирой началась слѣжка при помощи дворника. Такъ, 4. III принесенное посыльнымъ письмо къ Короленко дворникомъ было вмѣстѣ съ посыльнымъ отправлено въ 1 уч. Ал.-Нев. части. Это было въ 8 ч. веч., а ночью вся семья Короленко, послѣ вторичнаго безрезультатнаго обыска, была арестована, при чемъ была сдѣлана справка о жизни ихъ за промежутокъ двухъ обысковъ.

Справка 7. III указываетъ, что

«Братья Короленко, зять ихъ Лошкаревъ, а также проживавшій въ ихъ квартирѣ Туцевичъ, со времени перваго у нихъ обыска до ихъ заарестованія, изъ столицы никуда не отлучались».

Выяснялось также, какое впечатлѣніе произвелъ арестъ Короленко. Это было важно, ибо при обыскахъ ничего не было найдено. Необходимо такъ или иначе оправдать дѣйствія. И 8. III дана была очень характерная справка:

«Послѣ заарестованія бр. Короленко и зятя ихъ Лошкарева, знающіе ихъ радикалы, весьма сожалѣя объ ихъ арестѣ, говорятъ, о нихъ какъ о людяхъ дѣла, на все готовыхъ и способныхъ дѣятеляхъ».

Агентъ, кромѣ справки о Короленко, въ связи со слухами среди „радикаловъ“ далъ и еще одну справку, къ Короленко, вѣроятно, и неимѣющую отношенія:

„Кромѣ того — продолжаетъ Агентъ, — упорно держится слухъ, что правительство приглашаетъ одного изъ знаменитыхъ сыщиковъ для Петербурга и что соціалисты, узнавъ объ этомъ, послали тому сыщику предостерегательное письмо“.

Небольшая замѣтка агента, приведенная тотчасъ послѣ сообщенія о Короленко сыграла, какъ увидимъ, большую роль.

У Короленко ничего не было найдено, не было поводовъ привлеченія его, но его держали, оставляя всѣхъ арестованныхъ въ полномъ невѣденіи.

Это вынудило В. Г. 24. III подать на имя шефа жандармовъ заявленіе:

Его Высокопревосходительству, Господину
Шефу жандармовъ.

Содержащагося при полицейскомъ домѣ Спасской части
дворянина Владимира Короленко.

Прошеніе.

Честь имѣю обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства на нижеслѣдующія обстоятельства. 28|II настоящаго года у меня въ квартирѣ (Невскій пр. д. 134, кв. 21), гдѣ я жилъ съ семействомъ, былъ произведенъ обыскъ полиціей, хотя я не зналъ за собой ничего, что могло бы вызвать эту мѣру, которая при сопровождающихъ ее обстоятельствахъ (моя замужная сестра не оправилась еще отъ родовъ) была для маня особенно серьезна, но такъ какъ ничего противузаконнаго у меня найдено не было, то я считалъ себя впередь обезпеченнымъ отъ подобныхъ случайностей, тѣмъ не менѣе, черезъ недѣлю, 4-го марта ночью, какъ свидѣтельствуетъ протоколъ, по самому тщательному обыску, опять ничего противузаконнаго найдено не было, однако я, два мои брата, зять и двоюродный братъ, т-е. вся рабочая сила семейства были арестованы, и такимъ образомъ мать и двѣ сестры, изъ которыхъ, какъ я уже сказалъ, одна не вполнѣ еще оправилась отъ родовъ, остались однѣ, и, притомъ, такъ какъ единственный источникъ существованія нашего семейства были работы (которыя теперь частью потеряны, вслѣдствіе нашего ареста, или будутъ потеряны въ самомъ скоромъ времени), по этому онѣ остались безъ средствъ.

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, которыя я сообщилъ тогда же производившимъ обыскъ и арестъ г. жандармамъ, я могъ надѣяться, что эта мѣра будетъ принята со всей требуемой этими обстоятельствами осмотрительностью, только взлѣдствіе крайней необходимости, и что мнѣ дана будетъ возможность разсѣять породившее ее недоразумѣніе (я не могу иначе назвать причины нашего ареста) въ самомъ непродолжительномъ времени, пока наши семейныя дѣла не разстроятся окончательно.

Между тѣмъ вотъ уже четвертая недѣля, какъ я арестованъ, а я не знаю даже причины моего ареста. Если

не ошибаюсь, послѣднее обстоятельство составляетъ прямое нарушеніе моего законнаго права, какъ арестованнаго, которому, по закону, до истеченія трехъ дней со времени ареста, должна быть сообщена причина ареста. Я считаю это важнымъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, это гарантируетъ за арестованнымъ увѣренность, что онъ арестованъ не по смутнымъ, неосновательнымъ и неяснымъ подозрѣніямъ, а тогда уже, когда его отношеніе къ извѣстному преступленію установлено точно по предварительному разслѣдованію до ареста; во 2-хъ, если бы мнѣ была сообщена причина ареста, то я не находился бы, какъ теперь, такъ сказать, въ потьмахъ относительно своего дѣла и, можетъ быть, могъ бы сдѣлать такія заявленія, которыя бы разсѣяли всякое сомнѣніе о моей невинности. Но повторяю, это сдѣлано не было, такъ какъ предъявленное мнѣ постановленіе о моемъ арестѣ, въ которомъ сказано, что я задержанъ „на основаніи имѣющихся свѣдѣній", никакъ нельзя считать сообщеніемъ причинъ, а только заявленіемъ, что такія причины существуютъ.

Далѣе, во время произведеннаго мнѣ одного допроса причина моего задержанія опять таки совершенно не выяснялась, такъ какъ мнѣ было предложено только нѣсколько совершенно незначительныхъ формальныхъ вопросовъ (гдѣ я родился, учился и т. д.) и сверхъ того предъявленъ конвертъ на имя Г-на Шефа жандармовъ, почеркъ котораго, даже при поверхностномъ взглядѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ моимъ. Если этимъ и исчерпываются обстоятельства, вызвавшія такія серьезныя мѣры, какъ аресть всѣхъ мужчинъ семейства, влекущій разстройство всѣхъ семейныхъ интересовъ, то мнѣ остается только удивляться, что людей семейныхъ и запятыхъ можно отрывать отъ занятій по такимъ ничтожнымъ поводамъ. Если же есть какія-нибудь обстоятельства, болѣе оправдывающія эту серьезную мѣру, то надѣюсь, Ваше Высокопревосходительство, согласитесь, что все вышеизложеоное даетъ мнѣ право расчитывать на всю возможную поспѣшпость въ нашемъ дѣлѣ со стороны производящихъ разслѣдованіе властей. Позволю себѣ повторить, что дальнѣйшее продолженіе нашего ареста грозитъ отнятіемъ и послѣднихъ работъ, которыхъ еще

покаместъ мы не лишились, и такимъ образомъ окончательно разстроитъ наши обстоятельства такъ, что, когда наконецъ мы будемъ отпущены, то очутимся въ положенiи весьма непрiятномъ.

Позволю себѣ прибавить, что сколько я не думалъ объ этомъ, во время моего заключенiя, я не могъ рѣшительно вспомнить ничего, что могло бы дать хоть какой-нибудь поводъ считать насъ серьезно замѣшанными въ какiя-либо дѣйствiя, которыя бы оправдали принятыя противъ насъ мѣры.

Дворянинъ Владимиръ Короленко.

24 марта 1879 г.

Надежда Короленко относительно освобожденiя не оправдалась. Отношенiемъ отъ 28. III Короленко былъ переданъ въ распоряженiе СП-бургскаго Градоначальника: это единственный результатъ прошенiя. Этимъ опредилилась и дальнѣйшая судьба. Долго пришлось дожидаться рѣшенiя. Только уже 8. V СП-бургскiй Временный Генералъ-Губернаторъ сообщилъ III. Отдѣленiю:

„СП-бурскiй Градоначальникъ довелъ до моего свѣдѣнiя, что проживающiе въ С-Петербургѣ отставной штабсъ-капитанъ Владимиръ Лесевичъ, студентъ Военно-Медиц. Академiи Николай Лошкаревъ, дворяне Илларiонъ, Владимиръ и Юлiанъ Короленки........ находились въ сообществѣ съ главными революцiонными дѣятелями и принимали участiе по печатанiю и распространенiю революцiонныхъ изданiй вольной типографiи. Несмотря на указанiя, сообщенныя III Отдѣленiемъ.... и свѣдѣнiя, имѣющiяся у Градоначальника, основанныя на тщательной провѣркѣ дѣйствiй и отношенiй названныхъ лицъ, они, по неимѣнiю юродическихъ данныхъ къ обвиненiю, не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности по суду, но даже и къ дознанiю производимому объ ихъ главныхъ сообщникахъ, такъ какъ при изворотливости своей успѣли скрыть слѣды своихъ преступныхъ дѣйствiй.

Кромѣ сего, о нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются еще слѣдующiя указанiя... О братьяхъ Юл., Ил., и Влад. Короленкахъ сообщены свѣдѣнiя, что они совѣщались между

собою убить одного изъ секретныхъ агентовъ, но злодѣйство свое не успѣли привести въ исполненіе, такъ какъ объ этомъ получены были благовременныя свѣдѣнія, и агентъ отъ грозившей ему опасности охраненъ...

Въ виду изложенныхъ свѣдѣній, признавая необходимымъ удаленіе изъ столицы всѣхъ поименованныхъ лицъ, какъ крайнѣ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи и вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія, я на основаніи предоставленной мнѣ власти опредѣлилъ".

Короленки были высланы въ Архангельскую губернію Лесевичъ — въ Восточную Сибирь. Послѣднее вызвало недоумѣніе въ Отдѣленіи. Полемическая карандашная замѣтка на поляхъ гласитъ:

„Не ожидалъ, что такъ круто поступятъ съ Лесевичемъ. Мнѣ про него говорили, что это человѣкъ исключительно занятый философіей. За него ходатайствовалъ Г. А. Драгомировъ".

Но это — вводное замѣчаніе, характерное для III Отдѣленія. Что-же касается Короленко, то документъ Военнаго Губернатора вскрываетъ всю нищету обвинительнаго акта, какъ предполагалъ и Короленко въ своемъ прошеніи. Съ другой стороны этотъ документъ вскрываетъ пріемы обвиненій. Раньше было приведено сообщеніе агента о Короленко и сообщеніе его же о продостерегающемъ письмѣ выписаному правительствомъ агенту. У Градоначальника все это получило определенное соотношеніе, какъ актъ уже замышлявшійся Короленко. При такихъ фактахъ конечно, при допросахъ, какъ пишетъ и Короленко, не могли задавать чего либо иного, какъ только, гдѣ родился, учился, ибо характерно признаніе Губернатора, что Короленко, не можетъ быть привлеченъ къ слѣдствію за неимѣніемъ юридическихъ данныхъ. Но это не остановило. Само III Отдѣленіе не рѣшилось предпринять чего-либо и передало градоначальнику, а уже здѣсь поступили по-губернаторски.

Но въ Архангельскую губернію Короленко ѣхать не пришлось. Мѣра пресѣченія, какъ и въ отношеніи Лесевича, была можетъ быть признана черезчуръ крайней и 3 VI мы видимъ въ вѣдомости о высланныхъ изъ С-Пбурга подъ надзоръ

полиціи въ Вятскую губ. дворянъ Илларіона и Владимира Короленко съ указаніемъ, что они

„высланы подъ надзоръ полиціи, какъ оказавшіеся въ числѣ прочихъ несомнѣнно виновными въ сообществѣ съ главными революціонными дѣятелями, а равно въ участіи по печатанію и распространенію революціонныхъ изданій вольной типографіи, по распораженію С-П. Врем. Ген. Губернатора, изложенному въ отношеніи С-П. Градоначальника отъ 10 V. 79 за №6754.“

Вятскій Губернаторъ сообщаетъ, что съ 3. V учрежденъ за Короленко надзоръ.

Въ Вятской губерніи Короленко пробылъ до 1880 года. Въ 1880 году ему пришлось перемѣнить мѣсто жительства, конечно, не по своему желанію.

Изъ дальнѣйшихъ документовъ-особенно изъ объясненіи самого Короленки, — видно, что на новомъ мѣстѣ — въ Вятской губ. — надзоръ былъ добросовѣстный. Были, очевидно, и недоразумѣнія на этой почвѣ, что привело къ дальнѣйшему.

Въ началѣ 1880 года о Короленко Вятскій Губернаторъ уже доносилъ (5. I. 80), что Короленко

„сдѣлалъ нынѣ самовольную отлучку изъ назначеннаго ему мѣста жительства, въ селеніе Бисерово, отстоящее отъ селенія, въ которомъ поселенъ Короленко, въ 39 верстахъ“.

Это фактъ, а дальше уже идутъ соображенія, по характеру изобличающія назрѣвшую въ душѣ Губернатора злобу на ссыльнаго:

„Въ виду того, что ссыльный Влад. Короленко при подобныхъ самовольныхъ отлучкахъ легко можетъ сдѣлать побѣгъ и что вообще всѣ его дѣйствія во время состоянія подъ надзоромъ полиціи выражаютъ стремленіе къ неисполненію правительственныхъ о немъ распоряженій, Вят. Губ. испрашиваетъ разрѣшеніе о высылкѣ Короленко за побѣгъ въ Восточную Сибирь.“

III Отдѣленіе „не встрѣтило препятствій“ (9. I) къ исполненію желанія Вятскаго Губернатора, и Короленко 15. былъ помѣщенъ „въ Вышневолоцкую тюрьму для содержанія впредь до отправленія по назначенію“.

Сколько времени былъ Короленко въ Вышневолоцкой тюрьмѣ и дожидался отправленія, сказать трудно. Статейный

списокъ, по которому Короленко долженъ былъ слѣдовать, былъ составленъ 14.VI. Онъ гласитъ:

„Г. Мин. Внутр. Дѣлъ по соглашеаію съ Главнымъ Начальникомъ III Отдѣленія (предпис. отм. 15. I. 80) за побѣгъ изъ предназначеннаго ему, Короленко, мѣста жительства подъ надзоромъ полиціи въ Глазовскомъ уѣздѣ назначенъ къ высылкѣ въ Восточную Сибирь на основаніи Высоч. повелѣнія".

Подъ строгимъ надзоромъ, заклейменный попыткой къ бѣгству съ мѣста ссылки, какъ Короленко отрекомендовалъ Вятскій Губернаторъ, Короленко отправился путешествовать въ Восточную Сибирь послѣ пятимѣсячнаго сидѣнія въ Вышнемъ Волочкѣ.

Но во время пребыванія въ Вышнемъ Волочкѣ одно обстоятельство измѣнило дальнѣйшую судьбу Короленко. По распоряженію Главн. Нач. Верх. Распоряд. Комиссіи въ Вышній Волочекъ былъ посланъ кн. Имеретинскій для опроса административно-ссылаемыхъ. Въ началѣ существованія Верх. Распоряд. Комиссіи ея начальникъ — Лорисъ-Меликовъ ежемѣсячно требовалъ свѣдѣній о всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ по дѣламъ политическимъ. И на почвѣ, можетъ быть, обслѣдованія этого матеріала возникла поѣздка кн. Имеретинскаго. Что могъ узнать и что узналъ князь, отчасти можно видѣть изъ дальнѣйшаго заявленія Короленко.

Результатъ же для самого Короленко, который даже не зналъ о причинѣ своего заключенія въ Вышнемъ Волочкѣ, былъ тотъ, что отправленный въ Сибирь, онъ изъ Томска былъ возвращенъ и водворенъ распоряжрніемъ отъ 8. VIII въ Пермскую губ., куда прибылъ въ септябрѣ мѣсяцѣ.

Первоначально этотъ переводъ носилъ, очевидно, временный характеръ. Пермскій Губернаторъ на основаніи просьбы Короленко писалъ 9. X. 80 Министру Вн. Дѣлъ:

„Изъ сосланныхъ въ настоящемъ году въ Пермскую губ. политическихъ ссыльныхъ... дворянинъ Влад. Короленко для ближайшаго ознакомленія... оставленъ былъ временно подъ надзоромъ полиціи въ г. Перми, гдѣ и находится нынѣ, ведя себя безукоризненно".

На этомъ основаніи Губернаторъ просилъ оставить Короленко „согласно просьбѣ" и дальше въ Перми.

Внѣшніе факты не даютъ полноты картины жизни писателя. Они только подчасъ вскрываютъ подоплеку тѣхъ отношеній, какіе устанавливались у писателя съ администраціей края, вскрываютъ эти и тѣ основанія, которыя послужили для регламентаціи дѣйствій.

Только отдѣльные моменты, когда самъ писатель выступаетъ не только, какъ объектъ полицейскаго воздѣйствія, а какъ человѣкъ,—только эти моменты и могутъ углубить картину жизни. Такой моментъ былъ, когда Короленко сидѣлъ въ 1819 г. подъ арестомъ въ домѣ предварительнаго заключенія. Такой моментъ наступилъ въ серединѣ 1881 г.

23 іюня Пермскій Губернаторъ доносилъ Департаменту Государственной Полиціи:

„Одинъ изъ политическихъ ссыльныхъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи въ г. Перми, а именно дворянинъ Влад. Короленко, когда ему предложено было, въ числѣ прочихъ лицъ, принять присягу на вѣрность подданства воцарившемуся императору и законному его наслѣднику,—отказался принять таковую въ установленной закономъ формѣ, каковой отказъ свой онъ изложилъ въ поданномъ мнѣ нынѣ письменномъ заявленіи“.

Давая справку о Короленко, Губернаторъ перечисляетъ всѣ тѣ мѣста, куда высылался Короленко и какъ онъ попалъ въ Пермь.

„Преступленіе“ было по тому времени очень серьезное. Но отношеніе мѣстной администраціи, можно сказать, было терпимое. Вятскій Губернаторъ за простую отлучку ходатайствовалъ о высылкѣ въ Восточную Сибирь, рисовалъ страхи, что Короленко убѣжитъ. Совершенно другой характеръ носитъ донесеніе Пермскаго Губернатора, лишь передающее факты безъ ихъ оцѣнки и даже заканчивающееся слѣдующей аттестаціей:

„За все время проживанія его (Короленко) здѣсь (въ Перми), кромѣ настоящаго случая, за нимъ ничего предосудительнаго замѣчено не было“.

Заявленіе, приложенное къ донесенію, вскрываетъ всю наболѣвшую душу писателя. Оно даетъ то освѣщеніе фактамъ его жизни, какое диктовалось его личнымъ настроеніемъ и переживаніями человѣка гонимаго съ мѣста на мѣсто, но сознающаго свою правоту. Это заявленіе до-

полняетъ вышеприведенные внѣшніе факты и благодаря ему его внѣшняя біографія получаетъ нѣкоторую содержательность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это заявленіе — искреннее и правдивое — говоритъ о безбоязненности писателя въ раннюю пору его жизни, — его стойкой правдивости. Надо было имѣть большое гражданское мужество, чтобы въ пору всякихъ административныхъ возможностей заявить открыто и не обинуясь о своемъ взглядѣ на правительство.

Вотъ текстъ заявленія:

Его Превосходительству,
Господину Пермскому Губернатору.
Сосланнаго административнымъ порядкомь
Владимира Галактіоновича Короленко.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Ваше Превосходительство.

Такъ какъ я желалъ бы, чтобы побужденія, руководящія мною при подачѣ этого заявленія, явились въ настоящемъ свѣтѣ,—поэтому позволю себѣ возстановить отчасти извѣстную уже Вашему Превосходительству фактическую сторону дѣла, подавшаго къ нему поводъ.

Мнѣ былъ предложенъ мѣстной администраціей вопросъ, гдѣ я принималъ присягу на вѣрноподданство. Я отвѣтилъ, что вмѣстѣ съ другими жителями Перми присутствовалъ во время панихиды и присяги въ мѣстномъ Соборѣ, а также въ часовнѣ Уральской жел. дороги. Но такъ какъ я нигдѣ не подписалъ формулы присяги, то мнѣ и другимъ ссыльнымъ выданъ присяжный листъ, для принятія присяги отдѣльно.

Изъ этого, я полагаю, видно, что я не смотрѣлъ на настоящій случай, какъ на поводъ для какого бы то ни было протеста въ этой формѣ; наоборотъ, я сдѣлалъ все, что считалъ возможнымъ, для того, чтобы вопросъ этотъ остался просто дѣломъ моей совѣсти и не выходилъ бы изъ ея предѣловъ. Но разъ я, въ качествѣ ссыльнаго, вызванъ, такъ сказать, изъ ряду и вопросъ поставленъ передо мною прямо съ требованіемъ отвѣтить,—я даю этотъ отвѣтъ согласно со своею совѣстью.

Я сосланъ безъ суда и слѣдствія, безъ приговора. Вмѣстѣ со мною сосланы: братъ, двоюродный братъ, зять; сестра и мать отданы подъ надзоръ полиціи въ гор. Красноярскѣ; семья, лишенная всѣхъ работниковъ, разбита; двоюродный братъ, мальчикъ 19-20 лѣтъ, сошелъ подъ вліяніемъ ареста и ссылки съ ума. Принимая относительно цѣлой семьи такія жестокія и страшныя мѣры, намъ не дали возможности не только представить какія либо оправданія, намъ даже не заявили, въ чемъ насъ подозрѣваютъ, и относительно всего этого дѣла (?!) мнѣ доступны лишь самыя смутныя предположенія и несомнѣнное убѣжденіе, что всѣ основанія высылки несомнѣнно ложны... Я полагаю, что если бы кто-нибудь далъ себѣ трудъ разсмотрѣть мое дѣло, то могъ бы убѣдиться, что подозрѣнія противъ меня давно опровергнуты. А между тѣмъ вся семья раскидана по разнымъ угламъ, и административный порядокъ продолжалъ свое дѣло. Проживъ около восьми мѣсяцевъ въ Вятской губ., гдѣ, опять безъ объясненія причинъ, испыталъ ссылку въ самые глухіе углы,—я наконецъ былъ высланъ въ Сибирь. Всѣ мои вопросы остались безъ отвѣта, но на этотъ разъ я понимаю это умолчаніе, ибо имѣлъ дѣло съ административнымъ подлогомъ. Случайно я узналъ, что ссылаюсь за побѣгъ съ мѣста ссылки, за побѣгъ никогда не совершенный. Я былъ водворенъ на жительство мѣстной администраціей, взятъ съ этого самаго мѣста присланными за мною жандармами, ни разу нигдѣ не былъ даже арестованъ за отлучку съ назначеннаго мнѣ мѣста пребыванія —и тѣмъ не менѣе сосланъ въ Сибирь за побѣгъ. Я не могу видѣть въ этомъ ничего иного, кромѣ разсчета на то, что въ инстанціи, которыя являются окончательными рѣшителями административныхъ приговоровъ,—достигаетъ голосъ лишь одной стороны, а эта сторона часто руководится побужденіями личной непріязни и мести.

Возвратъ мой изъ Сибири былъ слѣдствіемъ разговора моего съ княземъ Имеретинскимъ, пріѣзжавшимъ въ Вышній Волочекъ для разсмотрѣнія дѣлъ ссылаемыхъ административнымъ порядкомъ лицъ. Но такъ какъ даже князь Имеретинскій не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о причинахъ первоначальной моей ссылки, то по возвращеніи

изъ Сибири я опять отданъ подъ надзоръ полиціи. Такимъ образомъ, въ результатѣ ложнаго сообщенія о моемъ побѣгѣ оказались для меня: пятимѣсячнее строгое тюремное заключеніе, тяжелый путь подъ канвоемъ до Томска и обратно, и затѣмъ—я возвращенъ въ тѣ же условія, получивъ какъ милость то, что составляетъ лишь актъ (неполный даже) справедливости, возстановленіе ложно нарушаннаго права. Такимъ образомъ, этотъ опытъ, даже при стеченіи благопріятныхъ для меня обстоятельствъ,—доказалъ лишь, какъ опасно вступать хотя бы въ совершенно законныя пререканія съ Вятской администраціей и какъ безопасно для послѣдней дѣлать, при настоящихъ условіяхъ,—ложныя донесенія.

Къ сожаленію, я не могу смотрѣть на все, происходившее со мною, какъ на примѣръ исключительный. Я видѣлъ сотни такихъ же примѣровъ. Тотъ же пріѣздъ князя Имеретинскаго (явленіе первое и послѣднее въ этомъ родѣ) обнаружилъ въ Вышнемъ Волочкѣ фактъ ссылки за побѣгъ изъ Архангельской губерніи человѣка, который никогда не былъ ни въ Архангельской губерни, ни вообще въ ссылкѣ. Я знаю случай, когда полиціймейстеръ, предъ отправленіемъ партіи ссылаемыхъ, безъ дальныхъ околичностей, переправилъ въ спискѣ имя одного изъ назначенныхъ къ высылкѣ, и такимъ образомъ Владимиръ отправленъ въ Восточную Сибирь вмѣсто Андрея,—для сокращенія переписки. Я видѣлъ 70-лѣтняго старика сосланнаго за проступокъ, который могъ въ худшемъ случаѣ повлечь штрафъ отъ 1 до 5 руб. по приговору мирового судьи. Сынъ этого старика сосланъ лишь потому, что въ ночь ареста ночевалъ у отца на квартирѣ. Я могъ бы привести множество фактовъ въ томъ же родѣ, съ точнымъ указаніемъ именъ и всѣхъ данныхъ,— но думаю, что это излишне.

Изъ этого слѣдуетъ неопровержимый и несомнѣнный выводъ: законнымъ властямъ дано опасное право,—право произвола, и жизнь доказала массой ужасающихъ фактовъ, что они злоупотребляли этимъ правомъ. Произволъ вторгается во всѣ отправленія жизни, часто самыя честныя и законныя, и, задушивъ эти стремленія въ лучшихъ проявленіяхъ,—отклоняетъ жизненныя теченія съ пути идейной переработки и закона на путь личныхъ

столкновеній. Онъ порождаетъ тотъ разладъ между законнымъ требованіемъ и требованіемъ совѣсти, который я рѣшаюсь выразить въ настоящемъ случаѣ.

Въ виду всего изложеннаго выше,—я заявляю отказъ дать требуемую отъ меня присягу. Я не считаю умѣстнымъ давать какія бы то ни было указанія или ставить условія, но считаю своимъ нравственнымъ правомъ указать мотивы, по которымъ совѣсть запрещаетъ мнѣ произнести требуемое отъ меня обѣщаніе въ существующей формѣ.

Имѣю честь просить Ваше Превосходительство дать соотвѣтствующее направленіе моему настоящему заявленію.

Владимиръ Короленко.

Заявленіе послано было, какъ уже сказано, съ однимъ комментаріемъ, это за Короленко ничего предосудительнаго замѣчено не было. За это заявленіе взялся уже Департаментъ Полиціи (III Отдѣленіе къ этому времени было ликвидировано). Была сдѣлана соотвѣтствующая, какъ и въ III отдѣленіи, справка о прошломъ Короленки. Было также въ изложеніи представлено и заявленіе Короленки.

Въ изложеніи оффиціальнаго доклада Департамента заявленіе приняло слѣдующую форму:

„Въ своемъ заявленіи Короленко слѣдующимъ образомъ объясняетъ мотивы своего отказа отъ принятія присяги.

По словамъ заявленія, онъ высланъ изъ С-Петербурга безъ суда и слѣдствія. Вмѣстѣ съ нимъ сосланы: родной братъ, двоюродный братъ и зять; сестра и мать отданы подъ надзоръ полиціи. Такимъ образомъ, семья, лишенная всѣхъ работниковъ разбита; двоюродный братъ подъ вліяніемъ ссылки сошелъ съ ума. Далѣе Короленко рѣзко порицаетъ распоряженія административной власти относительно высылки его въ Вятскую губернію и въ Восточную Сибирь за побѣгъ изъ мѣста жительства. Въ заключеніе Короленко дѣлаетъ слѣдующій выводъ: законнымъ властямъ дано опасное право право произвола, и жизнь доказала массою ужасающихъ фактовъ, что они злоупотребили этимъ правомъ. Произволъ порождаетъ разладъ между законными требованіями и требованіемъ совѣсти; почему, руководствуясь въ данномъ случаѣ указаніями совѣсти,

онъ заявляетъ отказъ отъ принятія присяги въ существующей формѣ“.

Въ этомъ изложеніи вся почти принципіальная сторона заявленія исчезла. Взято лишь личное отношеніе Короленко къ данному акту. Соотвѣтственно съ этимъ, было составлено и заключеніе по дѣлу, Это заключеніе гласитъ:

„Заключеніе. Принимая яо вниманіе предыдущую вредную дѣятельность Владимира Короленко и вредное направленіе, обнаруженное имъ нынѣ отказомъ отъ принятія присяги на вѣрность подданства, полагалось бы необходимымъ выслать Короленко на распоряженіе Генералъ-Губернатора Восточной Сибири для водворенія его на жительство во ввѣренномъ ему краѣ подъ надзоръ полиціи.“

Докладъ составленъ 24VII. 81 и подписанъ въ то время уже извѣстнымъ лицомъ, а впослѣдствіи получившимъ громкую, печальную знаменитость—директоромъ Департамента Полиціи—В. К. фонъ Плеве. Вл. Гол-чу раньше уже предстояла Восточная Сибирь. До сихъ поръ судьба его хранила—онъ не доходитъ до Сибири. Этотъ разъ былъ уже рѣшающимъ. Въ біографіи Короленко въ его произведеніяхъ Вост. Сибирь заняла фактически мѣсто. Докладъ Плеве былъ утвержденъ, и 30. VII было послано отношеніе къ Генералъ-Губернатору Восточной Сибири съ перечисленіемъ всѣхъ главныхъ преступленій Короленко (Вольная типографія, побѣгъ, отказъ отъ присяги) — „для зависящаго распоряженія“.

29.VIII было послано извѣщеніе и Пермскому Губернатору о состоявшемся рѣшеніи съ просьбой „сдѣлать зависящее распоряженіе о высылкѣ Короленко по назначенію“

Л. Ильинскій.

Библіографическій указатель произведеній В. Г. КОРОЛЕНКО и литературы о немъ*).

При составленіи настоящаго указателя, въ основу положены обширные матеріалы литературнаго архива и „картотеки“ проф. С. А. Венгерова. Матеріалы эти, охватывая періодъ до 1912 года, дали возможность включить много данныхъ, не встрѣчающихся ни въ одной изъ напечатанныхъ до сихъ поръ работъ по Короленковской библіографіи. Въ частности, составитель имѣлъ возможность пользоваться собственноручной записной книжкой В. Г. Короленко, любезно предоставленной М. А. Коломенкиной въ пользованіе архива; въ книжкѣ очень полно и тщательно зарегистрированы печатныя произведенія В. Г. за большой періодъ его литературной дѣятельности.

Иной характеръ имѣютъ библіографическія свѣдѣнія за послѣдніе годы, собранныя въ нынѣшнихъ трудныхъ условіяхъ работы и при томъ, въ силу нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, съ чрезмѣрной быстротой.

Въ этой части работа совершенно не можетъ претендовать на полноту. Мы рѣшаемся, однако, дать указатель въ настоящемъ его видѣ, полагая, что и имѣющіяся въ немъ свѣдѣнія могутъ облегчить работу по изученію жизни и произведеній писателя.

Первая часть указателя—списокъ печатныхъ произведеній В. Г. Короленко—составлена примѣнительно къ хронологическому порядку ихъ появленія въ свѣтъ.

Вторая часть, дающая литературу о Короленко, въ цѣляхъ удобства пользованія ею, разбита на 3 отдѣла:

1) словари и т. п. изданія; отдѣльныя сочиненія и болѣе крупныя статьи въ книгахъ, журналахъ и газетахъ, какъ спеціально посвященныя В. Г., такъ и общаго характера, содержащія сравнительно обширный или интересный матеріалъ о Короленко;

---

*) Составлено по матеріаламъ архива профессора С. А. Венгерова и другимъ источникамъ.

2) книги и статьи, лишь между прочимъ, порою вскользъ, упоминающія о В. Г., и, главнымъ образомъ, мелкія замѣтки, по преимуществу біографическаго характера;

3) рецензіи на отдѣльныя произведенія В. Г. Короленко.

Регистрируя во 2-омъ и 3-емъ отдѣлахъ газетный матеріалъ, конечно, нельзя было и стремиться къ полнотѣ; мѣстами указанія тутъ носятъ почти случайный характеръ. Мы считаемъ, однако, полезнымъ включить въ указатель все, что можно было дать въ настоящій моментъ. Тѣ, кому справки въ той или иной части окажутся излишними— отбросятъ ихъ безъ всякаго труда; другимъ же все можетъ оказаться нужнымъ.

I.

Печатныя произведенія В. Г. Короленко.

1. Письмо въ редакцію. „Новости", 1878 г., 7 іюня.

2. Эпизоды изъ жизни искателя. „Слово", 1879 г., № 7.

3. Пермь (письмо въ редакцію). «Молва», 1880 г., № 282.

4. Ненастоящій городъ. «Слово», 1880 г., № 11.

5. Временные обитатели подслѣдственнаго отдѣленія. «Слово», 1881 г., № 2. („Очерки и разсказы", кн. I, подъ загл. «Въ подслѣдственномъ отдѣленіи», собр. сочин.—подъ загл. «Яшка». Отд. изд.—Раппа и Потапова, Харьковъ, 1905 г., 32 с.).

5а. Сельскій учитель. Очерки. Изъ записной книжки мечтателя-реалиста. „Рус. Бог.", 1881 г., №№ 4 и 8. (Подписано—Т.—Z. Очерки приписываетъ Вл. Г—чу Короленко А. В. Мезіеръ въ указателѣ „Русск. Словесность съ XI по XIX ст.", ч. II, стр. 509, № 21784).

6. Отголоски войны въ судебномъ залѣ. (Дѣло Зарембо). „Волж. Вѣст.", 1885 г., №№ 58 и 59.

7. Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. „Волж. Вѣст.", 1885 г., № 70. (Отдѣл. изд.: вмѣстѣ съ разск. „Старый Звонарь"—изд. СПБ. комитета грамотности, 1894 г.; отдѣльное изд. Коломенкиной, СПБ., 1910 г., 1913 г., 1915 г., 12 стр. Подъ загл.—«Страстная суббота» изд. Раппа и Потапова, Харьковъ, 1905 г., 16 стр.; вмѣстѣ съ разск. «Командировка» и «Старый звонарь», изд. «Задруга», ПГ.—М., 1918 г. 31 стр.).

8. Сонъ Макара. «Русск. мысль», 1885 г., № 3. (Отдѣл. изд.: М. Дорошенко, СПБ., 1899 г., 42 стр.; изд. Вятскаго Т-ва, СПБ., 1910 г., 41 стр. и СПБ., 1911 г.; изд. Коломенкиной, ПГ., 1915 г., 36 стр.; изд. «Задруга» ПГ.—М., 1917 г., 30 стр.).

9. Старый звонарь. «Волж. Вѣст.», 1885 г., № 118. (Отдѣл. изд. вмѣстѣ съ разск. «Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ»—изд. СПБ, комит. грамотности, 1894 г.; изд. «Книжное дѣло», М., 1902 г.; изд.

Коломенкиной, СПБ., 1910 г., 1913 г., 1915 г., 8 с.; вмѣстѣ съ разск. «Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ» и «Командировка» изд. «Задруга», ПГ.—М., 1918 г., 31 с.).

10. Глушь. «Волж. Вѣст.», 1885 г., №№ 151, 158, 167, 179.

11. Очерки сибирскаго туриста (Убивецъ). (Отд. изд. подъ загл. «Убивецъ», М., 1887 г.; подъ загл. «Невольный убійца», изд. СПБ. комитета грамотности, СПБ., 1888 г., 48 с.; 1895 г., 74 с.; 1899 г., 71 с.; изд. Коломенкиной подъ загл. «Убивецъ», СПБ., 1910 г., 59 стр. и 1915 г., 60 стр.; изд. «Задруга», ПГ., 1917 г., 44 стр.).

12. На станкѣ. «Волж. Вѣст.», 1885 г., №№ 289, 291, 295.

13. Разсказы о бродягахъ. I. Соколинецъ. «Сѣв. Вѣст.», 1885 г., № 4, стр. 1—44. (Отд. изд.—«Донск. Рѣчи», Рост. н/Д., 1904 г., 59 стр.; изд. Вятск. Т-ва, СПБ., 1910 и 1912 г.г., 59 стр.).

14. Въ дурномъ обществѣ. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля). «Русс. мысль», 1885 г., № 10. (Отдѣл. изд. «Посредника», М., 1894 и 1896 г.г., 71 стр.; извлеч. подъ заглав. «Дѣти подземелья» изд. В. Мурпнова, М., 1892 г., 64 с.; А. Муринова, М., 1896 г., 44 с.; 1898 г., 48 стр.; изд. «Посредника», М., 1905 г., 16 ст; 1908 г.—32 стр.; изд. Вятск. Т-ва, СПБ., 1909 г., 48 стр.; 1910 г.—16 стр.; 1911 г., 51 стр.; изд. Коломенкиной, ПГ., 1915 г., 64 стр. и 1916 г., 32 стр.).

14а. Дѣла о крестьянскихъ безпорядкахъ, разбиравшіяся въ Горбатовѣ. «Русс. Вѣд.», 1885 г., №№ 313, 315, 316, 346.

15. Слѣпой музыкантъ. (Психологическій этюдъ). «Русск. Вѣд.», 1886 г., №№ 32, 34, 44, 46, 73. 76, 82, 92, 100, 101. («Русс. Мысль», 1886 г., № 7. Отд.: изд. 1-ое—М., 1887 г., 163 с.; изд. 15-ое, ред. «Русск. Бог.»,—ПГ., 1915 г., 184 стр.; изд. Т-ва «Книгоизд. писат. въ Москвѣ», 1917 г., 159 стр.); см. ниже № 176.

16. Н. Астыревъ: «Въ волостныхъ писаряхъ». «Волж. Вѣст.» 1886 г., № 201.

17. Сказаніе о Флорѣ Римлянинѣ, объ Агриппѣ царѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды. Сборн. «Евр. силуэты», СПБ., 1900 г. (Отд. изд. «Донск. Рѣчи», Рост. н/Д., 1904 г., 19 стр.; 1905 г.—34 стр.; М., 1908 г., 32 стр.; изд. Вятск. Т-ва, СПБ., 1909 г., 34 стр.)..

18. Лѣсъ шумитъ. Полѣсская легенда. «Русс. Мысль», 1886 г., № 1. (Отд. изд.—М., 1891 г.; изд. М. Дорошенко, СПБ., 1899 г.; М. Орѣхова, М., 1903 г., 23 стр.; изд. Коломенкиной, СПБ., 1909, 1913, 1916 г.г., 32 стр.).

19. Содержающая. Сибирскіе очерки съ натуры. «Русск. Вѣд»., 1886 г., №№ 290, 298, 299, 305, 312, 318, 320, 325, 331.

20. Очерки и разсказы. Кн. I: Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ. Изд. 1-ое, М., 1886 г.; изд. 14-ое, редакціи «Русск. Бог.», ПГ., 1915 г., 376 стр.

20а. Нижегородская художественная выставка. «Русс. Вѣд.», 1886 г., №№ 105, 108, 114.

21. Прохоръ и студенты. «Рус. Мысль», 1887 г., №№ 1 и 2.

22. Двѣ картины. «Рус. Вѣд.», 1887 г., № 102.

23. За иконой. «Сѣв. Вѣст.», 1887 г., № 9, стр. 1—43.

23а. На заводѣ. „Русс. Вѣд.“, 1887 г., №№ 67 и 74.

23б. Корреспонденція изъ Ардатовскаго уѣзда (безъ заглавія) „Русс. Вѣд.“, 1887 г., № 207.

24. На затменіи. Очерки съ натуры. «Русс. Вѣд.», 1887 г., № 244. (Отд. изд.—Моск. общ. грамотн., М., 1889 г., 32 с.; изд. СПБ. Общ. грамотн., СПБ., 1898 г.; изд. Вятск. Губ. Зем., Вятка, 1901 г., 32 стр.; изд. «Донск. Рѣчи», 1905 г., 24 стр., 1906 г., 23 стр.; изд. Коломенкиной. СПБ., 1909 г., 24 стр.; 1913 г.—32 стр.; вмѣстѣ съ разск. «На Волгѣ» изд. Т-ва «Книгоизд. писат. въ Москвѣ», 1917 г., 40 с.)

24а. Корреспонденція. Особ. пром. «Волж. Вѣст.», 1888 г., № 188.

25. По пути. «Сѣв. Вѣст.», 1888 г., № 2, стр. 1—49.

26. Изъ Нижняго (Письмо въ редакцію). «Волж. Вѣст.», 1888 г., № 199.

27. Г. Осиповъ въ двухъ маскахъ. «Волж. Вѣст.», 1888 г., № 244.

28. Литературная замѣтка. Отвѣтъ Абрамову. «Волж. Вѣст.», 1888 г., № 255.

29. Литературно-общественная замѣтка. Обманутыя ожиданія. «Волж. Вѣст.», 1888 г., № 275.

30. Съ двухъ сторонъ. «Рус. Мысль», 1888 г., №№ 11 и 12.

31. Ночью. «Сѣв. Вѣст.», 1888 г., № 12, стр. 1—30. (Отд. изд.—«Донск. Рѣчи», Рост. н/Д., 1903 г., 44 стр.; изд. Вятск. Т-ва, СПБ., 1910 и 1912 г.г., 44 стр.; изд. «Книгоизд. писателей въ Москвѣ», М., 1917 г., 48 стр.).

31а. Корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода (безъ заглавія). «Русс. Вѣд.», 1888 г., № 7.

32. На Волгѣ. «Сборникъ памяти В. М. Гаршина», СПБ., 1889 г. (сборн. «Доброе Дѣло», М., 1894 г. Отд. изд.—Коломенкиной, Полтава, 1903 г., 16 стр.; ея же изд. СПБ., 1909 и 1913 г.г., 12 стр.; вмѣстѣ съ разск. «На затменіи» см. выше).

33. Картинка нашихъ нравовъ (письмо изъ Нижняго). «Волж. Вѣст.», 1889 г., № 32.

34. Непутный путеводитель. «Волж. Вѣст.», 1889 г., № 113.

35. Путеводитель по Волгѣ. «Сарат. Дневн.», 1889 г., № 155.

36. Птицы небесныя. «Рус. Вѣд.», 1889 г., №№ 224, 229, 233 и 236.

37. Нѣчто объ учетѣ. «Волж. Вѣст.», 1889 г., № 291.

38. Нижегородское уѣздное земское собраніе. «Волж. Вѣст.», 1889 г., №№ 294 и 295.

39. Темныя деньги. «Волж. Вѣст.», 1890 г., № 22.

40. Корреспонденціи изъ Нижняго-Новгорода. «Рус. Вѣд.», 1890 г., №№ 260, 262, 285 и 318.

41. Въ пустынныхъ мѣстахъ. (Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу). «Русск. Вѣд.», 1890 г., №№ 211, 223, 234, 253, 255, 263, 269, 297, 335, 353. (Извлеченіе подъ загл. «Пріемышъ» отд. изд. М., 1892, 1894, 1896, 1898, 1901, 1903, 1905 г.г., 18 с.; изд. „Донск. Рѣчи“, Рост. н/Д., 1903 г., 15 с.; изд. «Посредникъ», М., 1908 и 1909 г.г., 32 стр.; изд.

Вятск. Т-ва, СПБ., 1910 и 1911 г.г., 16 стр.; изд. Коломенкиной ПГ. 1915 г., 12 стр., 1916 г., 8 с.).

42. Павловскіе очерки. «Рус. Мысль», 1890 г., № 9, стр. 14—50, № 10, стр. 90—117, № 11, стр. 105—150.

43. Телеграмма изъ Нижняго. «Волж. Вѣст.», 1890 г., № 232.

44. Письмо изъ Нижняго-Новгорода. «Волж. Вѣст.», 1890 г., № 235.

45. По поводу замѣтки А. Б. о московскомъ статистическомъ атласѣ. «Волж. Вѣст.», 1890 г., № 241.

46. Плагіатъ. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 243.

47. Корреспонденція. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 250.

48. О крахѣ общества «Дружина». «Волж. Вѣст.», 1890 г., №№ 257, 258, 260.

49. Еще о «Дружинѣ». «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 269.

50. Еще «Дружина» и г. Жуковъ. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 271.

51. Дѣло Фиргана и Зарубина. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 282.

52. Недѣля объ Андреевѣ. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 286.

53. Нижегородскіе экономы. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 289.

54. Корреспонденція о выборахъ. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 292.

55. Послѣднія черты къ исторіи «Дружины». «Волж. Вѣстн.». 1890 г., № 296.

56. Къ городскимъ выборамъ. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 302.

57. Два слова «Астраханскому Вѣстнику». «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 303.

58. Къ дворянскому собранію. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 309.

59. Итоги городскихъ выборовъ. «Волж. Вѣстн.», 1890 г., № 314.

60. Судебная хроника. (Дѣло Фиргана). «Рус. Вѣд.», 1890 г., № 318.

61. Выборы городского головы. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 2.

62. Объ Александровскомъ дворянскомъ банкѣ. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., №№ 11, 13, 14, 15, 18, 20, 22, 23. (Издано отдѣльной брошюрой).

63. Іомъ-Кипуръ. «Рус. Вѣд.», 1891 г., №№ 43, 47, 48, 58, 61, 69 и 77. («Очерки и разсказы», кн. II, подъ загл. «Судный день». Отд. изд.—то же заглавіе—СПБ. Комит. грамотн., СПБ., 1895 г., 80 стр.; изд. Вятск. Т-ва, СПБ., 1909 г., 90 стр.; изд. Коломенкиной, СПБ., 1914 г., 79 стр., 1916 г., 56 стр.).

64. Дворянское собраніе. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., №№ 69, 71, 72 и 75.

65. Курьезная защита. (Отв. на нападки «Нижегород. Листка»). «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 78.

66. Образчикъ Нижегородской полемики. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 88.

67. Библіографическая замѣтка о книгѣ Парскаго. «Волж. Вѣст.», 1891 г., № 90.

68. Думскія дѣла. «Волж. Вѣст.», 1891 г., № 94.

69. Запросъ. (О стипендіи Гацисскаго). «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 95.

70. Эпилогъ банковской исторіи. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 113.
71. Засѣданіе думы. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 180.
72. О стипендіи имени Гацисскаго. «Волж. Вѣст.», 1891 г., № 188 (прибавл.).
73. Гиршманъ и Ефремовъ. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 189.
74. Два вопроса (фельетонъ). «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 196.
75. Завоеваніе афганскихъ рынковъ. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 200.
76. Некрологъ А. И. Жукова. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 201.
77. Еще два слова объ афганцахъ. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 203.
78. Особый промыселъ. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 204.
79. Библіографическая замѣтка объ Энциклопедическомъ словарѣ. «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 207.
80. Опять «Дружина». «Волж. Вѣстн.», 1891 г., № 212.
81. Инцидентъ въ думскомъ засѣданіи. „Волж. Вѣстн.“, 1891 г., № 218.
82. Письмо о Шараповѣ. „Волж. Вѣстн.“, 1891 г., № 228.
83. Къ вопросу о помощи переселенцамъ. „Волж. Вѣстн.“, 1891 г., № 228.
84. Дума. „Волж. Вѣстн.“, 1891 г., № 247.
85. Таинственное явленіе. „Волж. Вѣстн.“, 1891 г., № 257.
86. Нижегородскія завоеванія въ Афганистанѣ. „Рус. Вѣдом.“, 1891 г., № 243.
87. О прошлой ярмаркѣ. „Рус. Вѣд.“, 1891 г., № 251.
88. Камера судебно-полицейскихъ разбирательствъ. „Рус. Вѣд.“, 1891 г., № 272.
88а. Корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода (безъ заглавія). „Рус. Вѣд.“, 1891 г., №№ 246 и 264.
89. Замѣтка о голодѣ (безъ заглавія). „Русс. Вѣд.“. 1891 г., № 319.
90. Тѣни. „Рус. Мысль“, 1891 г., № 12, стр. 153—176. (Отд. изд.— „Посредникъ“, М., 1896 г.; изд. Коломенкиной, СПБ., 1909 г., 36 стр.).
91. Дѣло о словѣ и дѣлѣ государевомъ въ г. Балахнѣ. „Дѣйствія Нижегород. архив. комиссіи“, Н.-Новг., 1892 г., т. I, стр. 98.
92. Рѣка играетъ. Сборн. „Помощь голодающимъ“. Изд. „Рус. Вѣд.“, М., 1892 г. (Отд. изд.—Торг. дома С. Курнинъ, М., 1901 и 1904 г.г., 40 стр.).
93. Текущая жизнь. Размышленія, наблюденія и замѣтки. „Рус. Мысль“, 1902 г., № 12 (подпись—Провинціальный наблюдатель).
94. Черкесъ. Сборн. „Въ пользу голодающихъ“, изд. „Русской Мысли“, М., 1892 г. (Отд. изд.—„Донск. Рѣчи“, Рост. н/Д., 1903 г., 31 стр.; изд. „Издат. писат. въ Москвѣ“, М., 1917 г., 31 стр.).
95. „Щось буде“.—„Кіевскій сборн. въ пользу пострад. отъ неурожая“, Кіевъ, 1892 г.
96. Поѣздка въ Лукояновскій уѣздъ, Ниж. губ. (Докладъ, читанный въ засѣд. продовольств. комиссіи 2 апр. 1892 г.). „Рус. Вѣд.“ 1892 г., №№ 93 и 97.

97. По Нижегородскому краю. („Въ голодный годъ“). „Русс. Вѣд.“, 1892 г., №№ 116, 124, 131, 145, 155, 169, 183, 206, 246, 259, 319, 340; 1893 г., № 9.

98. Корреспонденція изъ заштатнаго города Починокъ, Лукояновскаго уѣзда (безъ заглавія). „Русск. Вѣд.“, 1892 г., № 136.

99. Некрологъ врача В. Н. Розанова. „Русск. Вѣд.“, 1892 г., № 138.

100. Корреспонденція (безъ заглавія). „Русск. Вѣд.“, 1892 г., № 292.

101. Атъ-Даванъ (Изъ Сибирской жизни). „Русск. Бог.“, 1892 г., № 10, стр. 1—38. (Отд. изд.—Вятск. Т-ва, Вятка, 1905 г., 62 стр.).

102. По поводу письма Берга, „Волж. Вѣстн.“, 1892 г., № 229.

103. Къ исторіи отжившихъ учрежденій. „Русск. Стар.“, 1892 г. № 5, стр. 253—270.

104. Текущая жизнь. Наблюденія, размышленія и замѣтки. „Русская Мысль“, 1893 г., №№ 1 и 2 (Подпись—Провинціальный наблюдатель).

105. Нѣкоторыя особенности организаціи продовольственнаго дѣла въ Нижегородскомъ Краѣ. „Русская Мысль“, 1893 г., № 7, стр. 59—74.

106. Покрывать или раскрывать растраты. (Подпись—Провинціальный наблюдатель). „Русская Мысль“, 1893 г., № 7.

107. Судебная драма въ Арзамасѣ. „Русск. Вѣд.“, 1893 г., № 31.

108. Будничныя исторіи въ Лукояновскомъ уѣздѣ. „Русская Жизнь“, 1893 г., № 33.

109. Телеграмма о смерти Гацисскаго. „Русская Жизнь“, 1893 г., 28 апрѣля.

110. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія, замѣтки. „Русск. Бог.“, 1893 г., № 2, стр. 92—119, № 3, стр. 175—212, № 5, стр. 198—234, № 7, стр. 170—211. (Отд. изд. ред. „Русск. Бог.“, Спб., 1-ое изд. 1893 г., 376 стр., изд. 7-ое, испр. и дополн., 1915 г., 384 стр.).

111. Очерки и разсказы, кн. II: Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ—Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день. Изд. 1-ое, „Русск. Мысли“, М., 1893 г.; изд. 10-ое „Русск. Бог.“, ПГ., 1915 г., 370 стр.

112. О будущей всероссійской выставкѣ. Письма I-ое и II-ое, „Русск. Вѣд.“, 1894 г., №№ 16 и 69.

113. Англійская путешественница въ Нижегородской деревнѣ. „Русск. Жизнь“, 1894 г., № 44.

114. Корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода. (Безъ заглавія, о дѣлѣ Н. Валова). „Русск. Вѣд.“, 1894 г., № 24.

115. По поводу одного петербургскаго процесса. (Письмо въ редакцію). „Русск. Вѣд.“, 1894 г., № 46.

116. Корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода (Безъ заглавія), о новомъ мѣстѣ выставки). „Русск. Вѣд.“, 1894 г., № 83.

117. Расходованіе городскихъ суммъ. „Русск. Жизнь“, 1894 г., № 82.

118. Парадоксъ. „Русск. Бог.“, 1894 г., № 5. (Отд. изд.—Коломенкиной, Спб., 1909 г., 24 стр.).

119. Божій городокъ (эскизъ изъ дорожнаго альбома.) „Русск. Вѣд.“, 1894 г., № 215. („Нижегородскій сборникъ“, изд. „Знаніе“, 1905 г.).

120. Драка въ домѣ. (Очерки изъ заграничной поѣздки). „Русск. Бог.“, 1894 г., № 11, стр. 5—40.

121. Очеркъ литературной дѣятельности А. С. Гацисскаго и его значеніе для мѣстной печати. Доложено въ XXV засѣданіи Нижегор. Архив. комиссіи.

122. Изъ исторіи областной печати (памяти А. С. Гацисскаго). „Русск. Вѣд.“, 1894 г., №№ 319, 327 и 339. („Сборникъ въ память Гацисскаго“, Н.-Новгородъ, 1897 г.).

123. Два слова по адресу „Русск. Жизни“. „Нижегород. листокъ“, 1894 г., № 350.

124. Телеграмма и реклама. „Нижегор. Листокъ“, 1894 г., № 353.

125. Матеріалы къ біографіи Кулибина. „Дѣйствія Нижег. Арх. комиссіи. Сборн. статей, сообщеній, описей и документовъ“, т. II, Н.-Новг., 1895 г.

126. Безъ языка. „Русск. Бог.“, 1895 г., № 1, стр. 69—90, № 2, стр. 148—167; № 3, стр. 162—190; № 4, стр. 5—29. (Отд. изд — редакціи „Русск. Бог.“, Спб., 1-ое изд. 1902 г., 218 стр.; изд. 6-ое—Спб., 1912 г., 210 стр.).

127. Движеніе открыто (съ натуры). „Русск. Вѣд.“, 1895 г. №№ 36 и 42.

128. Дѣло объ описаніи прежнихъ лѣтъ, архивы сто лѣтъ назадъ и въ наше время. (Доложено въ XXX засѣд. Нижег. арх. комиссіи). Отд. изд. архивн. ком., 1895 г.

129. Телеграмма о Н. П. Ивановѣ. „Русск. Вѣд.“, 1895 г., № 145.

130. Корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода (безъ заглавія, о Н. П. Ивановѣ). „Русск. Вѣд.“, 1895 г., № 84.

131. Въ борьбѣ съ дьяволомъ (эскизъ изъ дорожнаго альбома). „Русск. Вѣд.“, 1895 г., № 145. (Сборникъ „Братская помощь пострадавшимъ армянамъ“, М., 1897 г.).

131а. Корреспонденція изъ села Павлова. (безъ заглавія). „Русск. Вѣд.“, 1895 г., № 190.

132. Въ Васильскомъ уѣздѣ. (Бытовая картинка съ натуры). „Самарск. Газета“, 1895 г., № 162.

133. Корреспонденція о С. Т. Морозовѣ. „Самарск. Газ.“, 1895 г, 1 сентября.

134. Корреспонденціи о Нижегородской ярмаркѣ. „Русск. Вѣд.“, 1895 г., №№ 197 (Приказъ Баранова), 206 (о купеческой думѣ и Дельвигѣ), 213 (ярморочный билетъ, С. Т. Морозовъ и Осиповъ и пр.), 215 (инцидентъ съ оцѣнкой), 219 (о торговлѣ на ярмаркѣ), 221 (о Морозовѣ и оцѣнкѣ), 224 (купеческіе проекты), 225 (война съ путейцами), 231 (объ оцѣнкѣ ярморочнаго собранія и желѣзной дорогѣ), 236 (о пріѣздѣ кн. Хилкова и С. Т. Морозова), 238 (пріѣздъ министра и пароходчика), 239, 240.

135. Талицкій. „Бумажный рубль“. „Русск. Бог.“, 1895 г., № 8 отд. „Нов. книги“.

136. Два слова о мнуерацiи домовъ. „Нижегор. Лист.“, 1895 г. № 194.

137. Новости идутъ (фельетонъ). „Нижегор. Лист.“, 1895 г., № 203.

138. Два слова о нижегородской Помпеѣ. „Нижегор. Лист.“, 1895 г., № 208.

139. Къ предложенiю г. Моракина о газетѣ. „Нижегор. Лист.“, 1895 г., № 217.

140. Свѣтъ и тѣни (нѣсколько историч. справокъ). „Нижегор. Лист.“, 1895 г., № 254.

141. Удивительная философiя. „Нижег. Лист.“, 1895 г., № 263.

142. Отголоски политическихъ переворотовъ въ уѣздномъ городѣ XVIII в.„ Ниж. Лист.“, 1895 г., № 303. (Переработано изъ доклада Нижегородской архивной комиссiи „Дѣла о словѣ и дѣлѣ государевомъ въ Балахнѣ“).

143. Мултанское жертвоприношенiе. „Русск. Богатство“, 1895 г., № 11, стр. 241—263.

144. Мой отвѣтъ д-ру Крылову. „Русск. Вѣд.“, 1895 г., № 340.

145. Отчетъ о Мултанскомъ дѣлѣ. „Русск. Вѣд.“, 1895 г., №№ 288, 289, 290, 292, 293, 294, 295, 296, 299, 300, 301, 314.

145а. Къ отчету о Мултанскомъ жертвоприношенiи. „Русск. Вѣд.“, 1895 г., № 288.

146. Дѣло мултанскихъ вотяковъ (составлено А. Н. Барановымъ, В. Г. Короленко и В. И. Суходоевымъ, подъ редакцiей и съ примѣчанiями В. Г. Короленко). Москва, 1896 г.

147. Рѣшенiе сената по Мултанскому дѣлу. „Русск. Бог.“. 1896 г., № 1, стр. 190—197.

148. Рѣчь на прощальномъ обѣдѣ въ Нижнемъ 4 янв. 1896 г. „Нижегород. Листокъ“, 1896 г., № 5. „Волжск. В.“, 1896 г., № 10.

149. Приносятся ли вотяками человѣческiя жертвы? (Письмо въ редакцiю). „Новое Время“, 1896 г., № 7149.

150. Въ облачный день. „Русск. Бог.“, 1896 г., № 2, стр. 179—209.

151. Колечко (Изъ архивныхъ дѣлъ). „Нижегор. Лист.“, 1896 г., № 63.

152. Метаморфоза „Гражданина“. Нѣкоторыя новыя теченiя въ нашей прессѣ. (Подпись О. Б. А.). „Русск. Бог.“, 1896 г., № 2, отд. „Хрон. внутр. жизни“.

153. Прискорбные случаи изъ области суда. (Подпись О. Б.А.). „Русск. Бог.“, 1896 г., № 3, отд. „Хрон. внутр. жизни“.

154. Общество и печать. Обостренныя отношенiя. Прививка прессы. Инцидентъ Жеденева (Подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.“, 1896 г., № 4, отд. „Хрон. внутр. жизни“.

155. Современная самозванщина. „Русск. Бог.“, 1896 г., отд. „Хрон. внутр. жизни“. I. Самозванцы духовнаго прозванiя—№ 5, стр. 172—193. II. Самозванцы гражданскаго вѣдомства—№ 8, стр. 119—154.

156. Вопросъ о всеобщемъ обученiи въ Московскомъ губернскомъ земствѣ. Старая и новая школа (Подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.“, 1896 г., № 5, отд. „Хрон. внутр. жизни“.

157. Канторовичъ, «Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ». Беллинъ, „Судебно-медиц. экспертиза въ дѣлѣ Мултанскихъ вотяковъ" Богаевскій, „Мултанское моленіе вотяковъ". Джаншіевъ, „Судъ надъ судомъ присяжныхъ". „Русск. Бог.", 1896 г., № 5, отд. „Новыя книги".

158. Толки печати о Мултанскомъ дѣлѣ и о приговорѣ по дѣлу Жеденева. (Подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.", 1896 г., № 6. отд. „Хрон. внутр. жизни".

159. Нѣсколько словъ въ защиту печати. Образецъ желательнаго литературнаго тона. Правительственное сообщеніе. (Подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.", 1896 г., № 7, отд. „Хрон. внутр. жизни".

160. Н. В. Водовозовъ (Некрологъ). „Русск. Бог.", 1896 г., № 7, стр. 179—182.

161. В. О. Португаловъ. А. П. Батуевъ и трагедія въ Вяткѣ. (Подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.", 1896 г., № 11, отд. „Хроника внутр. жизни".

161а. Изъ Румыніи. «Русс. Вѣд.», 1897 г., № 158.

162. Русская дуэль въ послѣдніе годы. „Русск. Бог.", 1897 г., № 2, стр. 1—26.

163. „Лазарильо изъ Тормесъ и его удачи и неудачи". Барановъ, „Въ защиту погибшихъ женщинъ". „Русск. Бог.". 1897 г., № 5, отд. „Новыя книги".

164. Г. Осадчій, „Образованные земледѣльцы въ Южной Руси". «Житейскій задачникъ для дѣтей», М. Мандрыки. „Больные отца Іоанна Кронштадтскаго". „Русск. Бог.", 1897 г., № 10, отд. „Новыя книги".

165. «Сборникъ въ память А. С. Гацисскаго». С. Аргамакова, «Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки». „Русск. Бог.", 1897 г, № 11, отд. „Новыя книги".

166. Надъ лиманомъ. (Изъ записной книжки путешественника). „Русск. Бог.", 1897 г., № 11, стр. 151—186.

167. Линевъ, «Вторая книга „не сказокъ". Одарченко, «Нравств. и правов. основы русск. народн. хоз.». „Русск. Бог.", 1897 г., № 12, отд. «Нов. книги».

168. Серг. Роміасъ, „Деревня нашего времени". „Русск. Бог.", 1898 г., № 1, отд. „Новыя книги".

169. „Кузька мордовскій богъ". „Русск. Бог.", 1898 г., № 5, отд. „Новыя книги".

170. Памяти Бѣлинскаго. „Русск. Бог.", 1898 г., № 5.

171. Зининъ, «Кружнымъ путемъ». „Русск. Бог.", 1898 г., № 6, отд. „Новыя книги".

172. Чествованіе Бѣлинскаго въ провинціи. „Русск. Бог.", 1898 г., № 6, отд. „Хрон. внутр. жизни".

173. „Наша терпимость". (Подп. О. Б. А.) „Русск. Бог.", 1898 г., № 7, отд. „Хрон. внутр. жизни".

174. Къ вопросу о прислугѣ. Забытыя слова. Два дѣла и одинъ проектъ. „Урегулированіе отношеній". Юбилей Толстого. Къ 35-лѣтію „Русск. Вѣдом.". (Подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.", 1898 г., № 9, отд. „Хрон. внутр. жизни".

175. Опись дѣлъ балахнинскаго городового магистра (съ пред-

варительными замѣчаніями). «Дѣйствія Нижег. арх. комиссіи. Сборн. статей, сообщеній, описей и документовъ», т. III, Н.-Новг., 1898 г.

176. Слѣпой музыкантъ, 5-ое дополненное изданіе ред. „Русск. Бог.", Спб., 1898 г.

177. Съ Нижегородской ярмарки. „Русск. Вѣд.", 1898 г., №№ 140, 147, 173, 176, 183 и 189.

178. По поводу доклада свящ. Блинова. „Русск. Бог.", 1898г., № 9.

179. Изъ Вятскаго края. (Подпись—Парфенъ Зыряновъ). „Русск. Бог.", 1898 г., № 10.

179а. Іохельсонъ, «Очеркъ звѣропром. и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ». „Русск. Бог.", 1898 г., № 10, отд. „Новыя книги".

180. Необходимость. „Русск. Бог.", 1898 г., № 11.

181. Знаменитость конца вѣка. „Русск. Бог.", 1898 г., № 11.

181а. Телеграмма о пожарѣ на Волгѣ. „Нижег. Лист.", 1898 г., 15 авг.

181б. Пожаръ на Волгѣ. „Нижег. Листокъ", 1898 г., 17 августа.

182. Странныя превращенія. „Нижег. Листокъ", 1898 г., № 339.

183. Къ вопросу о Павловской артели. „Нижег. Лист.", 1898 г., № 353.

184. Сборникъ журнала „Русское Богатство", подъ редакціей Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко, Спб., 1899 г.

185. Маруся. Сборн. журн. „Русск. Бог.", Спб., 1899 г., (Въ „Очерк. и разск.", т. III, подъ загл. „Марусина заимка"; отд. изд.—то же заглавіе—„Донск. Рѣчь", Рост. н./Дону, 1904 г., 80 стр.; изд. Коломенкиной, Спб., 1910 г., 79 стр.).

186. Смиренные. „Русск. Бог.", 1899 г., № 1. („Нижег. Листокъ", 1899 г., №№ 35, 36 и 37).

187. Переселеніе духоборовъ въ Америку. „Русск. Бог.", 1899 г., № 2.

188. Приговоръ по дѣлу ксендза Бѣлякевича. Важное сенатское разъясненіе по вопросу о гласности засѣданій суда. Краткая лѣтопись нашей некультурности. Предсѣдательскіе инциденты. (Подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.", 1899 г., № 2, отд. „Хрон. внутр. жизни".

189. Финлядскія дѣла. Иностранные капиталы и рѣчь министра. Продовольственный вопросъ и „маленькіе недостатки механизма". Пособія земствамъ на оцѣночныя работы. Къ еврейскому вопросу. (Подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.", 1899 г., № 3, отд. „Хрон. внутренней жизни".

189а. Безработица. Московское губ. зем. собр. и др. Учебныя вѣсти. (Подпись—О. Б. А.). „Русс. Бог.", 1899 г., № 4, отд. „Хрон. внутр. жизни".

190. Къ Пушкинскимъ днямъ въ Петербургѣ. „Русск. Вѣд.", 1899 г., № 149.

191. Два убійства: Исторія Чижевскихъ капиталовъ. „Русск. Бог.", 1899 г., № 7 (10), отд. «Хрон. внутр. жизни».

192. Судъ надъ убійцей Сморгунера. „Русск. Бог.", 1899 г., № 8 (11), отд. «Хрон. внутр. жизни».

193. О „сложности жизни". „Русск. Бог.", 1899 г., № 8 (11).

194. Казанская драма (страничка изъ жизни учительницъ). „Русск. Бог.", 1899 г., № 8 (11).

195. Арк. Прессъ, «Повѣсти и разсказы». „Русск. Бог.", 1899 г., № 8 (11), отд. „Новыя книги".

196. Корреспонденція изъ Грознаго о приговорѣ къ смертной казни. „Спб. Вѣд", 1899 г., № 110.

197. Мгновенье. Сборникъ „На славномъ посту", Спб., 1900 г. отд. изд., вмѣстѣ съ „Огоньками", изд. Вятскаго Т-ва, Спб., 1910 г., 16 стр.; изд. Коломенкиной, Спб.. 1911 г., 16 стр.).

198. К. Случевскій, „Черная буря". „Русск. Бог.", 1900 г., № 1, отд. „Новыя книги".

199. Изъ земской сессіи. Рѣчь Самарск. вице-губ. Рѣчи губ. Вятск. и Тульск. Протесты на земскія смѣты. Сократительныя стремленія въ земствѣ. О „третьемъ факторѣ" и интеллигенціи. Управскіе кризисы. Г. Кривскій и гласность. Инцидентъ Бухштаба въ Одесск. думѣ. Гласность въ Харьковѣ. „Отставка г. Величко". Нижегородскіе юристы. Смерть Павленкова и Лаврова. Юбилей „Русск. Мысли" и Жемчужникова. „Секретно голодающіе". „Русск. Бог.", 1900 г., № 2, отд. „Хрон. внутр. жизни".

199а. Огоньки. „Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая" (Литер.-Художеств. сборникъ), ПГ., 1901 г., стр. 1; см. выше № 197 и ниже № 226.

200. Бѣлавскій, „Смута". Ясинскій, „Ежемѣс. сочин.". „Русск. Бог.", 1900 г., № 4, отд. „Новыя книги".

201. Танъ, „Чукотскіе разсказы". Каневецкій, „Изъ былого Черноморія". Годлевскій, „Смерть Неволина и его скитанія по Сибири". Кр-скій, «Беззаботное неряшество». „Русск. Бог.", 1900 г., № 5, отд. „Новыя книги".

202. Сибирскіе разсказы: 1. Морозъ. 2. Послѣдній лучъ. „Русск. Бог.", 1901 г., № 1, стр. 125. (Отд. изд. „Морозъ". „Донск. Рѣчь", Нахичев. н/Д., 1906 г., 31 стр.; изд. «Вятск. Т-ва», 1910 и 1912 г.г., 31 стр. „Послѣдній лучъ"—изд. „Донск. Рѣчи", Рост. н/Д., 1905 г., 16 стр.; Вятск. Т-ва—Спб., 1910 г., 16 стр.; изд. Коломенкиной, Спб., 1911 г., 16 стр.).

203. О нижегородской неблагонадежности. Письмо въ редакцію „Русск. Вѣд.", 1901 г., № 3.

204. Исторія о безвѣстно пропавшей больной. „Южн. Обозр.", 1901 г., № 1385.

205. Корреспонденція изъ Полтавы. „Южн. Обозр.", 1901 г., № 1591.

206. Сибирскіе разсказы: «Государевы ямщики». „Русск. Бог.", 1901 г., № 2, 187 с., (отд. изд.—„Донск. Рѣчь", Ростовъ н/Д., 1906 г., 62 с.; Вятск. Т-ва, 1910 г., 68 стр; 1912 г., 61 стр.).

206а. Корреспонденціи изъ Полтавы (безъ заглавія). «Русс. Вѣд.," 1901 г., №№ 65 и 67.

207. Послѣ экзаменовъ (письмо изъ Полтавы). „Русск. Вѣд.", 1901 г., № 163.

208. Къ концу учебнаго года. „Русск. Вѣд.", 1901 г., № 183.

209. Интересный проектъ (письмо въ ред.). „Русск. Вѣд.", 1901 г., № 252.

210. Юбилей В. М. Остроградскаго въ Полтавѣ. „Русск. Вѣд.", 1901 г., № 259.

211. Патріотизмъ, націонализмъ и „Лига русскаго отечества". „Русск. Бог.", 1901 г., № 5, отд. „Хрон. внутр. жизни".

212. Къ предполагаемой реформѣ „Губернскихъ Вѣдомостей". Господа Елисаветградскіе земцы. „Русск. Бог.", 1901 г., № 6, отд. „Хрон. внутр. жизни".

213. Серафимовичъ, «Очерки и разсказы». Барвенкова, „Раздолье", „На мели" и „По способу Коха". „Русск. Бог.", 1901 г., № 6, отд. „Новыя книги".

214. Скуратовъ, «Среди падшихъ», Карменъ, «Дикари». «Къ свѣту», Св. Г. Петрова. „Русск. Бог.", 1901 г., № 9. отд. „Новыя книги".

215. Павловъ, «За 10 лѣтъ практики». „Русск. Бог.", 1901 г., № 11, отд. „Новыя книги".

216. У казаковъ (изъ лѣтней поѣздки на Уралъ). „Русск. Бог.", 1901 г., № 10, стр. 157, № 11, стр. 163 и № 12, стр. 176.

217. Корреспонденція изъ Сумъ. „Русск. Вѣд.", 1902 г., №№ 2 и 33.

218. Къ гоголевскимъ днямъ въ Полтавѣ. (Письмо въ редакцію). „Русск. Вѣд.", 1902 г., № 52.

219. О приготовленіяхъ къ кустарной выставкѣ (письмо изъ Полтавы). „Русск. Вѣд.", 1902 г., № 64.

220. Изъ провинціальныхъ мотивовъ. „Русск. Вѣд.", 1902 г., № 78.

221. Отвѣтъ г. Панаженку. „Полт. Губ. Вѣд.", 1902 г., № 70.

222. По поводу одного фельетона. „Рус. Вѣд.", 1902 г., № 97.

223. Корреспонденція о Миргородскомъ училищѣ. „Рус. Вѣд.". 1902 г., № 341.

224. Корреспонденція изъ Полтавы. „Русск. Вѣд.", 1902 г., № 350.

225. О Г. И. Успенскомъ. (Черты изъ личныхъ воспоминаній). „Русск. Бог.". 1902 г., № 5, стр. 137 («Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ". Изд. „Русск. Бог.", СПБ., 1908 г.).

226. Очерки и разсказы. Кн. III: Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день. Изд. „Рус. Бог.", СПБ., 1-ое—1903 г., 6-е—1915 г., 337 стр.).

227. Не страшное. (Изъ записокъ репортера). „Русск. Бог.", 1903 г., № 2, стр. 154).

228. Корреспонденція изъ Полтавы. „Русск. Вѣд.", 1903 г., № 16.

229. Къ исторіи одного адреса. (Письмо изъ Полтавы). „Русск. Вѣд.", 1903 г., № 153.

230. Скребицкій, «Воспит. и образ. слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ». Воронецъ, «Итоги полемики по поводу проповѣдниче-

ства св. о. Г. Петрова и историч. справка». „Русск. Бог.“, 1903 г., № 6, отд. „Нов. кн.“.

231. «Дѣло по обвин. дворян. Джорджикія въ покушеніи на убійство сотника Колокольцева». „Русск. Бог.“, 1903 г., № 7, отд. „Нов. кн.“.

232. Объ одной подписи. Замѣтка къ Бѣлградской трагедіи. „Русск. Вѣд.“, 1903 г., № 174.

233. М. А. Плотниковъ. (памяти честнаго работника). „Русск. Бог.“, 1903 г., № 11, с. 227.

234. Русскіе скопцы въ Румыніи. „Русск. Вѣд.“, 1903 г., № 264.

235. Предисловіе къ соч. Г. Т. Хохлова „Путешествіе Уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство“. „Записки И. Росс. Геогр. Общ. по отд. этнографіи“, т. XXVIII, в. 1., СПБ, 1903 г.

236. „Феодалы“ (изъ записной книжки). Юбилейный сборн. Общ. дост. средствъ Высш. жен. курсамъ, СПБ., 1904 г.

237. Заставы. „Русск. Вѣд.“, 1904 г., № 360.

238. Буренинъ, «Театръ». Касаткинъ, «Знаменитый полководецъ Суворовъ». Хохловъ, «Путешествіе Уральск. казаковъ въ Бѣловод. царство». „Русск. Бог.“, 1904 г., № 1, отд. «Нов. книги».

239. Николай Константиновичъ Михайловскій. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 2, с. I—X.

240. Я. Самъ, «Не женись на русской» и др. разск. Араго, «Воспоминанія слѣпого». Ухтомскій, «Изъ области ламаизма». Привислинецъ, Тушкевичъ и Дружининъ, «Россія и ея зап. окраины». Лощиловъ, «О професс. трудѣ волжск. грузчиковъ». „Русск. Бог.“, 1904 г., № 2, отд. „Нов. кн.“.

241. Раковичъ. «Любовь побѣдила». Дигамма, «Зло всей прессы». „Русск. Бог.“, 1904 г., № 3, отд. „Нов. кн.“.

242. Якимовъ, „Безъ хлѣба насущнаго“. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 4, отд. „Нов. кн.“.

243. Марковъ, „Разбойница Орлиха“. Березовскій, «Дни и ночи». Корсаковъ. „Въ старомъ Пекинѣ“. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 5, отд. „Нов. кн.“.

244. Случайныя замѣтки. Л. Н. Толстой и М. О. Меньшиковъ, А. П. Пятковскій (подп. О. Б. А.). Протопоповъ о Михайловскомъ. „Русск. Бог“. 1904 г., № 5.

245. Тимковскій, „Повѣсти и разсказы“. Покровскій. „Культурное болото“. Тюрканъ, „Генеральша Бонопартъ“. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 6, отд. „Нов. кн.“.

246. Случайныя замѣтки. Изъ исторіи одной провинціальной газеты. (подп. О. Б. А.) Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмановой. Новые возражатели. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 6.

247. Случайныя замѣтки. Курскій проектъ устраненія желтой опасности. (подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.“, 1904 г., № 7.

248. Памяти А. П. Чехова. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 7. („Отошедшіе“, см. № 350).

249. О сборникахъ „Знанія“ за 1903 г. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 8.

250. Пшибышевскій, «Homo sapiens». Красинскій, «Иридіонъ». „Русск. Бог.“, 1904 г., № 9, отд. „Нов. кн.“.

251. Случайныя замѣтки. Г. Скабичевскій и освобожденіе отъ журналовъ. Возраженіе г. Лапидуса (подп. О. Б. А.). „Русск. Бог.“, 1904 г., № 9.

252. Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 11, стр. 48—71. („Отошедшіе“. см. № 350. Заграничныя изданія: изд. фонда Вольной русской прессы, Лондонъ, 1894 г.; изд. Гуго Штейница, „Собраніе лучшихъ русскихъ произвед.“, ч.101, Берлинъ, 1904 г.).

253. Случайныя замѣтки. „Тѣнь Сморгунера“. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 11, стр. 264—269.

254. Тенеромо, «Катастрофа». Мошинъ, „Ясная Поляна“. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 11, отд. „Нов. кн.“.

255. Соллогубъ, «Книга сказокъ». „Русск. Бог.“, 1904 г., № 12, отд. „Нов. кн.“.

256. Случайныя замѣтки. Еще о дѣлѣ генерала Ковалева. Заарестованіе человѣчьяго голоса. Кн. Мещерскій и покойные министры. Два слова о привычкѣ лгать. (Подп. — Вл. Кор. и О. Б. А.). „Русск. Бог.“, 1904 г., № 12, стр. 148—161.

257. Случайныя замѣтки. Новая „Ковалевщина“ въ Костромѣ. В. И. Ковалевскій о семейномъ началѣ въ Двор. банкѣ. Продолженіе дѣла Ковалева и Забусова, Гомельская судебная драма. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 1. (Подп.—Вл. Кор. и О. Б. А.).

258. 9 января въ Петербургѣ. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 1, отд. „Хроника внутр. жизни“, стр. 166.

259. Случайныя замѣтки. А. И. Черепъ-Спиридовичъ. Откровенныя изліянія кн. Мещерскаго (подп. О. Б. А.). Нѣсколько словъ о клеветническомъ патріотизмѣ. Благословенный уголокъ. Скромный юбилей. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 2.

260. Случайныя замѣтки. Нѣкоторыя проявленія полицейскаго могущества (подп.—В. К.). Еще о Черепъ-Спиридовичѣ, спасителѣ отечества. Дворян. Обтяжновъ и крест. Шеламаевъ (подп. О. Б. А.). Поэзія и проза Д. Ѳ. Кобеко. Телеграфное недоразумѣніе. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 3.

261. Случайныя замѣтки. Націонализмъ, гуманность, нагайка война. О вѣротерпимости, объ урядникѣ Заичкѣ и о крестьянинѣ Ольховикѣ. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 4, с. 152.

262. Холерный карантинъ на девяти-футов. рейдѣ (страничка недавняго прошлаго). „Русск. Бог.“, 1905 г., № 5.

263. Случайныя замѣтки. Изъ воспоминаній о Чернышевскомъ. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 6. („Отошедшіе“, см. № 350).

264. Командировка. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 9. (Отд. изд.— подъ загл. „Чудная“,—„Донск. Рѣчи“. Рост. н/Д., 1905 г., 19 стр.; вмѣстѣ съ разск. „Въ ночь подъ свѣтл. праздн.“ и „Старый звонарь“—см. выше; заграничн. изданія подъ загл. „Чудная“—изд. фонда вольной русской прессы, в. 5, Лондонъ, 1893 г.; изд. Іоанна Рэде, Берлинъ (Веймаръ), 1903 г.; изд. П. А. Куклина, „Библ. русск. пролет.“, № 43.

Женева, 1904 г.; вмѣстѣ съ очерками Горькаго и Толстого, изд. Гуго Штейница, „Собр. лучш. русск. произвед.“, ч. 71, Берлинъ, 1903 г. Нелегальные гектографич. изд. безъ означ. мѣста и времени и безъ озн. мѣста, 1900 г.).

265. Случайныя замѣтки. „Морской штабъ на мирномъ положеніи“. (Подп.—О. Б. А.). „Русск. Бог.“, 1905 г., № 9, стр. 162—165.

266. О свободѣ печати. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 11—12, стр. 195—207.

267. Современныя картинки. „Русск. Бог.“, 1905 г., № 11—12, стр. 357. („Полтавщина“, 1906 г., № 5).

268. На станціи Огульцы. „Полтавщ.“, 1905 г., 13 февр.

269. „Домъ № 13“. Изд. Раппа и Потапова, Харьковъ, 1905 г. 32 стр.; (изд. „Задруга“, П-градъ, 1917 г., 16 стр.; загран. изданія: изд. Іоанна Рэде, Берлинъ (Лейпцигъ), 1904 г.; вмѣстѣ со статьями М. Горькаго и Л. Толстого, изд. Гуго Штейница, „Собр. лучш. русск. произв.“, ч. 75, Берлинъ, 1904 г.; изд. безъ обознач. мѣста печат., 1903 г.).

270. О свободѣ печати (разговоръ). Сборникъ „Въ защиту слова“, Спб., 1905 г.

271. Объ изданіи сочиненій Герцена. „Кіевскіе Откл.“, 1905 г., № 12.

272. Корреспонденція изъ Полтавы. „Русск. Вѣд.“, 1905 г., № 49.

273. Педагогическая политика (письмо изъ Полтавы). „Русск. Вѣд.“, 1905 г., № 51.

274. Письмо въ редакцію. „Русск. Вѣд.“, 1905 г., № 72.

275. Современное положеніе и печать. „Право“, 1905 г., № 14, стр. 1063—1070.

276. Отвѣтъ г. г. протестантамъ (отъ редакціи). „Полтавщина“, 1905 г., № 55.

277. Трагедія Ковалева и нравы военной среды. „Русск. Вѣд.“, 1905 г., №№ 204 и 211.

278. О дѣловитости и о партіяхъ. „Полтавщина“, 1905 г., № 224,

279. Нѣчто о смѣлости. „Полтавщ.“, 1905 г., № 231.

280. Не изволятъ обращать вниманія. „Полтав.“, 1905 г., № 236.

281. Къ вопросу объ участіи въ Госуд. Думѣ. „Полтавщ.“, 1905 г., № 248.

282. С. Ю. Витте и Мещерскій. „Полтавщ.“, 1905 г., № 251.

283. Случайная замѣтка. „Полтавщина“, 1905 г., № 253.

284. Передовыя статьи въ „Полтавщинѣ“, 1905 г., №№ 255, 257, 258, 263, 264, 267.

285. Отдѣлъ „Печать“ въ „Полтавщинѣ“, 1905 г., №№ 246, 250, 252, 263.

286. Отъ редакціи. „Полтавщ.“, 1905 г., № 264.

287. „Залежи“. „Полтавщ.“, 1905 г., № 261.

288. Петербургскій день. „Полтав.“, 1905 г., № 262.

289. „Полтавскому Вѣстнику“. „Полтавщ.“, 1905 г., № 263.

289а. Событія 18 октября въ Полтавѣ. „Полтавщ.“, 1905 г., № 264.

290. Признаки умиротворенія. „Полтавщина“, 1905 г. № 265.

291. Бѣглыя замѣтки (изъ дневника). „Полтавщина“, 1905 г., № 265.

292. Бѣглыя замѣтки. II. Слушатель извозчикъ. „Полтавщина“, 1905 г., № 266.

293. Два юриста. „Полтавщ.“, 1905 г., № 267.

294. Первое министерство. „Полтавщ.“, 1905 г., № 268.

294a. Pro domo. „Полтавщ.“, 1905 г., № 268.

295. Что у насъ было и что должно быть? „Полтавщ.“, 1905 г., №№ 269 и 270.

296. Новый невѣрный слухъ, 1905 г. (Издано отдѣльно).

297. Призывъ В. Г. Короленка, 1905 г. (Издано отдѣльно).

298. Христіанамъ и евреямъ г. Полтавы, 1905 г. (Изд. отдѣльно).

299. Бѣглыя замѣтки: Письма къ жителю городской окраины. „Полтавщ.“, 1905 г., №№ 272, 276, 280, 289, 290. (Отд. изд.: ред. „Русск. Бог.“, Спб., 1906 г., 23 стр.; изд. Подъяпольскаго, Саратовъ, 1906 г., 12 стр., подъ загл. „Къ жителямъ городскихъ окраинъ. Письма“).

300. Отъ редакціи къ письму Нестерова. „Полтавщ.“, 1905 г., № 273.

301. Къ инциденту Скрыпн. „Полтавщ.“, 1905 г., № 275.

302. Запоздалая поправка. „Полтавщ.“, 1905 г., № 279.

303. Вынужденное объясненіе. „Полтавщ.“, 1905 г., № 281.

304. В. В. Лесевичъ. Некрологъ. „Полтав.“, 1905 г., № 283.

305. Первые опыты крестьянскихъ собраній. „Полтавщ.“, 1905 г., № 284.

306. Щемиловка. „Полтав.“, 1905 г., № 284.

307. Чиновники (фельетонъ). „Полтав.“, 1905 г., № 287.

308. Къ обществу (отъ редакціи). „Полтав.“, 1905 г., № 288.

309. Петербургъ смѣется. „Полтавщ“, 1906 г., № 1.

310. Открытое письмо къ ст. сов. Филонову. „Полтавщина“, 1906 г., № 8.

311. Исторія моего современника. „Соврем. Записки“, 1906 г., № 6, стр. 109, „Современность“, 1906 г., № 3, стр. 133, № 4, стр. 1, „Русск. Бог.“, 1906 г., № 5, стр. 169, 1907 г., № 1, стр. 201, 1908 г., № 2, стр. 161, № 3, стр. 193, № 8, стр. 192, № 10, стр. 177, 1910 г., № 1, стр. 190, № 2, стр. 257. („Голосъ Волыни“, 1907 г., №№ 103, 105, 108, 116; „Вѣстн. Волыни“, 1907 г., № 8; отд. изд.—ч. I „Раннее дѣтство и годы ученія“, изд. „Русск. Бог.“, Спб., 1909 г, изд. 2-ое, Спб., 1911 г., IV+469 стр.).

312. Наши „государственные люди“ и новый гулльскій инцидентъ. „Совр. Зап.“, 1906 г., № 1.

313. Къ полтавской трагедіи. „Совр. Зап.“, 1906 г., № 1, стр. 156.

314. Бѣдовый г. Иваненко. „Полтавщ.“, 1906 г., № 29.

315. Письма изъ Петербурга. „Полтавщ.“, 1906 г., №№ 34, 39, 40, 44, 47, 49, 49б, 50.

316. Отъ нашего корреспондента. „Полтавщ.“, 1906 г., № 38, 49, 52.

317. Къ дѣлу В. Г. Короленко. „Полтавщ.“, 1906 г., № 40.

318. Къ убійству Филонова. „Полтавщ.“, 1906 г., № 44.

319. Лживые извѣты. „Полтавщ.“, 1906 г., № 53.

320. Замѣчательная политическая рѣчь. „Кіевск. Вѣстникъ", 1906 г., № 53.

321. Единство кабинета или тайны мин. вн. дѣлъ. Г. Грингмутъ и его друзья. Возвращеніе ген. Куропаткина. „Современность", 1906 г., № 3.

322. Мимоходомъ. Историческая справка. Забота добраго пастыря о грѣшной паствѣ. Два памятника. „Современность", 1906 г., № 4.

323. Е. Мимичъ, „Очерки, разск. и стихотв.". Рыжковъ, „Денщики". „Соврем.", 1906 г., № 4, отд. „Нов. кн."

324. Дознаніе. „Полтавщ.", 1906 г., № 109.

325. Разговоръ двухъ чиновниковъ. „Полтавщ.", 1906 г., № 115.

326. Рѣчь великаго раввина. „Черноземъ", 1906 г., № 5.

327. Судебная рѣчь В. Г. Короленко. „Русск. Бог.", 1906 г., № 5, стр. IX—XVI.

328. Нашимъ читателямъ. „Русск. Бог.", 1906 г., № 5.

329. Вмѣсто хроники. (Впечатлѣнія изъ трибуны журналистовъ). „Русск. Бог.", 1906 г., № 5, стр. 138.

330. По поводу письма В. В. Воронцова. „Русск. Бог.", 1906 г., № 9.

331. Признаки украинской колонизаціи на Уралѣ. „Кіевск. стар.", 1906 г., іюль—авг. (отдѣл. оттискъ—Кіевъ, 1906 г., 7 стр.).

332. Договоръ монастыря со снѣцаремъ. „Кіевск. Старина", 1906 г., іюль—авг.

333. Слова—министра. Дѣла—губернаторовъ. „Русск. Вѣд.", 1906 г., № 265, (отд. изд.—Полтава, 1906 г.).

334. Викторъ Александровичъ Гольцевъ. „Русск. Бог.", 1906 г., № 12 („Сборн. памяти Гольцева", М., 1910 г.).

335. Кореспонденціи изъ Полтавы. „Русск. Вѣд.", 1906 г., №№ 188, 200. 207, 235, 257, 258, 272; 1907 г., №№ 11, 22 и 219.

336. Дѣло Гау (письмо изъ Германіи). „Кіев. Вѣстн.", 1907 г., № 61.

337. Анзиміровъ, „Крамольники". „Русск. Бог.", 1907 г., № 2, отд. „Нов. кн.".

338. Случайныя замѣтки. К. Побѣдоносцевъ и В. И. Аскоченскій, Любители пыточной археологіи. „Русск. Бог.", 1907 г., № 3, стр. 133.

339. Г. Б. Іоллосъ. „Русск. Бог." 1907 г., № 3, стр. 154.

340. А. И. Богдановичъ. „Русск. Бог.", 1907 г., № 3, стр. 149 Сборн. „Переломы", СПБ,, 1908 г.).

341. Сорочинская трагедія. (По даннымъ судебнаго разслѣдованія). „Русск. Бог.", 1907 г., № 4, стр. 172 (отд. изд.—ред. „Русск. Бог.", СПБ., 1907 г., 82 стр.)

342. Случайныя замѣтки. Кн. Мещерскій—прогрессистъ. (Подп. О. Б. А.). Съ экзаменами... безъ экзаменовъ... „Русск. Бог.", 1907 г., № 4.

343. Случайныя замѣтки. О томъ же предметѣ. (Подп. О. Б. А.). Господа дуэлянты. „Русск. Бог.", 1907 г., № 5.

344. Г. Чулковъ. «Тайга». „Русск, Бог.", 1907 г., № 5, отд. «Нов. Книги».

345. Интересное завѣщаніе. „Кіев. Вѣстн.", 1907 г., № 142.
346. Наилучшія рекомендаціи. „Кіев. Курьеръ", 1907 г., № 50.
347. Изъ разсказовъ о встрѣчныхъ людяхъ: I. Садовникъ Емельянъ. II. Рыбакъ Ничипоръ. „Русск. Бог.", 1907 г., № 11.
348. Случайныя замѣтки. Старый знакомый. „Русск. Бог.", 1908 г., № 1, стр. 204.
349. О латинской благонадежности. „Русск. Вѣд.", 1908 г., № 137.
350. Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд.ред. „Русск. Бог.", СПБ., 1908 г., 120 стр. (2-ое изд. СПБ., 1910 г., 122 стр.)
351. Покушеніе на ген. Баранова въ 1890 г. „Минув. годы", 1908 г. № 8, стр. 159—170.
352. Л. Н. Толстой. „Русск. Бог.", 1908 г., № 8, стр. 125.
353. Л. Н. Толстой. „Русск. Вѣд.", 1908 г., № 199.
354. Памяти В. Н. Снѣжневскаго. «Дѣйствія Нижег. арх. ком. Сборн. статей, сообщеній, описей и документовъ», т. VII, Н.-Новг., 1908 г., стр. 17.
355. Рѣчи по погромнымъ дѣламъ. Вып. II. Съ предисловіемъ В. Г. Короленко. Изд. Д. Н. Тягая, Кіевъ, 1908 г.
356. Стереотипное въ жизни русскаго писателя. „Кіев. Вѣсти", 1909 годъ, № 6.
357. Декларація В. С. Соловьева. „Русск. Вѣд.", 1909 г., № 20. „Разсвѣтъ", 1909 г., № 5, стр. 8—10).
358. Къ исторіи провокаціи. „Русск. Вѣд.", 1909 г., № 21.
359. Губернаторское благодушіе. „Русск. Вѣд.", 1909 г., № 74.
360. Газета, администрація и судъ. „Русск. Вѣд.", 1909 г., № 83.
361. Трагедія писателя (нѣсколько мыслей о Гоголѣ). „Русск. Бог.", 1909 г., № 4, стр. 143—185 и № 5, стр. 160—172.
362. Смерть Б. Н. Леонтьева. „Кіевск. Вѣсти", 1909 г., № 94.
363. Административная услуга памяти Гоголя. „Русск. Вѣд.", 1909 г., № 95.
364. Адвентисты въ Полтавѣ. „Кіевск. Вѣсти", 1909 г., № 275.
365. Обида маленькихъ людей. „Кіев. Вѣсти", 1909 г, № 288.
366. Къ пятидесятилѣтію литературнаго фонда. „Русск. Бог.", 1909 г., № 11, стр. 166.
367. Два памятника Гл. Успенскому. „Русск. Бог.", 1909 г., № 11, стр. 173.
368. Наши на Дунаѣ. „Русск. Бог.", 1909 г, № 12, стр. 190.
369. На Свѣтлоярѣ. „Юбилейный сборникъ литературн. фонда", Спб., 1910 г.
370. Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ. „Исторія русск. литературы 19 в.", подъ редакціей Овсянико-Куликовскаго, М., 1910 г., т. IV, стр. 335—361.
371. Курьезы педагогической канцелярщины. „Русск. Вѣд.", 1910 г., № 13.
372. Еще о педагогическихъ курьезахъ. „Кіев. Вѣсти", 1910 г., № 28.
373. Благонадежный плагіатъ. „Кіевск. Вѣсти", 1910 г., № 40.

374. Бытовое явленіе. „Русск. Бог.“, 1910 г., № 3, стр. 49—71, № 4, стр. 139—164. (Отд. изд. ред. „Русск. Бог.“, Спб., 1910 г., 84 стр.; загранич. изд. Bühnen—und Buchverlag russicher Autoren I. Ladyschnikoff, Berlin (Leipzig), безъ означ. года).

374а. Письмо въ редакцію. „Пробужденіе“, 1910 г., № 12.

375. Дѣло Глускера. „Русск. Бог.“, 1910 г., № 7.

376. Черты военнаго правосудія. „Русск. Бог.“, 1910 г., № 10.

377. 9 ноября 1910 г. „Русск. Вѣд.“, 1910 г., № 263.

378. С. Н. Южаковъ. „Русск. Бог.“, 1910 г., № 12.

379. Письма къ Гольцеву. Сборникъ „Памяти Гольцева“, М., 1910 г.

380. Въ успокоенной деревнѣ. „Русск. Вѣд.“, 1911 г., № 27.

381. Изъ дорожныхъ разговоровъ. „Русск. Вѣд“, 1911 г., № 28.

381а. Корреспонденція изъ Сердобскаго уѣзда. „Русс. Вѣд.“, 1911 г., № 41.

382. Легенда о царѣ и декабристѣ. Страничка изъ исторіи освобожденія. „Русск. Бог.“, 1911 г., № 2, стр. 113.

383. Къ чертамъ военнаго правосудія. (Дополненія и поправки). „Русск. Бог.“, 1911 г., № 3, стр. 161—171.

384. Еще къ чертамъ военнаго правосудія. „Русск. Бог.“, 1911 г., № 7, стр. 87—101.

385. Одинъ случай. „Рѣчь“, 10 апрѣля 1911 г.

386. Церковный кризисъ (письмо изъ Румыніи). „Русск. Вѣд.“, 1911 г., № 156.

387. Даръ Толстовскому музею. „Русск. Вѣд.“, 1911 г., № 198.

388. Памяти замѣчательнаго русскаго человѣка. „Русск. Вѣд.“, 1911 г., № 199.

389. И. Н. Присецкій (некрологъ). „Русск. Вѣд.“, 1911 г., № 212.

390. По поводу кроваваго извѣта (письма въ редакцію). „Рѣчь“, 1911 г., №№ 332 и 340 и въ др. газетахъ.

391. Къ вопросу о ритуальныхъ убійствахъ. „Русск. Бог.“, 1911 г., № 12, стр. 165—186.

392. Истязательская оргія. „Рѣчь“, 1911 г., № 347.

393. Ликвидація псковской голодовки. „Рѣчь“, 1911 г., № 351.

394. О „Россіи“ и о революціи. „Рѣчь“, 1911 г., № 353.

395. Письмо въ редакцію. „Русск. Слово“. 1911 г., 11 дек.

396. Русская пытка (Историческій очеркъ). „Русск. Бог.“, 1912 г., № 1, стр. 127—146, № 3, стр. 199—224.

397. Герой повѣсти Л. Н. Толстого. „Русск. Бог.“, 1912 г., № 2, стр. 28—34.

398. Кто виноватъ. (Нѣсколько словъ „Русскому Инвалиду“). „Русск. Бог.“, 1912 г., № 6, стр. 130—145.

399. И. А. Гончаровъ и „молодое поколѣніе“. (Къ столѣтней годовщинѣ рожденія). „Русск. Бог.“, 1912 г., № 6, стр. 166—176.

400. О Н. Ф. Анненскомъ. „Русск. Бог.“, 1912 г., № 8, стр. I—XI.

401. Доказательство отъ противнаго. «Русс. Вѣд.», 1912 г., № 97.

402. Крестъ и полумѣсяцъ. «Русс. Вѣд.», 1912 г., № 269.

403. Турчинъ и мы. «Русск. Бог.», 1913 г., № 5, стр. 205—233.

404. Третій элементъ. (Памяти Н. Ф. Анненскаго). „Русск. Бог.", 1913 г., стр. 260—275.

405. В. М. Соболевскій. Некрологъ. „Русск. Бог.", 1913 г., № 6, стр. 340—343.

406. О судѣ, о защитѣ, о печати. (По поводу одной книги). «Русск. Бог.», 1913 г., № 8, стр. 278—290.

407. Письмо въ редакцію. „Русск. Бог.", 1913 г., № 10, стр. 400.

408. Еще одна ритуальная сказка. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 32.

409. Гг. Полтавскіе губернаторы. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 56.

410. Эпизодъ. (Памяти В. М. Соболевскаго). „Русс. Вѣд.", 1913 г., № 111. («Русс. Вѣд. 1863—1913 г.» сб. статей, М., 1913 г., стр. 154—159).

411. Новая версія въ дѣлѣ Бейлиса. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 144.

412. Нѣсколько мыслей о парламентскихъ дуэляхъ. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 157.

413. О черныхъ кабинетахъ и перлюстраціяхъ. „Русс. Вѣд." 1913 г., № 174.

414. На Лукьяновкѣ. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 242.

415. Экспертъ Сикорскій. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 242.

416. «Кіевлянинъ» и дѣло Бейлиса. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 245.

417. Изъ залы суда. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 247.

418. Господа присяжные засѣдатели. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 248 и прил. къ № 248.

419. «Присяжные отвѣтили...». «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 249.

420. Послѣ приговора. «Русс. Вѣд.», 1913 г., № 251.

421. Черточка изъ автобіографіи. „Русск. Вѣд. 1863—1913 г.", сб. статей, М., 1913 г., стр. 309—312.

422. Н. К. Михайловскій. „Русск. Бог.", 1914 г., № 1, стр. 203—212.

423. Въ пустынныхъ мѣстахъ. „Русск. Бог.", 1914 г., № 5, стр. 5—33 (I. Ветлуга. II. Пріемышъ. III. На Сѣжѣ); № 6, стр. 170—218 — (IV. По Керженцу. „Городинка". V. По Керженцу. Въ Оленевскомъ скиту и у единовѣрцевъ. VI. Ночная буря. Лѣсные люди. VII. На кордонѣ. Лѣсная пустыня. Волга).

424. Искушеніе (страничка изъ прошлаго). „Русск. Бог.", 1914 г. № 7, стр. 1—30.

425. Съ двухъ сторонъ. (Разсказъ моего знакомаго). „Русск. Записки", 1914 г., № 1, стр. 1—88.

426. **Полное собраніе сочиненій В. Г. Короленко.** Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, Спб., 1914 годъ. Приложеніе къ журналу «Нива» за 1914 г.

Т. I. Сонъ Макара.—Яшка.—Убивецъ.—Соколинецъ.—Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Феодалы.—Л. Н. Толстой. Статья I.—Л. Н. Толстой. Статья II.—О Г. И. Успенскомъ.—Воспоминанія о Чернышевскомъ.—А. П. Чеховъ.—В. М. Гаршинъ.

Заставы. Дѣло Жиденева. Толки печати о приговорѣ по дѣлу г. Жиденева. Слова—министра. Дѣла—губернаторовъ. А. И. Черепъ-Спиридовичъ. Любители пыточной археологіи. Нѣкоторыя проявленія полицейскаго всемогущества. Одинъ случай.

Т. іХ. Не страшное.—Птицы небесныя.—Въ Крыму.—Ударъ Господень. — Современныя картинки. — Историческія замѣтки и воспоминанія: Покушеніе на ген. Баранова въ 1890 г. Легенда о царѣ и декабристѣ. Къ исторіи отжившихъ учрежденій. Отголоски политическихъ переворотовъ въ уѣздномъ городѣ XVIII вѣка. Русская пытка въ старину.—Изъ текущей жизни: Въ успокоенной деревнѣ. Истязательская оргія. О „Россіи" и о революціи. Ликвидація псковской голодовки.—Къ еврейскому вопросу: Домъ № 13. „Декларація" В. С. Соловьева. Къ вопросу о ритуальныхъ убійствахъ. О погромныхъ дѣлахъ. На Лукьяновкѣ. Бейлисъ и мултанцы.—Библіографическія замѣтки и рецензіи: И. А. Гончаровъ и „молодое поколѣніе". А. Конторовичъ, Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Житейскій задачникъ для дѣтей Мандрыки. Кузька—мордовскій богъ. Танъ, Чукотскіе разсказы. А. Серафимовичъ, Очерки и разсказы. А. И. Скребицкій, Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ. В. П. Буренинъ, Театръ. Н. Тимковскій, Повѣсти и разсказы. Ст. Пшибышевскій, Homo sapiens. Красинскій, Иридіонъ. Г. Чулковъ, Тайга. „Сѣверные сборники".—Эпизоды изъ жизни „искателя".

428. Очерки и разсказы. Кн. IV-ая. Изд. ред. „Русск. Бог.", ПГ., 1915 г., 437 стр.

429. Очерки и разсказы. Кн. V-ая. Изд. ред. „Русск. Бог.", ПГ., 1915 г., 408 стр.

430. Мнѣніе мистера Джаксона о еврейскомъ вопросѣ. Литературный сборникъ „Щитъ", М., 1915 г., с. 198—205 („Русс. Зап.", 1915 г., № 8, стр. 182—188).

431. Письмо В. Г. Короленко. „Русск. Зап.", 1916 г., № 3, стр. 336—8.

432. Отвоеванная позиція. «Русс. Вѣд.», 1915 г., № 47.

433. Письмо въ редакцію. «Русс. Вѣд.», 1915 г., № 241.

434. Старыя традиціи и новый органъ. „Русск. Зап.", 1916 г., № 8, стр. 249—256.

435. Случайныя замѣтки. Вѣра отцовъ. „Русск. Зап.", 1916 г., № 9, стр. 297—303.

436. Случайныя замѣтки. I. Котляревскій и Мазепа. II. Уголокъ Галиціи въ Ростовѣ-на Дону. „Русск. Зап.", 1916 г., № 10, стр. 284—296.

437. Случайныя замѣтки. Опытъ ознакомленія съ Россіей. „Русск. Зап.", 1916 г., № 12, стр. 252—263.

438. Заточеніе гр. Шептицкаго. „Русск. Вѣд.", 1916 г., № 246.

439. О капитанѣ Кюнекѣ. „Русск. Вѣд.", 1916 г. № 258.

440. Печатный станокъ и пишущая машина. „Русск. Вѣд.“, 1916 г., № 289.

441. О навѣтѣ противъ евреевъ. Статьи М. Горькаго и В. Короленко. Женева, 1916 г.

442. Письмо въ редакцію. „Русс. Вѣд.“, 1916 г., прил. къ № 60.

443. Вмѣсто вступленія (къ „автобіографіи—исповѣди“ Ив. Горячева). „Русск. Зап.“, 1917 г., № 1, стр. 191—2.

444. Случайныя замѣтки. Изволятъ забавляться. „Русск. Зап.“, 1917 г., № 1, стр. 289—292.

445. Плѣнные. „Русск. Зап.“, 1917 г., № 2—3, стр. 344—350.

446. Кризисъ. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 2.

447. Еще о странной мѣрѣ. (Письмо въ редакцію). „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 16.

448. Новѣйшая русская исторія по В. И. Шульгину. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 22.

449. Родина въ опасности. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 58.

450. Письмо въ редакцію. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 114.

451. Паденіе царской власти. Рѣчь простымъ людямъ о событіяхъ въ Россіи. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., №№ 97, 98, 99 (отд. изд,—издат. „Народоправство“, М., 1917 г., 39 стр.; „Задруга“, ПГ., 1917 г., серія „Свободный народъ“ № 41, 29 стр.; издат. „Звѣзда“ Н. Н. Орфенова, М., 1917 г., 32 стр.; изд. „Задруга“, М., 1917 г., 32 стр.; т-ва „Нужды деревни“, ПГ., 1917 г., 24 стр.; Всеросс. Земск. союза к-та юго-зап. фронта, Кіевъ, 1917 г., 47 стр.; издат. „Освобожденная Россія“, ПГ., 1917 г., 32 стр.).

452. Письмо въ редакцію. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 114.

453. Письмо въ редакцію. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 136.

454. Побольше честности. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 151.

455. Къ городскимъ выборомъ. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 152.

456. Открытое письмо В. Л. Бурцеву. „Русск. Вѣд.“, 1917 г. № 184.

457. Война, отечество и человѣчество. (Письма о вопросахъ нашего времени). „Русск. Вѣд.“, 1917 г., №№ 186, 188, 191, 194 и 196. (Отд. изд. — Всерос. центр. союза потребит. обществъ. М., 1917 г., „Библіотека Гражданина“ № 10, 29 стр.; изд. „Книгоиздат. писат. въ Москвѣ“, М., 1917 г., „Культурно—просвѣт. библіотека“ № 5, 55 стр.)

458. Торжество побѣдителей. „Русск. Вѣд.“, 1917 г., № 265.

459. Телеграмма № 1. Изд. „Освобожденіе Россіи“, ПГ., 1917 г., 1 стр.

460. Защищайте свободу. Сборн. статей „Нужна ли война“, изд. „Народоправство“, М., 1917 г., стр. 1—5.

461. Грѣхъ и стыдъ. „Свободная Мысль“ (газета, изд. въ Полтавѣ), 1918 г., № 24 (2 апрѣля).

462. Два отвѣта. „Наша Мысль“ (газета, изд. въ Полтавѣ), 1918 г., № 10 (5 апрѣля); тамъ же письмо въ редакцію.

463. Характерное. „Наша Мысль“ (газета, изд. въ Полтавѣ), 1918 г., № 30 (28 апрѣля).

II.

Литература о В. Г. Короленко.

I.

1. Большая энциклопедія подъ ред. С. Южакова, т. XI, стр. 367—369.

2. Энциклопедическій словарь, изд. Т-ва Гранатъ, т. XXV; стр. 235—9, Ст: И. Игнатова, и прилож. къ тому-же словарю.

3, Энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона, т. XVI, стр. 314—16, ст. С. А. Венгерова.

4. Новый энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона, т. XXII, стр. 822—9, ст. С. А. Венгерова.

5. Еврейская энциклопедія, т. IX, стр. 771, ст. А. Пресса.

6. С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. III, ПТГ., 1914 г., стр. 189—191.

7. И. В. Владиславлевъ, Русскіе писатели XIX—XX ст., изд. 3, М., 1918 г., стр. 55—58.

8. Русскіе писатели въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ подъ редакціей К. Л. Оленина, стр. 661—666.

9. Скирмунтъ. Галлерея русскихъ писателей, с. 471—3.

10. Словарь членовъ О-ва любителей русской словесности при Московскомъ Университетѣ, стр. 146—7.

11. А. В. Мезіеръ, Русская словесность съ XI по XIX ст., ч. II, стр. 149—150.

12. „Русскія Вѣдомости 1863—1913“, сборникъ статей, М., 1913 г., стр. 91—93.

---

13. С. Надсонъ, Литературные очерки, Спб., 1887 г., стр. 167—178, 181—182.

14. Г., Литературныя явленія, пропущенныя нашей критикой. „Южн. Край“, 1887 г., №№ 2281, 2288, 2294, 2300, 2307.

15. К. Арсеньеаъ, Новыя литературныя силы. В. Короленко. „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., № 3, стр. 285—301. (Критическіе этюды о русской литературѣ, М., 1888 г., т. II, стр. 187—205.)

16. Л. (Оболенскій), Разборъ сочиненій Вл. Короленко, „Русск. Бог.“, 1887 г., № 1.

17. Е. Гаршинъ, Критическіе опыты, Спб., 1888 г., стр. 125, 134, 170, 203.

18. Д. Мережковскій, Разсказы В. Короленко, „Сѣв. Вѣстникъ“, 1889 г., № 5, отд. II, стр. 1—29. (Отзывъ о статьѣ—„Русск. Мысль“, 1889 г., № 8, библіогр. отд., стр. 372—4).

19. А. Б., Критическія замѣтки, „Міръ Бож.“, 1889 г., № 12.

20. В. Гольцевъ, Замѣтки о современномъ романѣ. „Русск. Мысль“, 1891 г., № 7, стр. 49.

21. А. Скабичевскій, Исторія новѣйшей русской литературы, СПБ, 1891, гл. XXII, с. 409—412 (Изд. 7-ое, Спб., 1909 г., стр. 407).

22. М. Протопоповъ, Письма о литературѣ, „Русск. Мысль“, 1891 г. № 9, стр. 131—134.

23. **А. Волынскій**, Литературныя замѣтки, „Сѣв. В.“, 1891 г., № 11, стр. 134, 1892 г., № 2, стр. 170.

24. **А. Введенскій**. Современные литературные дѣятели, В. Г. Короленко. „Ист. В.“, 1892 г., № 11, стр. 398—412.

25. **Н. Михайловскій**, Литература и жизнь, „Русск. Мысль“, 1892 г., № 5, стр. 142.

26. **Д. Мережковскій**, О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ русской современной литературы, Спб., 1893 г.

27. **Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ)**, В. Г. Короленко. Критическій этюдъ. „Русск. Обозр.“, 1893 г., № 1, стр. 273—312, № 2, стр. 828—859 № 4, стр. 901--941. (Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко, Критич. этюдъ, М. 1893 г.)

28. **Н. Михайловскій**, Русское отраженіе французскаго символизма, „Русск. Бог.“, 1893 г., № 2, стр. 62—68.

29. **В. Гольцевъ**, В. Г. Короленко. Опытъ литературной характеристики. „Артистъ“, 1895 г., № 45.

30. **Н. Михайловскій**, Литература и жизнь, „Русск. Бог.“, 1895 г., № 5, стр. 100—102.

31—32. **И. К—овъ**, В. Г. Короленко (литерат. характеристика), „Енисей“, 1897 г., № 141.

33. **И—т.**, «Русск. Вѣд.», 1897 г., № 350.

34. **К. Головинъ**, Русскій романъ и русское общество, Спб., 1897 г., ч. IV, гл. III.

35. **Ѳ. Батюшковъ**, На разстояніи полувѣка (Короленко и Чеховъ), 1898 г.

36. **А. И.**, «Моск. Вѣд.», 1898 г., № 254.

37. **Л. Сѣдовъ**, Дѣти въ разсказахъ Короленко, «Вѣстн. Воспит.», 1898 г., № 3, стр. 22—53.

38. **А. Скабичевскій**, «Сынъ Отеч.», 1898 г., №№ 1 и 59.

39. **В. Преображенскій**, «Одесск. Нов.», 1898 г., № 4200.

40. **М. Плотниковъ**, Вл. Короленко. Характеристика. «Образов.», 1898 г., № 10, стр. 20—34.

41—42. **Excelsior**, «Спб. Вѣд.», 1898 г., № 129.

43. **Ц. Балталонъ**, Литературныя бесѣды. Пособіе для литерат. и письмен. работъ, М., 1899 г. (изд. 9-е—М., 1912 г.).

44. **Ѳ. Батюшковъ**, Крестьяне у Чехова и Короленко, Сборн. «Памяти Бѣлинскаго», М., 1899 г., стр. 449—485.

45. **Ѳ. Батюшковъ**, О смѣнѣ поколѣній и объ искателяхъ. „Лит. Прил. къ Торг.-Пр. газ.“, 1899 г., №№ 28 и 29.

46. **В. Гольцевъ**, О художникахъ и критикахъ. М., 1899 г., стр. 47-75

47. **Ив. Ивановъ**, Поэзія и правда мировой любви. „Міръ Божій“, 1899 г., № 7, стр. 152-186; № 8, стр. 102-156 (отд. изд. „Міра Бож.“, СПБ. 1899; о немъ рец. „Міръ Бож.“, 1903 г., № 2, «Русс. Мысль». 1899 г., № 9, стр. 352).

48. **Пл. Красновъ**, Новые типы въ современной беллетристикѣ, „Нов. Міръ“, 1899 г., № 1.

49 **Унусъ**, „Восходъ“, 1899 г., № 57., 1900 г., № 1.

50. **А. Архангельскій**, Новый взглядъ на повѣсть. „Слѣпой музыкантъ“ (по поводу реферата Бирюлева), Каз., 1900 г. („Казан. телегр.“, №№ 2394 и 2395.)

51. **Пл. Красновъ**, Молодые беллетристы-академики (Короленко и Чеховъ), „Книж. Нед.“, 1900 г., № 4, стр. 171—183.

52. **Боцяновскій**, Въ погонѣ за смысломъ жизни, „Вѣст. Всем. ист.“, 1900 г., № 7.

53. **В. Буренинъ**, Критическіе очерки, „Нов. Вр.“, 1900 г., №№ 8592, 8784; 1901 г. №№ 9051, 9205; 1909 г. № 12061.

54. **Ѳ. Батюшковъ**, Критич. очерки и замѣтки, СПБ., 1900 г., стр. 80—91.

55. **Аріель**, Жизнь и фантазія, „Курьеръ“, 1900 г., № 23.

56. **Ѳ. Пактовскій**, Идеализмъ въ произвед. Короленко, Казань, 1901 г., 36 стр. („Чтеніе въ Общ. люб. Росс. слов. при Каз. ун.“, 1900 г., кн. IV).

57. **М. Столяровъ**, Новые русскіе новеллисты, Кіевъ, 1901 г., стр. 21—42.

58. **П. Морозовъ**, Русская литература въ XIX в., „Образ.“, 1901 г., № 9.

59. **Г. Гордонъ**, Сіонизмъ и христіане, изд. 2-ое, СПБ., 1902 г.,

60. **Г. Новополинъ**, Въ сумеркахъ литературы и жизни, Харьк., 1902 г. (Отзывъ о книгѣ—**А. Б.**, Критич. замѣт., „Міръ Бож.“, 1902 г., № 10, с. 9).

61. **А. Б.**, Критическіе замѣтки, „Міръ Божій“, 1903 г., № 8, с. 12 и 1904 г., № 1.

62. „Русская Мысль“, 1903 г., № 8, отдѣлъ „Журнал“ обозрѣніе“. с. 217.

63. **Ив. Порошинъ**, В. Г. Короленко, „Сѣв.-зап. слово“, 1903 г., № 1656.

64. **Слово-Глаголь**, Наброски и недомолвки, „Од. Нов.“, 1903 г., № 6031.

65. **Сѣверовъ**, Русская литература, „Новости“. 1903 г., № 71.

66. **А. Уманьскій**, В. Г. Короленко, „Нижегор. листокъ“, 1903 г., № 130.

67. **И. Эйзенботъ**, Евреи въ произведеніяхъ В. Г. Короленко, „Восходъ“, 1903 г., № 46.

68. **А. Волжскій**, Изъ міра литературн. исканій, 1906 г. („Міръ Бож.“, 1903 г., № 7, стр. 1—32).

69. **А.**, В. Г. Короленко, „Журн. для всѣхъ“, 1903 г., № 5.

70. **Н. Ашешовъ**, В. Г. Короленко, „Вѣст. и библ. самообр.“, 1903 г., № 44.

71. **Ю. Альдъ**, Замѣтка о В. Г. Короленко, „Рус. Мысль“, 1903 г., № 8, стр. 162—171. (**Ю. Айхенвальдъ**, Силуэты русскихъ писателей, стр. 1).

72. **Ѳ. Батюшковъ**, Литературные дебюты В. Г. Короленко, „Новости“, 1903 г., № 262.

73. **И. Игнатовъ**, Короленко, „Рус. Вѣд.“, 1903 г., № 163.

74. **Н. Коробка**, Журнальнныя замѣтки, „Образ.“, 1903 г., № 5. стр. 110—116.

75. **Н. Коробка**, „Вѣст. и библ. самообр.“, 1903 г., № 28.

76. Краткій біографическій очеркъ Короленко, „Жур. для всѣхъ“, 1903 г., № 5.

77. **А. В. Луначарскій**. Чему учитъ Короленко? (По поводу 25-лѣтія литерат. дѣятельности), „Образ.“, 1903 г., № 9, стр. 126—169 („Этюды критическіе и полемическіе“, с. 1—36).

78. **В. Гольцевъ**, Дѣти и природа въ произведеніяхъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко, М., 1904 г., 23 стр. (Отзывы объ этой книгѣ: „Всем. Вѣст.“, 1904 г., № 10; „Лит. прил. къ Нивѣ“, 1904 г. №№ 8 и 10).

79. **Е. Дьяконова**, Дневникъ, „Всем. Вѣст.“, 1904 г., № 7, с. 232—4.

80. **Іеромонахъ Михаилъ**, Короленко, СПБ., 1904 г., 14 стр.

81. **Іосифъ Палѣй**, В. Г. Короленко. Значеніе „Слѣпого музыканта“ въ русской литературѣ и цѣль автора, Од., 1904 г., 12 стр.

82. **Батуринскій**, А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. „Всем. Вѣст., 1904 г., № 12, с. 33—44.

83. **Треплевъ**, Молодое сознаніе. М., 1904 г., 54 стр. (о немъ рец.— Ѳ. Батюшковъ, „Міръ Бож.“, 1904 г., № 2, стр. 105—6.).

84. **Ѳ. Батюшковъ**, Короленко, какъ человѣкъ и писатель по его произведеніямъ, СПБ., 1905 г.

85. **Ф. Бѣлявскій**, Передъ разсвѣтомъ: III. В. Г. Короленко. „Слово“) 1905 г. № 270.

86. **А. Савельевъ**, В. Г. Короленко, „Докладъ въ XXXV засѣданіи Нижегород. архивной комиссіи“.

87. **Ч. Вѣтринскій**, Короленко въ Нижнемъ, „Нижегор. сборникъ“, 1905 г., стр. 77—106.

88. **Протопоповъ**, Замѣтки о Короленко, „Нижегор. сборникъ“, 1905 г., стр. 262—282.

89. Неизданныя мысли А. П. Чехова, сообщ. **А. Плещеевъ**, „Петерб. дневн. театр.“, 1905 г., № 9.

90. Отрывки изъ писемъ Чехова, „Изв. кн. маг. т-ва М. О. Вольфъ“, 1905 г., №№ 9 и 10.

91. Новые отрывки изъ писемъ А. Чехова къ А. Н. Плещееву, „Неводъ“, 1905 г., № 1.

92. **Викторъ Русаковъ**, Нерусская кровь въ жилахъ русскихъ, писателей, „Вѣст. лит.“, 1905 г., № 17.

93. **Ан. К-ръ**, Алексѣй Мошинъ, Краткая критико-біографическая замѣтка съ портретомъ писателя. Бесѣда съ В. Г. Короленко и Л. Н. Толстымъ А. Н. Мошина въ комментаріяхъ русской печати, СПБ., 1905 г., 24 стр.

94. **В. Кранихфельдъ**, Журнальные отголоски, „Міръ Бож.“, 1906 г., № 3, стр. 75—8.

95. **С. Венгеровъ**, Очерки по исторіи русской литературы, изд. 2-ое, СПБ., 1907 г., стр. 99—101.

96. **П. Кропоткинъ**, Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Пер. съ англ. В. Батуринскаго, СПБ., 1907 г., стр. 332, 367.

97. **В. В. Шульгинъ**, Писатель. Посвящается В. Г. Короленко, СПБ., 1907 г., 16 стр.

98. **К. Чуковскій**, О Вл. Короленко, „Рус. Мысль“, 1908 г., № 9, стр. 126—140.

99. **Васюковъ**, Былые дни и годы, „Ист. Вѣст.“, 1908 г., № 6, стр. 867—70, 882; № 10. стр. 98—99.

100. **Я. Ктитаревъ**, Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ, 1909 г., стр. 215—228.

101. **Н. Мендельсонъ**, Очерки по исторіи русской литературы, М., 1909 г., стр. 237—243.

102. **Ptyx**, Обзоръ журналовъ, „Вѣсы“, 1909 г., № 1.

103. **Россіевъ**, На Украйнѣ, „Ист. Вѣст.“, 1909 г., № 6, стр. 914—919.

104. **А. Измайловъ**, На отмели, „Бир. Вѣд.“, 1909 г., № 11469.

105. **А. Мощанскій**, В. Г. Короленко, „Русс. школа“, 1909 г., № 3—4, стр. 36.

106. **А. Пругавинъ**, Административныя мытарства Короленко. „Русс. Вѣд.“, 1910 г., №№ 99, 102, 104.

107. **К. Чуковскій**, Вл. Короленко, какъ художникъ, „Критич. разсказы“, т. I, 1910 г.

108. **К. Чуковскій**, Послѣднія произведенія Короленко, „Рѣчь“, 1910 г., № 229.

109. **В. Артемьевъ**, У В. Г. Короленко, „Пробужд.“, 1910 г., № 9.

110. **Ѳ. Батюшковъ**, В. Г. Короленко, „Исторія русс. литерат. XIX в.“ подъ ред. Овсянико-Куликовскаго, М., 1910 г., т. V, в. 24, стр. 170—187.

111. **Л. Козловскій**, Короленко, М., 1910 г.

112. **Д. Овсянико-Куликовскій**, Исторія русской интеллигенціи, ч. III (Собр. соч. т. IX), СПБ., 1911 г. стр. 1—45.

113. **А. Амфитеатровъ**, Пестрыя главы (В. Г. Короленко и 25-лѣтн. юбилей его возвращенія изъ администрат. ссылки). „Современникъ“, 1911 г., № 2. (Собр. соч., т. XV, стр. 347—87).

114. **Гр. Полонскій**, О Вл. Короленко, „Н. Жизнь“, 1911 г., № 2.

115. **Н. Шихановъ**, Воспоминанія о В. Г. Короленко, „Нед. Совр. Слова“, 1911 г., № 152.

116. **Н. Кадминъ**, Очерки по исторіи русской литературы, подъ ред. А. Бороздина, М., 1912 г.

117. **Н. Шаховская**, В. Г. Короленко. Опытъ біограф. характерист. М., 1912 г., 185 стр. (о ней: **Дерманъ**, „Завѣты“, 1912 г., № 5; **Ф-ъ**, „Соврем.“, 1912 г., № 6; **В. Истоминъ**, „Рус. Фил. Вѣст.“, 1912 г., III, стр. 36—7; „Лит. прил. къ Нивѣ“, 1912 г., № 7.)

118. **Б. Глинскій**, Памяти Анненскаго, „Ист. Вѣст.“, 1912 г., № 9, стр. 1031—34, 1046.

119. **Н. Ашешовъ**, В. Г. Короленко—публицистъ, „Совр. Иллюстр.“, 1913 г., № 7.

120. **Ѳ. Батюшковъ**, Поэзія вымысла и правда жизни въ произведеніяхъ В. Г. Короленко, „Совр. Иллюстр.“, 1913 г., № 7.

121. **Ѳ. Батюшковъ**, Въ Джанхотѣ у В. Г. Короленко, „Солнце Россіи“, 1913 г., № 29.

122. П. Быковъ, Великая душа, „Солн. Рос.", 1913 г., № 29.
№ 122а. И. Игнатовъ, Гимнъ справедливости, „Русск. Вѣд.", 1913, № 162.
№ 122б. А Изм., В. Г. Короленко, „Бирж. Вѣд.", вечерн. вып., 1913 г., № 13647.
123. Соціальный писатель, „Бюлл. литер. и жизни", 1913 г., № 8, стр. 443—447.
124. Н. Геккеръ, Короленко въ борьбѣ. „Сѣв. Зап.", 1913 г., № 7.
125. Р. Григорьевъ, В. Г. Короленко, „Наша Заря", 1913 г., № 6, стр. 8.
125а. А. Бурнакинъ, Литературныя замѣтки, „Новое Время", 1913 г. 26—VII.
125 б. М. Меньшиковъ, Суета суетъ. (Письма къ ближнимъ), „Новое Время", 1913 г., 28-VII.
126. А Дерманъ, В. Г. Короленко. „Завѣты", 1913 г., № 11, стр. 27—45.
127. Н. Карабчевскій, Адвокатъ „Honoris causa", „Совр. иллюстр", 1913 г., № 7.
128. Н. К-овъ, Матеріалы для исторіи русск. журналистики (Арх. Гольцева), „Гол. Минув.", 1913 г., № 11, с. 236.
129. Ал. Ожиговъ, Ратоборецъ областничества, „Совр. иллюстр.", 1913 г. № 7.
130. Ал. Ожиговъ, В. Г. Короленко, «Современикъ», 1913 г., № 7, стр. 326—350.
131. А. Филиппoвъ, В. Г. Короленко, «Нов. жур. для всѣхъ», 1913 г., № 7.
132. М. Коломенкина, 50-лѣтній юбилей В. Г. Короленко, въ Полтавѣ, «Гол. Минув.», 1914 г., № 7, стр. 107—137.
133. Ѳ. Эрнъ, Дѣти и школа въ произведеніяхъ В. Короленко, «Вѣст. воспит.», 1914 г., № 2.
134. М. Невѣдомскій, 80-ые и 90-ые годы въ нашей литературѣ, «Ист. Россіи» изд. Гранатъ, т. IX, в. 33, с. 42—55.
135. В. Голиковъ, О бодромъ и унылом, «Вѣст. Зн.», 1915 г., № 2, с. 6; № 3, с. 12.
136. А. Дерманъ, В. Г. Короленко, «Рус. Мысль», 1915 г., № 12, с. 24,
137. Н. Котляревскій, Первая дружба съ писателями, «Вѣст. Евр.». 1915 г., № 12, стр. 12.
138. В. Розенбергъ, Путь писателя Короленко. «Гол. Минув.», 1916 г., № 9.
139. А. Щербина, «Слѣпой музыкантъ» В. Г. Короленко, какъ попытка зрячихъ проникнуть въ психологію слѣпыхъ, М., 1916 г., 51 стр. (Сборн. «Г. И. Челпанову. 1891—1916, Ст. по филос. и психол.». М., 1916, стр. 1—52).
140. А. Щербина, Поразительное совпаденіе, «Русск. Вѣд.», 1916 г., № 14.
141. Ѳ. Батюшковъ, Значеніе В. Г. Короленко въ наши дни. (По поводу 65-лѣтія рожденія), «Нашъ Вѣкъ», 1918 г., № 129.
142. А. Горифельдъ, Лучшее произведеніе Короленко, «Нов. Вечер. часъ», 1918 г., № 125.
143. П. Рыссъ, Потушенные огни, «Нов. Веч. часъ», 1918 г., № 125.
144. А. Ожиговъ, Жизнь писателя въ освѣщеніи департамента полиціи, «Нашъ Вѣкъ», 1918 г., № 129.

145. **А. Ожиговъ**, Рыцарь солнечнаго образа, «Новая Газета», 1918 г., № 55.

146. **Н. Рановъ**, Контръ-революціонеръ Короленко, «Новая Газета», 1918 г., № 55.

147. **А. Евгеньевъ**, В. Г. Короленко о сіонизмѣ, «Новыя Вѣдомости», 1918 г. отъ 28-VII.

148 **А. Кауфманъ**, В. Г. Короленко передъ судомъ чести, «Нов. Вечер. Часъ», 1918 г., № 125.

149. **А. Гизетти**, Свѣтлый духомъ. В. Г. Короленко. Крит.-біогр. очеркъ, ПГ., 1918 г., 62 стр.

II.

150. «Газета А. Гатцука», 1890 г., № 32.

151. **Л. Прозоровъ**, «Сѣв. Вѣстн.», 1893 г., № 6, стр. 34—35, Областн. отдѣлъ.

152. „Русс. Вѣд.“, 1895 г., № 131.

153. „Пріазов. край“, 1895 г., № 118.

154. **Л. Прозоровъ**, „Сѣв. Вѣст.“1895 г., № 2, стр. 9—10, Област. отд.

155. „Вѣст. Евр.“, 1895 г., № 11, стр. 459—461, отд. „Изъ обществ. хроники“.

156. „Русс. Вѣд.“, 1896 г., №№ 8 и 22.

157. „Вѣст. Евр.“, 1896 г., № 2, стр. 911—14 и № 7, стр. 466—468, отд. „Изъ обществ. хроники“.

158. „Нов. Время“, 1896 г., № 7348.

159. „Міръ Божій“, 1896 г., № 2, стр. 277—279, отд. „Разныя разности“.

160. „Русс. Вѣстн.“, 1896 г., № 4, стр. 327, отд. „Соврем. лѣтопись“.

161. „Орлов. Вѣстн.“, 1896 г., № 21.

162. Изъ Нижегород. жизни, „Волж. Вѣст.“, 1896 г., № 10.

163. „Волынь“, 1897 г., № 43.

164. **К. С-въ**, „Сарат. лист.“, 1897 г., № 60.

165. **Б. Глинскій**, Русская періодическая печать въ провинціи, „Историч. Вѣст.“, 1898 г., № 1.

166. „Петерб. газета“, 1898 г., № 59.

167. „Русскія Вѣдомости“, 1898 г., № 1. (Литература въ 1897 г.).

168. **А. П.**, „Моск. Вѣдом.“, 1898 г., № 254.

169. „Сынъ Отеч.“, 1899 г., № 323.

170. Литерат. приложеніе къ „Торг.-Пром. газ.“, 1899 г., №№ 28 и 29.

171. „Новости“, 1899 г., № 323.

172. „Жизнь и Искусство“, 1899 г., № 114.

173. Засѣданіе Пушкинскаго общества, „Волжск. Вѣст.“, 1900 г., №№ 97 и 98.

174. „Одесс. Нов.“, 1900 г., № 4857.

175. **Фаресовъ**, Памяти Н. С. Лѣскова, „Вѣст. Всем. Ист.“, 1900 г., № 6.

176. **Буква**, Съ Невскаго берега, „Од. Лист.“, 1900 г., № 23.

177. „Одесс. листокъ,“ 1900 г., № 227.

178. Англичане о русс. литературѣ, „Литерат. Вѣст.“, 1901 г., т. I., кн. III, стр. 366.

179. Rossica, „Литерат. Вѣстн.“, 1901 г., т. II, кн. 5, стр. 185.

180. „Литерат. Вѣстн.“, 1901 г., т. II, кн. 6, стр. 201—203, отд. „Хроника“.

181. „Русскія Вѣдомости“, 1901 г., № 43.

182. „Міръ Бож.“, 1902 г., № 5, отд. „На родинѣ“.

183. „Русс. Мысль“, 1902 г., № 5. отд. „Внутр. обозрѣніе“.

184. „Русс. Вѣдом.“, 1902 г., № 349.

185. „Вѣстникъ Европы“, 1903 г., № 12, отд. „Изъ обществ. хроники“.

186. „Русская Мысль“, 1903 г., № 8, отд. „Внутр. обозр.“ №№ 4 и 8, отд. „Журнальное обозр.“.

187. „Міръ Божій“, 1903 г., №№ 8 и 9.

188. „Образованіе“, 1903 г., № 3, стр. 64—9 и № 8, отд. „Хроника“.

189. „Вѣстн. Знанія“, 1903 г., № 8, стр. 132—137.

190 „Журн. для всѣхъ“, 1903 г., № 8, отд. „Внутр. Хроника“.

191. **Д. Овсянико-Куликовскій**, Стихотвореніе посвященное В. Г. Короленко, „Журн. для всѣхъ“, 1903 г., № 9.

192. „Литературный Вѣстникъ“, 1903 г., т. V, кн. I, стр. 147—148, отд. Хроника, кн. 4, стр. 520—522, отд. „Изъ русской печати“, стр. 522, отд. „Изъ русской жизни“, т. VI, кн. 5, стр. 74—75, отд. „Изъ русской печати“, кн. 6, стр. 193—194.

193. „Литературн. Вечера“, 1903 г., № 7, отд. „Литерат. и жизнь“.

194. „Театръ и Искусство“, 1903 г., № 30.

195. „Нива“, 1903 г., № 46.

196. „Живописная Россія“, 1903 г., №№ 130, 133, 137, 148, 151.

197. „Восходъ“, 1903 г., №№ 26, 33, 47.

198. **I. Файншмидтъ**, Стихотвореніе — Владиміру Галактіоновичу Короленко, „Восходъ“, 1903 г., № 30.

199. „Русскія Вѣдомости“, 1903 г., №№ 34, 43, 125, 139, 155, 163, 168, 177, 183, 184, 189, 191, 193, 194, 195, 201, 206, 209, 210, 213, 247, 289, 304, 308, 309, 314, 316, 325, 326, 329 и 332.

200. „Новое Время“, 1903 г., №№ 9810, 9811, 9816, 9823, 9826, 9828, 9829, 9887, 9895, 9929, 9945, 9950 и 9980.

201. „Новости“, 1903 г., №№ 115, 124, 162, 175, 188, 194, 195, 201, 218, 245, 247, 252, 261, 293, 296, 303, 308, 311, 315, 323 и 334.

202. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1903 г., №№ 32, 122, 124, 154, 160, 163, 164, 186, 189, 191 и 192.

203. „Московскія Вѣдомости“, 1903 г., №№ 116, 313 и 327.

204. „Биржевыя Вѣдомости“, 1903 г., №№ 554, 565 (**Н. Васильевъ**, В. Г. К. въ Нижн.-Новг.), 566, 568, 573, отъ 17—VI, 15—VIII (**Г. Б—кій**, В. Г. К. въ Полтавѣ), 16—VII, 22—IX.

205. „Одесскія Новости“. 1903 г., №№ 5845, 6030 (**Г. Кречетовъ**, Чествов. В. Г. К. въ Полтавѣ), 6031, 6033, 6034, 6036, 6039, 6041, 6042, 6044, 6046, 6049, 6054, 6069 (**Л. Л—скій**, Исторія одного адреса), 6070, 6071, 6078, 6079, 6089, 6092, 6093, 6094, 6112, 6117, 6119, 6120, 6124, 6131, 6134, 6135, 6138, 6139, 6140 (**Н. Геккеръ**, Къ чествованію В. Г. К., Его друзья и враги), 6141, 6143, 6145, 6146, 6149 (**С. Чудновскій**, „На праздникѣ русской интеллигенціи“), 6156, 6157, 6159 и 6160.

206. „Волжскій Вѣстникъ“, 1903 г., №№ 86, 96, 103, 132, 135, 149, 166, 168, 196 199, 228, 249, 252, 259 и 315.

207. „Сѣверо-Западное Слово“, 1903 г., №№ 1590, 1629, 1630, 1633, 1639, 1640, 1641, 1645 1646, 1650, 1652, 1656, 1660, 1667, 1673, 1679, 1680, 1683, 1692, 1713, 1714, 1727, 1765, 1770, 1773, 1778, 1779, 1780, 1797 и 1809.

208. „Кіевскіе отклики“, 1903 г., №№ 2 и 3.

209. „Восточное Обозрѣніе“, 1903 г., № 74.

210. „Herold“, 1903 г., отъ 17—VI, 16—VIII.

211. Н. Стародумъ, „Журнальное Обозрѣніе“, „Русск. Вѣстн.“, 1903 г., № 7, стр. 342, 1904 г., № 12, стр. 749—782.

212. „Міръ Божій“, 1904 г., № 1, стр. 21, отд. „Разныя разности“.

213. „Литерат. Вѣстникъ“, 1904 г., т. VII, кн., 1, ст. 107 (Rossica, Переводы русскихъ писателей на греческій языкъ) и стр. 128—129.

214. Могилянскій, Г. И. Успенскій въ Черниговской гимназіи, «Всемірный Вѣстникъ», 1904 г., № 4, стр. 42—58.

215. «Русскія Вѣдомости», 1904 г., № 329 и 331.

216 «Русь», 1904 г., № 347.

217. «Новости», 1904 г., № 273.

218. «Сынъ Отечества», 1904 г., № 10.

219. «Кіевскіе Отклики», 1904 г., №№ 194, 251 и 331.

220. «Сѣверо-Западное Слово», 1904 г., № 1876.

221. «Восточное Обозрѣніе», 1904 г., № 129.

222. „Міръ Божій“, 1905 г., № 8, стр. 42.

223. „Образованіе“, 1905 г., № 4, отд. „Хроника русск. жизни“.

224. „Вѣстникъ Литературы“, 1905 г., №№ 17 и 19.

225. Литерат. прибавленіе къ „Нивѣ“, 1905 г., № 7.

226. „Русь“, №№ 61 и отъ 7—X.

227. „Русскія Вѣдомости“, 1905 г., №№ 33 и 67.

228. „Одесскія Новости“, 1905 г., №№ 6552, 6561 и 6783.

229. „Слово“, 1905 г., № 48.

230. „Кіевскіе Отклики“, 1905 г., №№ 34, 230 и 303.

231. „Восточное Обозрѣніе“, 1905 г., №№ 49 и 259.

232. „Музыкальный Міръ“, 1905 г., № 1.

233. „Русскія Вѣдомости“, 1906 г., №№ 63, 69, 113, 124.

234. „Русь“, 1906 г., №№ 16, 20, 22, 23, 24, 59, отъ 7 и 8—II.

235. „XX Вѣкъ“, 1906 г., №№ 32, 48 и отъ 8—IV, 16—V.

236. „Рѣчь“, 1906 г., №№ 28, 61, 74 и 75.

237. „Наша Жизнь“, 1906 г., №№ 358, 362, 363, 396, 432 и 448.

238. „Современное Слово“, 1906 г., № 18.

239. „Страна“, 1906 г., №№ 23 и 53.

240. „Московскія Вѣдомости“, 1906 г., №№ 38, 60, 128 и 129

241. „Биржевыя Вѣдомости“, 1906 г., №№ 9263, 9282, и 9291.

242. „Новое Время“, 1906 г., №№ 10766 и 10837.

243. „Русское Слово“, 1906 г., отъ 9—V.

244. „Современная Жизнь“, 1906 г., № 90.

245. „Слово“, 1906 г., № 464.

246. „Одесскія Новости“, 1906 г., №№ 6828, 6836, 6843, 6844, 6847, 6849, 6850, 6854, 6872, 6905, 6917 и 6930.

247. „Сибирское Обозрѣніе“, 1906 г., №№ 1 и 11.

248. „Herold“, 1906 г., отъ 7—III.

249. „Русскія Вѣдомости“, 1907 г., №№ 3, 11, 59, 70, 151, 196 и 234.

250. „Русь“, 1907 г., №№ 7, 85, 123, 126, 135, 176, 229 и отъ 1—IV, 7—VI, 25—VI (Книги и писатели), 5—VII, 26—VIII.

251. „Рѣчь“, 1907 г., №№ 72, 106, 111, 132, 204. 242, 261, 268, 382 295, 298 и 396.

252. „Новое Время“, 1907 г., №№ 11187, и 11393.

253. „Товарищъ“, 1907 г., №№ 190, 258, 266, 310, 358, отъ 13—II, 15—V, 5—VII (А. Горнфельдъ, „Молодой Чеховъ“).

254. „Биржевыя Вѣдомости“, 1907 г., №№ 9840, 9879, 9990, 10073 и 10083.

255. „Новое Время“, 1907 г., №№ 11185 и 11189.

256. „Слово“, 1907 г., №№ 236 и 275.

257. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1907 г., № 17.

258. „Родная Земля“, 1907 г., отъ 12—II.

259. „Минувшіе Годы“, 1908 г. № 4, стр. 39, № 5—6, стр. 173, 310, № 7, стр. 106, 312.

260. „Вѣстникъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ“, 1908 г., № 1 („Юбилей Г. К. Градовского“).

261. „Рѣчь“, 1908 г., № 156 и 210.

262. „Русскія Вѣдомости“, 1908 г., № 253.

263. „Русское Слово“, 1908 г., № 48 и отъ 29—VIII.

264. „Слово“, 1908 г., №№ 392, 552 и отъ 14—XII („Въ литератури. обществѣ“).

265. „Русь“, 1908 г., № 81.

266. „Новая Русь“, 1908 г., № 168.

267. „Биржевыя Вѣдомости“, 1908 г., №№ 10375 и 10574.

268. „Межа“, 1908 г., № 1.

269. „Реформа“, 1908 г., № 1.

270. „Столичная Почта“, 1908 г., № 251.

271. „Утро“, 1908 г., № 17.

272. „Нашъ Вѣкъ“, 1908 г., № 961.

273. „Рѣчь“, 1909 г., №№ 8. 33, 134 и отъ 30—X.

274. „Современное Слово“, 1909 г., отъ 16 — XI („Освященіе, памятника Г. И. Успенскому“).

275. „Слово“, 1909 г., №№ 785 и 811.

276. „Новая Русь“, 1909 г., №№ 136, 310 и отъ 4—V, 22—VI.

277. «Одесскія Новости», 1909 г., №№ 7719, 7799, 7812, 7909 и 7963.

278. Н. Яковлевъ, Наши писатели, «Слушай Земля», 1909 г. № 4.

279. «Рѣчь», 1910 г., отъ 29—XII.

280. «Биржевыя Вѣдомости», 1910 г., отъ 16—II.

281. «Петербургская Газета», 1910 г., № 334 («Кто они?»).

282. «Русскій Филологическій Вѣстникъ», 1910 г., № 2, стр. 380.

283. «Herold», 1910 г., отъ 10—IV, 19—VIII.

284. «Пробужденіе», 1911 г., № 3. («В. Г. Короленко въ ссылкѣ»).

285. «Обозрѣніе театровъ», 1911 г., отъ 2—II.

286. «Извѣстія книжнаго магазина М. О. Вольфа», 1911 г., № 2.

287. «Рѣчь», 1911 г., отъ 15—I (письмо въ ред.), 6—III (письмо въ ред.), 26—VIII, 27—VIII (письмо въ ред.).

288. «Биржевыя Вѣдомости», 1911 г., отъ 25—XI.

289. «Русское Слово», 1911 г. отъ 28—I.

290. «Рѣчь», 1912 г., отъ 13—I, 29—II, 5—III, 16—V, 28—XI и № 131.

291. «Биржевыя Вѣдомости», 1912 г., отъ 2—VI, 28—VII, 29—XI («Похороны Н. Ѳ. Анненскаго»).

292. «Синій Журналъ», 1912 г., № 4.

293. «Herold», 1912 г., отъ 14—IV.

293-а. Къ юбилею В. Г. Короленко, „Русс. Вѣд.“, 1913, №№ 162—168.

294. «Вѣстникъ Воспитанія», 1913 г., № 5 («В. Г. Короленко. По поводу 60-лѣтія со дня рожденія»).

295. «Солнце Россіи», 1913 г., №№ 29 и 33.

296. «Рѣчь», 1913 г., отъ 16—VII, 29—VIII (Ѳ. Батюшковъ, «Г. помощникъ пристава и литературная критика»), 15—IX; 1914 г., отъ 18—VI

297. «Биржевыя Вѣдомости», 1913 г., отъ 16—VII, 21—IX (Письмо въ ред.), 1915 г., отъ 17—VI, 14—XI.

298. «Herold», отъ 28—VI, 19—VII.

299. «Кіевская Мысль», Приложеніе, 1913 г., № 29 (Портреты и иллюстраціи).

300 «Журналъ журналовъ», 1915 г., № 19 (Мих. Левидовъ, Современные беллетристы).

301. В. Г. Короленко и процессъ Бейлиса, «Бирж. Вѣд.» 1916 г., № 15310.

302. Протестъ В. Г. Короленко въ защиту свободы печати, «Русск. Вѣдомости», 1917 г., № 253.

303. Двадцатипятилѣтіе „Русскаго Богатства“, „Русск. Бог.“, 1918 г., № 1—3, стр. 340.

304. Призывъ В. Г. Короленко къ человѣчности, „Свобода Россіи“, 1918 г., № 19.

305. Письмо В. Г. Короленко, „Свобода Россіи“, 1918 г., № 39.

306. Юбилей В. Г. Короленко, „Нашъ Вѣкъ“, 1918 г., № 129.

307. Чествованіе В. Г. Короленко, „Нашъ Вѣкъ“, 1918 г., № 130.

308. Чествованіе В. Г. Короленко, „Нов. Вечер. Часъ“, 1918 г., № 126.

309. М. П—цъ, Праздникъ русской интеллигенціи, „Новый Веч. Часъ“, 1918 г., № 125.

310. Защитникъ униженныхъ и оскорбленныхъ, „Новая Газета“, 1918 г., № 55.

311. Торжественное засѣданіе въ честь В. Г. Короленко, „Новыя Вѣдомости“, 1918 г., № 122.

312. Quidam, На празднике писателя. Чествованіе писателя-гражданина, „Вечернее Слово“, 1918 г. № 94.

313. Отъ Комитета Фонда Народной Литературы имени В. Г. Короленко, „Вѣстникъ Культуры и Свободы“, 1918 г., № 2.

3.

О разск. „**Ночь подъ Свѣтлый праздникъ**“ („**Страстная Суббота**“).

1. **Л. О.**, „Русск. Бог.“, 1887 г., № 1, стр. 193—194.
2. „Міръ Божій“, 1894 г., № 9, стр. 177.
3. „Русск. Мысль“, 1894 г., № 8, стр. 422.
4. „Русск. Школа“, 1894 г., № 9—10, стр. 329.
5. **Л. К—въ**, „Міръ Божій“, 1905 г., № 6.
6. „Русск. Мысль“, 1906 г., № 3, стр. 77.

О разсказѣ „**Сонъ Макара**“.

1. **Л. О.**, „Русск. Бог.“, 1887 г., № 1, стр. 194—202 (отд. „Обо всемъ“).
2. „Русск. Вѣстн.“, 1894 г., № 7, стр. 304—306.
3. „Міръ Божій“, 1900 г., № 3, стр. 109, библіогр. отд.

О разсказѣ „**Старый звонарь**“.

1. „Міръ Божій“. 1894 г., № 9. стр. 177.
2. „Русск. Мысль“, 1894 г., № 8, стр. 422.
3. „Русск. Школа“, 1894 г., № 9—10, стр. 329.
4. „Новое Слово“, 1897 г., № 6, стр. 71, отд. „Нов. книги“.

О разсказѣ „**Въ дурномъ обществѣ**“ („**Дѣти подземелья**“).

1. „Русск. Мысль“, 1892 г., № 10, библіогр. отд., стр. 470.
2. „Сѣв. Вѣстникъ“, 1892 г., № 8, стр. 76, отд. „Нов. книги“.
3. **Н. Тулуповъ**, „Русск. Школа“, 1893 г., № 3.
4. „Русск. Вѣд.“, 1894 г., № 98.

О разсказѣ „**Лѣсъ шумитъ**“.

1. „Сѣв. Вѣстн.“, 1891 г., № 5, отд. II, стр. 118—121.
2. „Міръ Божій“. 1900 г., № 3, стр. 109, библіогр. отд.

О повѣсти „**Слѣпой музыкантъ**“.

1. **А. Рамбо**, „Journal des Debats“, 1894 г.. № 1.
2. **Ѳ. Батюшковъ**, По поводу новаго изданія „Слѣпого Музыканта“ „Вѣстн. Европы“, 1898 г., № 5, стр. 411—418.
3. „Русск. Вѣд.“, 1898 г., № 16.
4. **А. Бирюлевъ**, Художественная и реальная правда въ повѣсти Короленко „Слѣпой музыкантъ“, „Волжск. Вѣстн.“, 1900 г., № 240.
5. **А. Архангельскій**, Новый взглядъ на повѣсть „Слѣпой музыкантъ“ (по поводу реферата Бирюлева). Каз.. 1900 г. („Казан. Телегр.“, 1900 г., №№ 2394 и 2395)
6. **І. Палѣй**, В. Г. Короленко. Значеніе „Слѣпого музыканта“ въ русской литературѣ и цѣль автора, Од., 1904 г.
7. **С. Надсонъ**, Повѣсть Короленко «Слѣпой музыкантъ», „Проза. дневникъ, письма“, изд. 1912 г.
8. **А. Щербина**, „Слѣпой музыкантъ“ В. Г. Короленко, какъ попытка зрячихъ проникнуть въ психологію слѣпыхъ, М., 1916 г., 51 стр. (Сборн. „Г. И. Челпанову. 1891—1916. Ст. по филос. и псих.“, М., 1916 г., стр. 1—52).

О сборникахъ „Очерки и разсказы“ кн. I—III.

1. „Вѣст. Евр.“, 1887 г., № 2.

2. „Сѣв. Вѣст.“, 1887 г., № 1, с. 121—122, отд. „Нов. кн.“.

3. Г., Литературныя явленія, пропущенныя нашей критикой, „Южн. Край“, 1887 г., №№ 2281, 2288, 2394, 2300 и 2307.

4. К. Говоровъ, „Очерки и разсказы В. Г. Короленко“, «День“, 1889 г., №№ 338. 344 и 351.

5. Д. П. С., „Сѣв. Кур.“, 1899 г., № 217.

6. Н. Мировичъ, „Библіогр. Зап.“, 1892 г., № 2.

7. „Волж. Вѣсти.“, 1893 г., №№ 85 и 87.

8. В—въ, „Міръ Бож.“, 1893 г., № 2, с. 177—183, отд. „Библіогр.“.

9. „Рус. Мысль“, 1893 г., № 2, с. 51—52, Библіогр. отд.

10. „Сѣв. Вѣст.“, 1893 г., № 7, с. 42—47.

11. „Бирж. Вѣд.“, 1899 г., № 282.

12. М. И., „Вѣст. Всем. Ист.“, 1901 г., № 6, с. 249—51.

13. „Міръ Бож.“, 1902 г., № 1, отд. „На родинѣ“.

14. Н. Коробка, Новый томъ разсказовъ В. Г. Короленко, „Вѣст. и библ. самообр.“, 1903 г., № 28.

15. А. Липовскій, „Лит. Вѣст.“, 1903 г., т. V, кн. 4, с. 491—495.

16. Пл. Красновъ, Короленко. Очерки и разсказы, кн. III. „Литерат. Вечера“, 1903 г., № 4, с. 219—223, отд. „Лит. обозр.“

17. Я., Третья книжка разсказовъ В. Г. Короленко, „Сѣв.—Зап. слово“, 1903 г., № 1497.

18. А. Богдановичъ, Очерки и разсказы В. Г. Короленко, кн. III „Міръ Бож.“, 1903 г., № 3, с. 1—10.

Объ „Огонькахъ“.

„Литерат. Вечера“, 1901 г., № 8, отд. „Литерат. обозр.“

О разск. „По пути“.

„Рус. Мысль“, 1888 г., № 4, библ. отд., с. 202—203.

О разск. „Съ двухъ сторонъ“.

1. „Рус. Мысль“, 1888 г., № 11, с. 174—206, № 12, с. 214—226.

2. „Волж. Вѣст.“, 1889 г., № 4.

3. Р. Д., „Недѣля“, 1889 г., № 5.

4. „Русск. Вѣд.“, 1889 г., № 5.

О разск. „Ночью“.

1. „Волжск. Вѣст.“, 1889 г., № 4.

2. „День“, 1889 г., № 219.

3. Р. Д., „Недѣля“, 1889 г., № 5.

4. „Русск. Мысль“, 1889 г., № 1.

5. „Русск. Вѣд.“, 1889 г., № 5.

6. Г., Новый разсказъ Короленко, „Южн. Край“, 1889 г., №№ 2771, 2777.

7. Величкина, „Образ.“, 1903 г., № 12, с. 134.

О разск. „Судный день“.

1. „Русск. Мысль“, 1896 г., № 8, библ. отд., с. 381—386.
2. „Нов. слово“, 1896 г, № 9, с. 56, отд. „Нов. кн.“
3. Тенденціозное просвѣщеніе народа, „Моск. Вѣд“, 1903 г., № 140.

О разск. „Тѣни“.

1. А. Скабичевскій, „Новости“, 1892 г., № 9.
2. Литерат. прилож. „Нивы“, 1894 г., № 11, с. 555—556, отд. библіогр.
3. „Недѣля“, 1894 г., № 18.
4. „Русск. Мысль“, 1894 г., № 3, библ. отд., с. 150—154.
5. „Русск. Филол. Вѣст.“, 1906 г., кн. III—IV, с. 390—391.

О разск. „Пріемышъ“

„Русск. Бог.“, 1891 г., № 12, с. 241—242.

О пов. „Рѣка играетъ“.

В. Н., „Русск. Бог.“, 1892 г., № 1, с. 134—135.

О разск. „Щось буде“.

„Русск. Бог.“, 1892 г., № 7, отд. „Нов. книги“.

О разск. „Атъ Даванъ“.

„Книжки Недѣли“, 1892 г., № 12, с. 194—197, отд. Литерат. Лѣтоп.

О кн. „Въ голодный годъ“.

1. „Книжки Недѣли“, 1893 г., № 3. с. 236—238, отд. Лит. Лѣтоп.
2. „Русск. Мысль“, 1893 г., № 4, библ. отд., с. 247—250.
3. „Русск. Мысль“, 1893 г., № 5, библ. отд., с. 202—203.
4. „Русск. Мысль“, 1893 г., № 7, библ. отд., с. 340.
5. „Вѣст. Евр.“, 1894 г., № 1, с. 179—183.
6. В-зовъ, „Міръ Бож.“, 1894 г., № 1, с. 179—183.
7. „Русск. Мысль“, 1894 г., № 3, библ. отд., с. 122—123.
8. В. Сторожевъ, „Этногр. обозр.“, кн. XIX, с. 181—186.
9. „Нов. Время“, 1897 г., № 7638.
10. „Вѣст. Евр.“, 1897 г., № 8.
11. А. Б., „Міръ Бож,“, 1897 г., № 6, с. 6—8, отд. „Крит. замѣт.“

О разск. „Парадоксъ“.

„Книжки Недѣли“, 1894 г., № 6, с. 263—266. отд. Литер. Лѣтоп.

О пов. „Драка въ домѣ“.

„Русск. Мысль“, 1895 г., № 2, библ. отд., с. 84—85.

О сборн. „Въ память Гацисскаго“.

1. А. Б., „Міръ Бож.“, 1897 г., № 8, с. 1—6, отд. „Критич. замѣтки“
2. П. Ш., „Русск. Вѣд.“, 1897 г., № 227.

Объ оч. „**Въ борьбѣ съ дьяволомъ**“.

„Міръ Божій“, 1897 г., № 11, с. 6—8.

О разск. „**Безъ языка**“.

1. „Книжки Недѣли“, 1895 г., № 5, с. 208—213, отд. „Литер. лѣтоп.“
2. „Русск. Мысль“, 1895 г., № 3, библ. отд., с. 133—134.
3. „Русск. Мысль“, 1895 г., № 6, библ. отд., с. 299—302.
4. **Ачкасовъ**, „Русск. Вѣст.“, 1896 г., № 2, с. 232—237.
5. **Ѳ. Бат—ковъ**, „Міръ Божій“, 1903 г., № 2, с. 97—100.
6. „Русск. Мысль“, 1903 г., № 4, библ. отд., с. 123.
7. **Лхч.**, „Нов. Время“, приложеніе, 1903 г., № 9664.
8. **А. Липовскій**, „Литер. Вѣстн.“, 1903 г., т. V. кн. 4, с. 491—495.

О кн. „**Дѣло мултанскихъ вотяковъ**“.

А. Б., „Міръ Бож.“, 1896 г., № 4, с. 306 отд. „Критич. замѣтки“ 1896 г., № 4, библ. отд., с. 10—11.

О разск. „**Въ облачный день**“.

„Книжки Нед.“, 1896 г., № 4, с. 251—254, отд. „Литерат. лѣтоп.“

О ст. „**Современная самозванщина**“.

„Книжки Нед.“, 1896 г., № 9, с. 275—278, отд. „Литерат. лѣтоп.“

О ст. „**Русская дуэль въ послѣдніе годы**“.

„Русск. Вѣд.“, 1897 г., № 55.

Объ очер. „**Надъ лиманомъ**“.

„Русск. Вѣд.“, 1897 г., № 331.

О кн. „**Опись дѣлъ Балаханскаго городового магистрата**“.

„Журн. Мин, Нар. Пр.“, 1906 г., № 3.

О пов. „**Необходимость**“.

1. „Восточ. Обозр.“, 1898 г., № 158.
2. „Русск. Вѣд.“, 1898 г., № 274.
3. „Книжки Недѣли“, 1898 г., № 12, с. 235—239.
4. **К. С-въ**, „Сарат. Листокъ“, 1898 г., № 274.
5. „Волж. Вѣстн.“, 1899 г., № 6.
6. **А. Скабичевскій**, „Жизинь и искусство“, 1899 г., № 1.
7. Современное увлеченіе буддизмомъ, „Моск. Вѣд.“, 1899 г., № 64.
8. „Новое Обозр.“, 1899 г., № 5158.
9. **Ал. Введенскій**, Буддійское ученіе о цѣпи причинностей. „Вѣра и Разумъ“, 1901 г., № 15, с. 91—94.

О **сборникѣ журнала „Русское Богатство“**.

„Вѣст. Евр.“, 1899 г., № 10.

О разск. „**Маруся**“.

1. „Волжск. Вѣст.“, 1899 г., № 264.

2. А. Басаргинъ, О талантѣ г. Короленко, „Моск. Вѣд.“, 1899 г. № 257.
3. В. Буренинъ, Критическіе очерки, „Нов. Вр.“, 1899 г., № 8454,
4. Львовъ, Природа и жизнь, „Одесс. Новости“, 1899 г., № 4730,
5. И-т, Новость литературы, „Русск. Вѣд.“, 1899 г., № 1236.
6. А. Скабичевскій, Текущая литература, „Сынъ Отеч.“, 1899 г. № 251.
7. „Русск. Вѣст.“, 1899 г., № 10, с. 716.
8. А. Б., „Міръ, Божій“, 1899 г., № 10, с. 10—11.

О разск. „Смиренные“.

1. Журнальныя замѣтки, „Восточ. Обозр.“, 1899 г., № 10.
2. В. Буренинъ, Критическіе очерки, „Нов. Время“, 1899 г., № 8315
3. Кроткіе и смиренные, „Моск. Вѣд.“, 1899 г., № 51.
4. „Русск. Вѣдом.“, 1899 г., № 51.
5. Кинъ, „Одесс. Нов.“, 1899 г., № 4552.
6. „Русск, Мысль“, 1899 г., № 3, библ. отд.; с. 111.
7. А. Скабичевскій, „Сынъ Отеч.“, 1899 г., № 55.
8. „Русск. Вѣстн.“, 1899 г., № 3. с. 284—287.
9. А. Б., „Міръ Божій“, 1899 г„ № 4, с. 18—19.

О ст. „Два убійства“.

„Нов. Обозр.“, 1899 г., № 5493.

О ст. „О сложности жизни“.

1. О программахъ, „Сѣв. Курьеръ“, 1899 г., № 38.
2. По поводу одной статьи въ „Русск. Богат.“, „Сѣв. Курьеръ“ 1899 г., № 45.

Объ оч. „У казаковъ“.

1, „Міръ Бож.“, 1901 г., № 12, с. 37.
2. Н. Г-ръ, Литерат. замѣтки, „Одесс. Нов.“, 1901 г., № 5162.
3. „Восточ. Обозр.“, 1901 г., № 280 и 1902 г., № 29.
4. „Міръ Бож.“, 1902 г., № 1, с. 33; № 2, с. 45.

О „Сибирскихъ разсказахъ“.

(„Морозъ“, „Послѣдній лучъ“, „Государевы ямщики“

1. Новые разсказы В. Г. Короленко, „Одесс. Нов.“, 1901 г., № 35.
2. И., Новости литературы, „Русск. Вѣд.“, 1901 г., № 78.
3. Т., Журнальное обозрѣніе, „Вост. обозр.“, 1901 г., № 65.
4. „Русск. Мысль“, 1901 г., № 3, с. 85.
5. „Бирж. Вѣд.“, 1901 г., № 63.
6. „Русск. Мысль“, 1901 г., № 4, с. 121.
7. „Нов. Время“, 1901 г., № 9030.
8. Н. Геккеръ, Журнальное обозрѣніе, „Одесс. Нов.“, 1901 г., №№ 5213 и 5242.
9. А. Б., „Міръ Божій“, 1901 г., № 3, с. 1.

10. Н. Малешевскій, Дешевыя общедоступныя книги, „Русск. Мысль“, 1905 г., № 6, с. 232.

Объ оч. „О Г. И. Успенскомъ“.

А. Б., Критическіе замѣтки, „Міръ Бож.“, 1902 г., № 1, с. 15.

О ст. „Н. К Михайловскій“.

„Рѣчь“, 1914 года, 20 янв.

О предисловіи къ кн. Хохлова.

1. Н. Виноградовъ, „Литер. Вѣст.“, 1903 г., т. VI, кн. 7—8, с. 279—84.
2. Н. Лоховъ, „Живоп. Россія, 1904 г., № 9.
3. Яцимирскій, „Ист. Вѣст.“, 1904 г., № 2.
4. Ѳ. Батюшковъ, Живая вѣра, „Міръ Бож.“, 1904 г., № 2.
5. „Вѣст. Евр.“, 1904 г., № 1, отд. „Литер. обозр.“.
6. „Русск. Бог.“, 1904 г., № 1.

О разск. „Не страшное“.

1. А. М. Бобрищевъ—Пушкинъ, „Всеміp. Вѣст.“, 1903 г., № 5, с, 234—250.
2. И., Литературныя Новости, „Русск. Вѣд.“, 1903 г., № 65.
3. Е. Аничковъ, „Не страшное“ В. Короленко, „Науч. Обозр.“, 1903 г., № 5.
4. Н. Коробка, Журнальн. замѣтки, „Образ.“, 1903 г., № 5, с. 110.
5. Р. Сементковскій, Что новаго въ литературѣ, „Литер. Прил. къ „Нивѣ“, 1903 г., № 12.
6. А. Ю., „Русск, Мысль“, 1903 г., № 4, отд. Журн. обозр. с. 166.
7. З Гиппіусъ, „Русск. Вѣд.“ 1903 г., № 65.
8. А. Б., «Міръ Божій», 1903 г., № 4.

Объ оч. «Памяти А. П. Чехова».

«Нов. Время», 1904 г., 31 іюля,

О ст. «Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ».

1. «Россія», 1904 г., 28 нояб.
2. Н. Носковъ, Историческая литература, «Бирж. Вѣд.», 1904 г. 9 дек.
3. Ѳ. Арн., «Русск. Мысль», 1905 г., № 1, с. 138.
4. Р. Сементковскій, Что новаго въ литературѣ, «Литер. прил. къ Нивѣ», 1905 г., № 1.
5. В. Богучарскій, «Міръ Бож.», 1905 г., № 1, с. 34.

Объ оч. «Феодалы».

1. Г. А., «Сѣв.-Зап. Слово», 1904 г., № 1956.
2. Ашешевъ, «Образован.», 1904 г., № 5, с. 118.
3. В. Брюсовъ, Европейская литература въ 1904 году. I. Россія. Вѣсы, 1904 г., № 9.

О ст. «Трагедія Ковалева и нравы военной среды».

«Бирж. Вѣд.», 1905 г., № 8955.

О разск. «Командировка» («Чудная»).

1. Е. Колтановская, «Новости литературы», «Вѣст. и библ. самообр.» 1905 г., № 51.
2. Н., Старый разсказъ, «Русь», 1905 г.. 243.
3. А., «Русск. Мысль», 1905 г., № 10, с. 166.
4. «Русск. Мысль», 1906 г., № 2, с. 57.

О ст. «Холерный карантинъ на девяти-фут. рейдѣ».

В. Кранихфельдъ,, «Міръ Бож.», 1905 г., № 8.

О «Разсказахъ о встрѣчныхъ людяхъ».

А-скій, Изъ книги и жизни, «Русск. Вѣд.», 1907 г., № 278.

О ст. «Сорочинская трагедія».

1. «Бирж. Вѣд.», 1907 г., № 9927.
2 А. С. Изгоевъ, Осужденіе террора, «Рѣчь», 1907 г.

О кн. «Отошедшіе».

1. М. Славинскій, «Слово», 1908 г., № 545.
2. Ѳ. Б., «Совр. Міръ», 1908 г., № 6, с. 145.
3. Б. В-ій, «Минувш. годы», 1908 г.. № 8, с. 316.
4. Г. М., «Вѣст. Евр.», 1908 г., № 7.

Объ «Исторіи моего современника».

1. П. Боборыкинъ, «Русск. Вѣд.», 1906 г., № 43.
2. Н. Геккеръ, Два воспоминанія, «Одесс. Нов.», 1906 г., № 6883.
3. П. Боборыкинъ, «Одесс. Нов.», 1906 г., № 6883.
4. Е. Аничковъ, «Страна», 1906 г., № 66.
5. И., Литературные отголоски, «Русск. Вѣд.», 1906 г., № 3.
6. Д. Овсянико-Куликовскій, «Страна», 1906 г., № 77.
7. В. Кранихфельдъ, «Міръ Бож.», 1906 г., № 3, с. 75.
8. П. Дмитріевъ, Журнал. Обозрѣніе, «Образов.», 1907 г., № 4 с. 81.
9. Д. Шестаковъ, По журналамъ, «Слово», 1907 г., № 125.
10. Н-скій, «Русск. Вѣд.», 1908 г., № 250.
11. А. С. Изгоевъ, Литературно-общественный дневникъ, «Рѣчь», 1908 г., № 59.
12. А. С. Изгоевъ, Молодость семидесятниковъ, «Рѣчь», 1908 г., № 262.
13. А. Амифитеатровъ, Записная книжка, «Одесс. Новости», 1909 г. № 7822.
14. «Литерат. прилож. къ Нивѣ», 1909 г., № 8.
15. Д. Овсянико-Куликовскій, «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 9, с. 58.

О предисловіи къ кн. «Рѣчи по погромнымъ дѣламъ».

1. «Русск. Бог.», 1909 г., № 2, с. 191.
2. «Одесс. Нов.», 1909 г., № 7719.

О ст. **«Трагедія писателя».**

1. **В. Ч. К.**, О жизненной драмѣ Гоголя, «Русск. Вѣд.», 1909 г., № 127.

2. **Ptyx**, Обзоръ русск. журн., «Вѣсы», 1909 г., № 5.

3. «Одесскія Новости», 1909 г., № 7813.

4. **А. Амфитеатровъ**, Записная книжка, «Одесс. Новости», 1909 г. № 7834.

О ст. **«Бытовое явленіе».**

1. **В-скій**, «Вѣст. Евр.», 1910 г., № 9.

2. **Л. Н.**, «Ист. Вѣст.», 1911 г., № 2.

О ст. **«В. М. Гаршинъ»** (Въ «Ист. русск. лит. XIX в.»).

1. **Львовъ-Рагачевскій**, «Совр. Міръ», 1912 г., № 3.

2. **В. Брюсовъ**, Новый трудъ по исторіи русской литературы, «Русск. Мысль», 1912 г., № 4, с. 31.

О пов. **«Съ двухъ сторонъ».**

А. Измайловъ, Темы и парадоксы, «Бирж. Вѣд.», 1915 г., № 14644.

О ст. **«Война, отечество и человѣчество».**

Л. М., «Вѣстн. Культуры и Свободы», 1918 г., № 3—4, с. 73—75.

Вс. Венгеровъ.

Оглавленіе.
